BX
597

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ

МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ

(1697—1772 гг.)

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ СЕКУЛЯРИЗАЦІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

В. С. Иконникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

17

Оттискъ изъ журнала „Русская Старина“ 1879 года.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
639

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

I.

Во время подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху и раздѣленія Россіи на отдѣльныя самостоятельныя княжества, церковное единство служило важнымъ политическимъ орудіемъ. «Такъ какъ свѣтской власти въ Россіи въ одномъ лицѣ сосредоточить было нельзя, то отцы собора установили одну духовную», читаемъ въ Синодальномъ дѣяніи константинопольскаго патріархата 1389 года. И константинопольскіе патріархи, противясь всѣми способами церковному раздѣленію Россіи, прямо заявили, что имъ удобнѣе вліять на ея дѣла «черезъ одного человѣка» [1]). Митрополиты-греки, въ свою очередь, стремились во чтобы то ни стало поддерживать этотъ порядокъ, такъ какъ съ нимъ соединялись не только извѣстныя политическія выгоды, но и значеніе ихъ собственной власти. И въ то время, когда уже совершалось такое опасное раздѣленіе (съ появленіемъ двухъ и даже трехъ митрополитовъ), митр. Фотій налагаетъ запрещеніе на своего противника и епископовъ, избравшихъ послѣдняго (въ литовской Руси), а въ своихъ окружныхъ посланіяхъ по Россіи прямо заявляетъ, что единственный источникъ вѣры есть константинопольская церковь, изливающая ее на Россію посредствомъ

[1]) Синод. дѣяніе 1389 года, Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, изд. Калачова, III, 1—20. Ср. также посланіе патріарха Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому противъ образованія новой митрополіи въ Россіи и о необходимости подчиняться власти одного митрополита — кіевскаго. Полн. собр. рус. лѣтописей, IX, 223—224. В. И.

одного митрополита, которому обязаны повиноваться всѣ князья, епископы, духовенство и народъ [1]). Но стремленія византійскихъ патріарховъ не ограничивались одними церковными интересами. Опираясь на свои духовныя права, они заявляютъ притязаніе на подчиненіе русскихъ [2]) князей авторитету императоровъ. Понятно, что съ паденіемъ этого вліянія и утвержденіемъ въ Россіи власти московскаго государя, единство церковной іерархіи становилось не менѣе важною опорою для послѣдняго. Въ то же время въ Москвѣ утверждается сознаніе о переходѣ на московскаго государя правъ византійской монархіи [3]), а признаніе царскаго титула за Иваномъ IV соборомъ восточнаго духовенства, поставленное въ тѣсную связь съ кровными отношеніями русскихъ князей къ византійскимъ императорамъ, являлось только необходимымъ, заключительнымъ актомъ давно сложившихся историческихъ преданій [4]). Иванъ IV хотѣлъ вѣнчаться такимъ же чиномъ, какимъ вѣнчались цесари римскіе отъ папы и патріарховъ. Передъ нимъ рисовались образы Августа, Константина Великаго и Ѳеодосія; онъ связывалъ свое царское происхожденіе съ римскою имперіею посредствомъ особенной генеалогіи (называя Рюрика потомкомъ Прусса, брата императора Августа [5]). При немъ былъ сдѣланъ переводъ сочиненія Светонія о римскихъ цезаряхъ, онъ хотѣлъ имѣть переводъ римской исторіи Тита Ливія и кодекса Юстиніана [6]). Отношенія Ивана IV къ представителямъ духовной власти показываютъ, что и здѣсь онъ шелъ по слѣдамъ тѣхъ-же образцовъ. «Священство не должно вмѣ-

[1]) Акты историч., I, № 19 и 40. Полн. соб. рус. лѣтоп., IV, 116. Вѣрные византійскимъ указаніямъ, представители русской церкви стремились даже оградить духовную іерархію отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Такъ, напримѣръ, Кипріанъ (сербъ), непринятый сначала въ Москвѣ вел. княз. Димитріемъ Ивановичемъ, проводитъ мысль о независимости епископовъ отъ воли вел. князя, который не долженъ ни назначать, ни судить ихъ, и ставитъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ собора и патріарха. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, февр. 331.

[2]) Acta patriarch. Constantinop., II, 182—192.

[3]) См. извѣстія, современныя Василію Ивановичу, «Правосл. Собесѣд.» 1861, май, и 1863, мартъ. Посланія старца Филоѳея.

[4]) Соборная грам. восточ. духов., утвержд. санъ царя за вел. кн. Ив. VI, 1561 г., изд. кн. М. А. Оболенскимъ, М. 1850 г.

[5]) Письма къ Курбскому; Вельтманъ, «Моск. Оруж. Палата», стр. 27—34.

[6]) Библіот. в. кн. Вас. Ив. и Ив. IV, Журн. Мин. Нар. Просв. 1834 г., іюнь.

В. И.

шиваться въ царскія дѣла,—говоритъ онъ;—дѣло монаховъ—молчаніе; иное правленіе царей и иное святителей». Библейскими примѣрами онъ доказываетъ своему противнику, что какъ только власть доставалась въ руки жреца или священника — царство приходило въ упадокъ. «Или ты хочешь того же, что случилось съ Греціей, подчинившейся игу турокъ?» —спрашиваетъ онъ Курбскаго и заключаетъ: «Нѣтъ царства, которое не раззорилось бы будучи въ обладаніи поповъ» [1]). Требованія новыхъ отношеній были намѣчены ясно. Но въ правленіе слабаго преемника Ивана IV духовная іерархія въ московскомъ государствѣ сдѣлала дальнѣйшій шагъ впередъ. Учрежденіе патріаршества должно было удовлетворить тѣ умы, которые видѣли въ Москвѣ преемницу Византіи (третій Римъ), утратившей уже прежнее значеніе духовнаго авторитета, какъ вслѣдствіе открытыхъ попытокъ къ уніи съ западною церковью, такъ и вслѣдствіе подчиненія византійской церкви игу невѣрныхъ. Между тѣмъ патріархъ «всея Руси» снова представлялся объединителемъ раздѣленной церкви и получалъ такимъ образомъ политическое значеніе, которымъ не преминули воспользоваться московскіе государи. Смутное время выдвинуло на первый планъ представителя духовной власти; но его значеніе еще болѣе возрасло въ глазахъ общества, когда санъ патріарха былъ предоставленъ отцу Михаила Ѳедоровича. Филаретъ носилъ титулъ «великаго государя» и назывался «соправителемъ». Онъ принималъ постоянное участіе во внутреннемъ управленіи и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Онъ присутствовалъ на аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ; его придворный штатъ, по своему блеску, не уступалъ царскому; онъ владѣлъ несудимою граматою, по которой всѣ лица, принадлежавшія къ патріаршей области, были освобождены отъ казенныхъ повинностей, а въ судебномъ отношеніи (кромѣ уголовныхъ преступленій) и въ дѣлахъ управленія подчинены суду и власти патріарха. Съ этою цѣлью при патр. Филаретѣ было учреждено нѣсколько патріаршихъ приказовъ [2]). Такимъ образомъ дѣятельность патріарха по-

[1]) Первый отвѣтъ Курбскому, 163—171—176.

[2]) Патріархъ Филаретъ, въ Чтен. Моск. Общ. исторіи и древностей, 1847, III книга, 33—34. Несудим. грамата въ Собр. Госуд. граматъ, III, № 71. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, Н. Каптерева, 1874 г., стр. 188—232. **В. И.**

лучила вполнѣ независимый характеръ. Современники о немъ говорятъ, что онъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ; при немъ никого не было сильныхъ, кромѣ самихъ государей. И хотя онъ былъ милостивъ къ духовному сану, многихъ отъ насилія освободилъ, жаловалъ и защищалъ тѣхъ, кто вѣрно служилъ государю въ безгосударное время и былъ обиженъ потомъ; но, въ то же время, многихъ бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и разными наказаніями; нравомъ былъ мнителенъ и опальчивъ, и такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся; однимъ словомъ, всѣми царскими и ратными дѣлами владѣлъ [1]). Такимъ образомъ, политическое значеніе представителя церкви должно было высоко подняться въ глазахъ общества. «Тишайшій» изъ царей, Алексѣй Михайловичъ, передъ патріархомъ Іосифомъ кланялся до земли и однажды поцѣловалъ его даже въ ногу, какъ самъ заявляетъ въ письмѣ къ новгородскому митрополиту (потомъ патріарху) Никону [2]). Письмо царя Алексѣя къ послѣднему, по поводу смерти патріарха Іосифа, лучше всего характеризуетъ намъ отношенія, существовавшія между царемъ и патріархомъ. «Съ тѣхъ поръ,—пишетъ Алексѣй Михайловичъ,—все перемѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; худо безъ пастыря дѣтямъ жить»; а когда доложили

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, IX, 166—167. Для полной характеристики патр. Филарета заслуживаетъ вниманія открытіе, сдѣланное при реставраціи портрета Филарета, который былъ присланъ вмѣстѣ съ другими портретами и картинами изъ коломенскаго дворца въ Моск. Оружейную палату. По снятіи съ него слоевъ пыли, грязи и верхней краски, подъ изображеніемъ Филарета въ патріаршей одеждѣ, оказалось другое изображеніе, на которомъ онъ былъ представленъ въ царскомъ кафтанѣ, затянутомъ дорогимъ поясомъ, и въ платьѣ, надѣтомъ поверхъ кафтана и опушенномъ горностаемъ; на плечахъ его видны бармы, опушенныя по нижнему краю также горностаемъ; на патріархѣ не крестъ, а панагія; волосы на головѣ, усы и борода подстрижены, по обыкновенію свѣтскихъ лицъ; наконецъ, правая рука патріарха оказалась не распростертою, но сжатою и держащею скипетръ. По снятіи портрета со второй холстины, на исподней сторонѣ его открылась подпись: «Царь Ѳедоръ Микитичъ». «Рус. Архивъ» 1863, 82—84. О распространеніи обычая стричь волосы, брить усы и бороду еще при Василіѣ Ивановичѣ есть указаніе въ обличеніяхъ митр. Даніила (Чтенія о языкѣ и словесности за 1856—1857 гг., 112—113); въ смутное время и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ этотъ обычай сталъ распространяться въ среднемъ классѣ и даже между крестьянами (см. замѣтку Купріянова въ «Москвитянинѣ» 1853, VIII, 130—132).

[2]) Акты экспедиціи, IV, 78—79. В. И.

царю и его приближеннымъ (въ церкви) о смерти патріарха, то, говоритъ онъ, «на насъ такой страхъ и ужасъ напалъ, что едва пѣть могли, а въ соборѣ, у пѣвчихъ и властей, со страха и ужаса, ноги подломились, ибо кто преставился? Какъ овцы безъ пастуха не знаютъ куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшные, не знаемъ, гдѣ головы преклонить: прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ... И погребли мы его въ великую субботу, надсѣвшись отъ плача»... Алексѣй Михайловичъ увѣряетъ будущаго патріарха, что и на умѣ у него не было устранять Іосифа, и даже подумать объ этомъ ему было страшно: «прости, святый владыка — прибавляетъ онъ, — хотя бы и еретичества держался, то какъ мнѣ отставить его безъ вашего собора»[1]). Для Никона это признаніе было весьма важно ... Это письмо, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, лучше всего объясняетъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ какія онъ поставилъ себя къ государю и государству. Чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, укоренившаяся преимущественно вслѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями Византіи, которыя, при всей религіозности императоровъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно представителей церкви [2]). Въ XVII вѣкѣ дѣйствительно слагается мнѣніе, что патріархъ есть второй царь, перваго царя бо̀льшій, полнымъ выразителемъ котораго является Никонъ [3]). Еще до своего патріаршества, пользуясь неограниченнымъ вліяніемъ на царя, Никонъ успѣлъ уго-

[1]) Акты экспедиціи, IV, № 57.

[2]) Исторія Россіи, X, 206—211.

[3]) Задатки такого пониманія отношеній двухъ властей встрѣчаются гораздо ранѣе и съ особенною опредѣленностью были выражены писателями-греками: «Елико отстоитъ небо отъ земли, толико отстоитъ нашъ санъ паче всякаго сана мірскаго», говоритъ митр. Фотій, въ своемъ обращеніи къ духовенству. «Правосл. Собесѣд.» 1861, II, 315. Максимъ Грекъ пишетъ: «Святительство вѣнчаетъ и утверждаетъ царей, а не царство святителей.... Ибо больше есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется». Сочин., III, 155. И царь Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ смиреніи, не допускалъ даже сравненія между «царемъ земнымъ» и «великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ». Акты экспед., IV, 86—87.

В. И.

ворить послѣдняго сдѣлать торжественное перенесеніе въ Успенскій соборъ—мощей патріарховъ Іова и Гермогена и митр. Филиппа. Ссылаясь при этомъ на примѣръ византійскаго императора Ѳеодосія, который, по преданію, посылая за мощами Іоанна Златоустаго, обращался съ молитвенною граматою къ оскорбленному его матерью святому, Никонъ убѣдилъ и царя отправить съ нимъ въ Соловецкій монастырь такую же грамату къ митр. Филиппу, въ которой царь умоляетъ послѣдняго разрѣшить его прадѣду Іоанну «согрѣшеніе, нанесенное неразсудно завистію и неудержаніемъ ярости», причемъ преклоняетъ предъ нимъ санъ царскій за прадѣда своего, «согрѣшившаго и покаявшагося тогда» [1]); а спустя годъ, въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ того же Филиппа, послѣ отказа Никона принять патріаршество, царь Алексѣй Михайловичъ, «простершись на землѣ и проливая слезы со всѣми окружающими», умолялъ Никона не отрекаться отъ избранія, и Никонъ согласился, — подъ условіемъ, что всѣ будутъ почитать его какъ начальника и отца, дадутъ ему устроить церковь по его намѣренію и будутъ послушные ему во всемъ [2]). Услуги, оказанныя духовенствомъ въ смутное время, не могли быть забыты. Но, уже въ началѣ царств. Алексѣя Михайловича, служилые люди и выборные отъ всей земли подали протестъ о возвращеніи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ послѣ запретительнаго указа 1580 г., съ тѣмъ, чтобы онѣ были розданы служилымъ людямъ, и правительство распорядилось собрать свѣдѣнія о такихъ вотчинахъ. И въ царствованіе Алексѣя были сдѣланы существенныя ограниченія имущественныхъ правъ высшей іерархіи, монастырей и духовенства [3]). Съ другой стороны, уложеніе 1648 года стремилось установить «равный судъ» для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, не исключая и духовенства, подчиненнаго монастырскому приказу, въ которомъ рядомъ съ духовными засѣдали и свѣтскія лица, постепенно вытѣсняющія первыхъ. Духовенство утрачиваетъ свои судебныя привиллегіи и подчиняется надзору воеводъ [4]). Но тотъ же царь Алексѣй Ми-

[1]) Собр. Государств. граматъ, III, № 147.

[2]) Записки русской и славянск. археологіи, II, 511—513.

[3]) Милютинъ, О недвижим. имущ. духовенства въ Россіи, стр. 483—501.

[4]) Уложеніе, гл. XII и XIII; Котошихинъ, гл. VII; Акты экспед., IV, № 115, 175, III, № 207; Акты историч., III, № 162, 223; Дополн. II, № 64. Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 50—65, 73. В. И.

хайловичъ вынужденъ былъ дѣлать уступки и въ пользу монастырскихъ имуществъ, и въ пользу духовнаго суда. Есть извѣстіе, что уже въ 1654 г. онъ разослалъ по всѣмъ воеводамъ выписки изъ греческаго Номоканона и велѣлъ судить по нимъ уголовныя дѣла [1]). Эта мѣра совпадаетъ съ временемъ наибольшей силы патріарха Никона, когда самъ царь находился въ походѣ противъ Польши, а Никону былъ порученъ высшій надзоръ за управленіемъ. И самъ Никонъ много разъ «докучалъ» царю, чтобы онъ «искоренилъ проклятую книгу»—уложеніе [2]), а, по словамъ его біографа, онъ даже не допускалъ судить духовныхъ лицъ въ другихъ приказахъ. «Гражданское законодательство,—по мнѣнію Никона,—должно всегда согласоваться съ божественными законами, такъ какъ судъ въ своемъ началѣ есть судъ божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не человѣкомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей всегда постигаетъ кара свыше (примѣры изъ св. писанія). Правда, цари нерѣдко преслѣдовали посланниковъ божіихъ (Иродъ, Неронъ), но за то ихъ царства погибли и запустѣли. И развѣ не сбылось то же самое на насъ? Всѣ города Московскаго государства постигла моровая язва; сердце царя смутилось; царское семейство не знало куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню; души грѣшниковъ погибли; адъ отверзъ свои уста; множество славныхъ, богатыхъ и нищихъ приняли смерть. Такъ покаралъ Богъ мести за неправду и беззаконіе»... Представленіе о духовенствѣ у Никона сливается съ понятіемъ о церкви, а поэтому духовенство должно занимать въ государствѣ господствующее положеніе. Оно должно быть поставлено внѣ государственной зависимости. «Подчиненіе духовенства вѣденію разныхъ приказовъ,—говоритъ Никонъ,—есть дѣло противное евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ правиламъ, такъ какъ духовныя лица должны быть наставниками, которымъ обязаны всѣ повиноваться. Они не могутъ подлежать и суду монастырскаго приказа, такъ какъ и тамъ засѣдаютъ свѣтскія лица. Равный судъ, объявленный уложеніемъ, ведетъ къ тому, что духовенство должно подлежать и тѣмъ наказаніямъ, которыя опредѣлены для прочихъ лицъ... но, за такой судъ,

[1]) Карамзинъ, III, примѣч. 222.

[2]) Посланіе Никона къ патріарху Діонисію, Записки русской и славян. археологіи, II, 517—19. **В. И.**

каждый изъ подсудимыхъ, будетъ ли то патріархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ, игуменъ, священникъ и до послѣдняго причетника, долженъ попрать законъ, какъ древніе мученики, храбро и мужественно боровшіеся противъ языческаго закона. Гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ, дьякамъ, судьямъ — судить патріарха, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, поповъ, причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ (Саулъ, Іозія, Мануилъ, Комненъ). Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми, а духовные подлежатъ суду божію, который долженъ быть въ рукахъ патріарха. И всякій мірянинъ, который ввергаетъ епископа въ темницу, или бьетъ его, или вымышляетъ на него вину, да будетъ отлученъ» [1]).

Относительно церковныхъ имуществъ Никонъ пишетъ: «Священническая часть — божія часть, и потому отнятіе у духовенства пожертвованныхъ вещей и имуществъ равняется похищенію наслѣдства божія... За вмѣшательство Даѳана и Авирона въ дѣла скиніи, ихъ пожрала земля, потому что они не принадлежали къ левитамъ; царь Іозія простеръ руку на кивотъ завѣта — и былъ пораженъ свыше. Такъ бываетъ и со всѣми, кто посягаетъ на принадлежность церкви: патріаршихъ, епископскихъ и монастырскихъ слободъ мало взяли, а больше погубили своихъ; взяли тысячи, а погубили тьмы, то отъ междоусобій и мора, то отъ войнъ и другихъ бѣдствій. Царь можетъ входить въ алтарь, когда онъ приноситъ дары Богу, а нашъ царь не только не дѣлаетъ этого, но даже отнимаетъ у церкви ей принадлежащее» [2]). Въ сознаніи превосходства своей власти, Никонъ пишетъ, обращаясь къ Стрѣшневу: «Ты говоришь, что царь вручилъ намъ надзоръ надъ церковнымъ судомъ,—это скверная хула и превосходитъ гордость Денницы; не отъ царей исходитъ власть священства, но отъ священства помазываются на царство; много разъ доказано, что священство выше царства... Мы не знаемъ другаго законодателя, кромѣ Христа. Не давалъ царь намъ права, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконны». На вопросъ князя

[1]) Мнѣнія Никона объ уложеніи въ Записк. рус. и славянской археологіи, II, 126—160, и посланіе Никона къ ц. Алексѣю Михайловичу. Субботинъ, «Дѣло Никона», прилож. 1-ое.

[2]) Зап. по отдѣл. рус. и слав. археолог., II, 449—460, 480, 527, 548. В. И.

Одоевскаго: «зачѣмъ патріархъ даетъ цѣловать свою руку по царски?»—Никонъ отвѣчалъ: «Да почто царь поповы руки цѣлуетъ, которые нами посвящены, и, ко благословенію приходя, самъ главу свою преклоняетъ? Мы тому чудимся, почему царь архіереямъ и іереямъ нудитъ руки свои цѣловать, не будучи архіереемъ и іереемъ». Наконецъ, онъ даетъ такое опредѣленіе свѣтской и духовной власти: «Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ: солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ; власть эта надъ душами; царская—надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій, это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга, но каждая происходитъ отъ Бога» [1]).

Такимъ образомъ Никонъ отводитъ свѣтской власти и внѣшнему міру исключительно служебное значеніе; но нельзя не обратить вниманія, что нѣкоторыя мѣста этой тирады прямо напоминаютъ намъ «классическое» опредѣленіе отношеній свѣтской и духовной власти, сдѣланное Григоріемъ VII Гильдебрандомъ въ письмѣ его къ Вильгельму Завоевателю. «Міръ физическій,—пишетъ онъ,—освѣщается двумя свѣтилами, болѣе значительными, чѣмъ другія,—солнцемъ и луною: въ нравственномъ порядкѣ вещей папа изображаетъ солнце, а король занимаетъ мѣсто луны» [2]). Безъ сомнѣнія, источникъ этого опредѣленія у обоихъ представителей духовной власти, какъ перваго, такъ и третьяго Рима,—одинъ и тотъ же. Не даромъ имъ обоимъ пришлось вести такую упорную борьбу съ представителями свѣтской власти. Не напрасно и Никонъ такъ былъ склоненъ выдвигать на видъ законные и незаконные аттрибуты папскаго величія. «Ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ,—упрекалъ Никона Паисій Лигаридъ,—а въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это на-

[1]) Мнѣнія Никона, въ Записк. русск. и славян. археологіи, II, 423—498, и Соловьевъ, XI, 319—321.

[2]) Epist. VII, 26. La papauté et l'empire, par F. Laurent, 171—172. В. И.

писано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ»,—на что Никонъ отвѣчалъ ему: «Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ» [1]).

Уже въ печатной Кормчей 1653 г., вышедшей вскорѣ послѣ возведенія Никона въ патріархи (1652 г.), встрѣчаются прибавочныя статьи «о римскомъ паденіи» и объ «учрежденіи патріаршества въ Россіи» [2]); но для оцѣнки тенденцій Никона еще большее значеніе должна имѣть подложная грамата, данная будто бы Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру и извѣстная подъ именемъ «вѣна Константинова», помѣщенная въ той же Кормчей. Грамата эта была составлена съ цѣлью подтвердить верховныя, свѣтскія и церковныя, права папъ, претендовавшихъ на нихъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Въ ней предоставляется папѣ Сильвестру власть выше императорской, дается множество привиллегій и обезпечиваются на будущее время имущественныя права церкви. По свидѣтельству этой граматы, предоставивъ папѣ и его преемникамъ пользоваться принадлежностями царскаго сана, Константинъ самъ велъ коня подъ папою, уступилъ ему Италію и переселился въ Византію, «такъ какъ тамъ, гдѣ святительская власть и глава христіанства установлены небеснымъ Царемъ, не достойно имѣть власть земному царю» [3]). Рано ставъ извѣстною въ Византіи, эта грамата перешла и въ Россію. Есть основаніе полагать, что она была уже представлена въ защиту имущественныхъ правъ церкви Ивану III, на соборѣ 1503 г., и самыя сильныя мѣста въ защиту церковныхъ имуществъ и суда, помѣщенныя въ Стоглавѣ (гл. 60), также заимствованы изъ нея. Но впервые въ полномъ видѣ, въ печати, она появилась при Никонѣ, которому также принадлежатъ и отдѣльные списки этой граматы [4]). Все это показываетъ, какъ интересовался Никонъ ея доводами, въ числѣ кото-

[1]) Соловьевъ, XI, 327.

[2]) Розенкампфъ «О Кормчей книгѣ», изд. I, 88, 260.

[3]) Вѣно Константиново помѣщено въ соч. г. Терновскаго «Изуч. византійской исторіи въ древ. Руси», II, 134—145.

[4]) Ibid., 145, и статья г. Петрова «Судьба вѣна Константина въ русской церкви», «Труды Кіевск. Духов. Академіи» 1865, № 12, стр. 471—488. В. И.

рыхъ было отведено много мѣста и защитѣ первенства престола апостола Петра, одно служеніе которому въ Римѣ, какъ видно, смягчало въ глазахъ Никона слишкомъ суровое отношеніе къ папству. Понятно поэтому, какъ должны были льстить Никону заявленія восточныхъ патріарховъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1655 г., которые говорили царю: «съ нашего соизволенія и согласія этотъ нашъ братъ на мѣсто папы римскаго сдѣлался патріархомъ московскимъ» [1]). И въ то время, какъ въ южной Руси, подъ вліяніемъ борьбы православія съ католицизмомъ и протестантской литературы, еще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ были высказаны возраженія противъ подлинности вѣна (Ѳриносъ, Палинодія, Апокрисисъ) [2]),—въ московской Руси, благодаря Никону, этотъ памятникъ долго сохранялъ свое значеніе и выставлялся каждый разъ въ защиту церковныхъ правъ, какъ только правительство имѣло намѣреніе ограничить эти послѣднія (при Петрѣ В., Екатеринѣ II) [3]). Современники по своему понимали стремленія Никона, представляя ихъ въ болѣе обыденныхъ формахъ; они заявляли царю, что Никонъ «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко»; что «это патріархъ, правящій вмѣсто евангелія—бердышами, вмѣсто креста—топорками» [4]); а паденіе Никона и его ссылка значительно смягчили отношеніе къ нему власти и подвластныхъ. Но его стремленія получили иную оцѣнку, когда престолъ достался Петру I, которому надолго пришлось установить отношенія церкви и государства въ Россіи. Изъ разсказа, приписываемаго Петру Великому, можно видѣть, какъ смотрѣлъ на причину паденія Никона онъ самъ и тѣ, которые съумѣли понять церковную реформу Петра [5]). «Никонъ,—говоритъ въ немъ

---

[1]) Travels of Macarius etc., II, 227—229.

[2]) «Изученіе византійской исторіи въ древ. Руси», 203—204.

[3]) «Труды Кіев. Акад.», статья Петрова, стр. 487—488.

[4]) Соловьевъ, XI, 293. В. И.

[5]) Разсказъ этотъ помѣщенъ въ Запискѣ протоіерея П. Алексѣева, представленной имъ импер. Павлу. По поводу Константинова вѣна онъ дѣлаетъ слѣдующее, не лишенное интереса, замѣчаніе: «Что сія жалованная грамата (якобы) Константинова есть фальшивая, о томъ имѣется у меня особливое разсужденіе, съ подлежащими примѣчаніями. Однако Никонъ не просто ее приклеилъ къ Номоканону, но съ замысломъ объ увеличеніи архіерейской власти и умаленіи царской—передъ народомъ. Для того, послѣ сея вылганныя граматы, пишетъ объ отпаденіи ветхаго Рима отъ православія, а какъ новый Римъ, т. е. Константинополь, находится подъ игомъ турецкимъ, то и

Петръ,—служилъ и угождалъ моему родителю, за что и получилъ отъ него многочисленныя царскія милости, но послѣ заразился духомъ папскаго властолюбія. Возмнилъ о себѣ, что онъ выше самого государя, да и народъ тщился привлечь къ сему-жъ зловредному мнѣнію, особливо въ публичныхъ церемоніяхъ» [1]). Такой же взглядъ на Никона высказываетъ и «птенецъ« Петровской реформы, историкъ Татищевъ. Извѣстно, какъ строго относится Татищевъ къ древнимъ лѣтописцамъ и средневѣковымъ сказаніямъ. «Писатель исторіи,—говоритъ онъ,—не стоитъ вѣры, если онъ наполняетъ свою книгу сверхъестественными дѣлами, баснями и суевѣрными чудесами, что у древнихъ очень часто находится вмѣстѣ съ дѣйствительными происшествіями». Но особенно строго онъ осуждаетъ за это автора Степенной книги и патріарха Никона, котораго онъ обличаетъ въ поддѣлкѣ лѣтописей и историческихъ сказаній, съ цѣлью поднять авторитетъ духовной власти, въ ущербъ свѣтской. Татищевъ того мнѣнія, что у насъ нѣкоторые митрополиты и патріархи явно обнаружили стремленіе пріобрѣсть власть надъ государями [2]); онъ указы-

---

слѣдуетъ патріарху царствующаго града Москвы, яко третьяго Рима, вступить въ права папскія. Но еще Господь Богъ россійскихъ государей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ въ неразсмотрѣніи излишества». «Рус. Архивъ» 1863, стр. 92—102. Біографія Алексѣева въ «Истор. Россійск. Академіи», Сухомлинова, т. I. Отрицательный взглядъ на эту Записку и матеріалы о Никонѣ высказаны въ статьяхъ Н. Субботина, въ «Рус. Вѣстн.» 1864 г., № 1, 320—333, 1861, т. XXXV.

[1]) Къ этому мѣсту прот. Алексѣевъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Не папская ли то гордость, чтобъ Богомъ вѣнчаннаго царя учинить своимъ конюшимъ, т. е. въ недѣлю Ваій, въ подражаніе неподражаемаго Христова входа въ Іерусалимъ, патріархъ, съ великою помпою по Кремлю ѣдучи на придворномъ осляти, заставлялъ самодержца вести подъяремника подъ уздѣ при воззрѣніи безчисленнаго народа? И по исполненіи той пышной церемоніи дарилъ государю сто рублевъ денегъ, якобы для раздачи въ милостыню, а въ самой вещи для награжденія за труды (стыдно сказать) поводильщику. Сему уничиженію подверженъ былъ въ малолѣтствѣ и самъ императоръ Петръ В., держа поводъ осла Іоакимова, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, при такой вербной церемоніи. Но послѣ сей нововведенный въ церковь обрядъ вовсе отставленъ по указу того же монарха», іb. 94—95. Этотъ обрядъ вошелъ въ употребленіе не ранѣе второй половины XVI стол. и совершался въ другихъ городахъ архіереями. При выходахъ, царь цѣловалъ патріарха въ руку, а онъ царя въ голову, обнявъ ее руками. См. Патріаршіе выходы, «Чтен. Моск. Общества исторіи» 1869, II, стр. 7—64.

[2]) «Исторія Россійская», т. I, Введеніе, и стр. 111, прим. 586; II, 270; III, 502; 118, прим. 477; II, прим. 314; II, 429 прим. В. И.

ваетъ на мысль (!) при царѣ Ѳедорѣ установить четырехъ патріарховъ, а Никону вручить власть папы [1]), и потому радуется, что Петръ Великій разсудилъ такую великую власть уменьшить и впредь такія опасности пресѣчь, учредивъ синодъ. По мнѣнію Татищева, духовенство не должно вмѣшиваться въ область гражданскихъ дѣлъ; оно должно повиноваться свѣтской власти, которой принадлежитъ право избранія въ духовные чины и верховный надзоръ за духовенствомъ. По его мнѣнію, самое происхожденіе духовной іерархіи коренится въ честолюбіи и властолюбіи духовенства [2]). Вотъ почему онъ постоянно высказываетъ крайнюю враждебность къ римской церкви и власти папы, котораго сравниваетъ съ Далай-Ламою [3]). Реформа Петра В. представляетъ коренной поворотъ въ отношеніяхъ церкви и государства. Если въ организаціи имущественныхъ и судебныхъ правъ церкви Петръ является продолжателемъ дѣла своихъ предшественниковъ, то въ политическомъ отношеніи церковь при Петрѣ должна была въ значительной степени подчиниться общему направленію его реформы [4]). Еще во время перваго своего путешествія по Европѣ, Петръ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго—организовать русскую церковь на подобіе англиканской, а въ 1712 году, будучи въ Виттенбергѣ, онъ сказалъ передъ статуею Лютера слѣдующія знаменательныя слова: «Сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ». И въ извѣстныхъ потѣхахъ Петра Великаго князь-папа и яузскій и кокуйскій патріархъ подвергались одинаковой участи [5]).

---

[1]) I, 573.

[2]) I, 567—571; III, прим. 477, 631.

[3]) I, прим. 645, II, прим. 71, 107, 116, 420.

[4]) Милютинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, 505—527; Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 121—246; О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митроп., патріарх. и св. синода, 443—509; Свят. Синодъ и отношенія его къ другимъ учрежденіямъ при Петрѣ Великомъ, Н. М. Востокова, «Журн. Министер. Народ. Просв.» 1875, ч. CLXXX и CLXXXII); Матеріалы для исторіи синод. управленія въ Россіи. «Прав. Обозр.» 1868 и 1869 гг.

[5]) Весьма замѣчательные въ этомъ отношеніи матеріалы помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 845—892: «Шутки и потѣхи Петра Великаго»—собраніе собственноручныхъ шутовскихъ церемоніаловъ Петра для посмѣянія папы и патріарха. В. И.

Проникнутый враждою къ католицизму и болѣе склонный къ протестантскимъ началамъ, Петръ I не могъ примириться съ единоличнымъ управленіемъ русской церкви, а потому придалъ ея администраціи такой же коллегіальный характеръ, какой былъ данъ имъ и прочимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Но замѣчательно, что именно въ Духовномъ Регламентѣ эти начала были развиты имъ во всей полнотѣ. Сказавъ, что истина скорѣе достигается въ соборномъ, а не единоличномъ правленіи; что коллегіумъ не есть «нѣкая факція, но на добро собранныя лица»; что «въ коллегіумѣ таковомъ нѣтъ мѣста пристрастію, коварству и лихоимству»; что «коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится»; что «въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежитъ суду послѣдняго»; наконецъ, что «въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія» — Петръ I считалъ необходимымъ изложить въ особой статьѣ всю важность этихъ началъ для церковнаго управленія, при чемъ критически отнесся къ прежнему порядку вещей. «Велико и то,—читаемъ въ ней,—что отъ соборнаго правленія не опасаться отечеству мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть вторый государь, самодержцу равносильный, или и большій его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ. Что же станется, когда и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хврастію огнь подложатъ? Такъ простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, какъ на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между ними распря, вси духовному болѣе, нежели мірскому правителю, хотя бы и слѣпо и пребезумно было то, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоваться дерзаютъ и льстятъ себѣ, окаянные, что они по самомъ Богѣ побораютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились... что же, когда еще и самъ пастырь, надменный таковымъ о себѣ мнѣніемъ, спать не захочетъ? Трудно изречь ка-

кое отсюда бѣдствіе бываетъ!» Сославшись въ подтвержденіе этого на византійскую исторію послѣ Юстиніана и на исторію папства, Регламентъ заключаетъ: «Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!» [1]).

Ратуя противъ многочисленныхъ моленій, ложныхъ чудесъ и чудотворныхъ иконъ, объявляемыхъ духовенствомъ съ корыстною цѣлью, и суевѣрій вообще, какъ оставшихся отъ временъ язычества, такъ и возникшихъ уже на новой почвѣ, противъ монашества, пользующагося этими средствами для вліянія на народъ, Петръ I слѣдовалъ тому же раціоналистическому направленію, послѣдователемъ котораго является въ своей исторіи Татищевъ.

Лучшимъ средствомъ противъ подобныхъ явленій Регламентъ считаетъ школы, а проектъ академіи, начертанный въ немъ, носитъ на себѣ вполнѣ свѣтскій характеръ. Но Петръ не любилъ останавливаться на половинѣ пути. Зная прекрасно какое дѣятельное участіе принимали многіе архіереи и духовныя лица въ такихъ дѣлахъ какъ поведеніе царицы Евдокіи, царевича Алексѣя и т. п., онъ старался положить предѣлъ этому вліянію. «Вѣдалъ бы всякій епископъ мѣру чести своея,—читаемъ въ Регламентѣ,—и не высоко бы о ней мыслилъ; дѣло великое, но честь никаковая, почитай въ писаніяхъ, знатная опредѣлена... Сеже того ради предлагается, чтобы укротить оную весьма жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, пока здравы суть, не водили, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялась. И оные поклонницы самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть (30—31)... Епископамъ накрѣпко укажетъ коллегіумъ, чтобъ они, какъ анаѳемы, такъ и разрѣшеніе, не дѣлали ради прибыли своей, или иного какого собственнаго интереса и искали-бъ въ томъ важномъ дѣлѣ не яже своя, но яже Господа Іисуса» (37). Такимъ же характеромъ проникнуты и тѣ пункты Регламента, которые касаются монашества, какъ главной опоры духовной власти, богатство и вліяніе котораго были еще прежде значи-

[1]) Намъ сообщали, что при разборѣ Петровскихъ бумагъ, собираемыхъ особою коммисіею со времени юбилея Петра Великаго, стало яснымъ, какъ много важнѣйшихъ актовъ этого времени исправлены или набросаны были рукою самого Петра. В. И.

тельно ограничены [1]). Членами синода могли быть не одни монахи, но и лица бѣлаго духовенства; а въ присягѣ они обязывались признавать своимъ «крайнимъ судіею» императора, «окомъ» котораго являлся въ синодѣ оберъ-прокуроръ, опредѣляемый свѣтскою властью. При этомъ заслуживаетъ вниманія взглядъ Петра Великаго на выборъ этого лица. Въ указѣ о немъ было сказано: «въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему—оберъ-прокуроромъ». Вслѣдъ же за упраздненіемъ патріаршества, Петръ пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита и уничтожилъ внѣшнія отличія этого сана (какъ-то: бѣлый клобукъ и саккосъ, предоставленный теперь всѣмъ епископамъ). Такъ систематически были проведены Петромъ мѣры, направленныя къ уничтоженію «бывшихъ у насъ замаховъ». Само собою понятно, что вполнѣ окрѣпшая и успѣвшая утвердиться въ общественномъ сознаніи идея не скоро и не легко уступила свое мѣсто новымъ взглядамъ. Мысль о возможности возвращенія къ прежнему порядку возстановленія патріаршества не разъ возникаетъ въ умахъ людей XVIII вѣка, но замѣчательно, что первою жертвою этихъ стремленій является вице-президентъ синода, архіеп. новгородскій Ѳеодосій Яновскій, возвышенный въ этотъ санъ самимъ Петромъ за свой свободный взглядъ на многіе религіозные вопросы и, по видимому, обладавшій характеромъ, чтобъ провести въ жизнь эти взгляды [2]). Царевичъ Алексѣй о немъ выражался, что онъ разрѣшилъ его отцу «на вся». Но Ѳеодосій, какъ и бо́льшая часть выходцевъ изъ южной Россіи, не оправдалъ надеждъ преобразователя. При жизни его, Ѳеодосій умѣлъ сдерживать свой нравъ; но уже въ царствованіе Екатерины I, за свои нападки на церковныя реформы и отношенія свѣтской

[1]) Милютинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, 505—527. Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 211—246. О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ и синода, 443—509. Уже въ 1721 г. монаст. приказъ успѣлъ устроить въ Москвѣ (въ теченіе 20 лѣтъ) 93 богадѣльни, въ которыхъ было 4,400 нищихъ, и огромный госпиталь, вмѣщавшій въ себѣ до 500 человѣкъ. Въ прочихъ монастыряхъ были размѣщены престарѣлые и раненые инвалиды и ихъ семейства, такъ что въ 1723 г. вакансій болѣе не было, а потому временно было издано постановленіе, воспрещавшее постригать и принимать въ монастыри.

[2]) Онъ даже ѣздилъ съ Петромъ Великимъ и Екатериною за границу въ 1716—1718 гг. **В. И.**

власти къ архіереямъ, былъ лишенъ сана и сосланъ въ Корельскій монастырь [1]). Такимъ образомъ, истиннымъ блюстителемъ реформы Петра въ синодѣ до самой смерти (1736 г.) оставался одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Между тѣмъ, то было время, когда отношенія правительства къ церкви мѣнялись сообразно съ перемѣною лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Царствованіе Петра II, благопріятное старинѣ, когда преслѣдовалось все враждебное имени царевича Алексѣя (какъ «Правда воли монаршей») и покровительствовалось то, что прежде подвергалось осужденію (такъ, въ 1728 г., былъ изданъ «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, членомъ синода Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ), казалось вполнѣ удобнымъ для возстановленія прежняго церковнаго порядка. Такъ, одинъ изъ членовъ синода, ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, заявившій себя уже при Екатеринѣ I защитою церковныхъ имуществъ, поднялъ теперь вопросъ о возстановленіи патріаршества. Будучи дворянскаго происхожденія и опираясь на сильную партію вельможъ, онъ самъ мечталъ достигнуть этого сана; но встрѣтилъ отпоръ со стороны того же Ѳеофана. Говорятъ, что изъ верховнаго совѣта былъ посланъ уже запросъ въ синодъ: «можно ли въ нынѣшнее время быть въ россійской церкви патріарху?»—на который Ѳеофанъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ [2]). Впрочемъ, вскорѣ по смерти Петра I, членамъ синода удалось вытѣснить оттуда лицъ низшей духовной іерархіи, которыя снова вошли въ него только въ царствованіе Анны Ивановны, когда Ѳеофанъ, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ императрицѣ и дружбѣ съ Бирономъ и Остерманомъ, снова достигъ полнаго вліянія на церковныя дѣла, стоившаго, впрочемъ, ему многихъ жертвъ. Въ многочисленныхъ розыскахъ, которыми открывается и наполняется царствованіе Анны Ивановны, пали: Георгій Дашковъ, Левъ Юрловъ (еписк. воронежскій), Игнатій Смола (митр. коломен-

[1]) Дѣло Ѳеодосія въ «Рус. Архивѣ» 1864 г.; Описаніе документовъ синод. архива; соч. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, 77—81, 113—115, 151—179; статья Есипова: Чернецъ Ѳедосъ, въ «Отеч. Запискахъ». Впрочемъ, еще при Петрѣ Ѳеодосій чуть было не подвергся опалѣ за свои рѣзкія сужденія о штатахъ духовенства и объ отобраніи церковныхъ имуществъ, причемъ онъ напомнилъ даже отношенія Іоанна Грознаго къ митр. Филиппу.

[2]) «Русскій Архивъ» 1863 г., 101. О Георгіѣ Дашковѣ, «Прав. Обозр.» 1863 г., и соч. Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ», 229—230. **В. И.**

скій), Сильвестръ (митр. казанскій), Варлаамъ Ванатовичъ (архіеп. кіевскій), Ѳеофилактъ Лопатинскій. Всѣ эти лица, лишенныя своихъ сановъ и правъ, были заточены въ крѣпкіе казематы или сосланы въ отдаленные монастыри. Не упоминаемъ о лицахъ изъ низшей іерархіи, замѣшанныхъ въ эти и другіе процессы, которыхъ постигла подобная или даже болѣе тяжелая участь [1]). Понятно, что въ такое время, когда неслуженіе молебновъ въ царскіе дни или отправленіе службъ въ несоотвѣтственныхъ одеждахъ—могли навлечь церковному клиру допросы въ тайной канцеляріи, лишеніе сана и ссылку; когда полемика противъ протестантизма могла быть сочтена за нападеніе на грознаго любимца императрицы и его клевретовъ,—въ такое время немыслимы были какіе либо проекты и реформы церкви въ духѣ, желательномъ для ея представителей [2]). Сообразно съ политическими перемѣнами мѣнялись и имущественныя права іерархіи. Коллегія экономіи, учрежденная Екатериною I, вскорѣ напомнила монастырскій приказъ Петра Великаго, началамъ котораго секуляризаціи церковныхъ имуществъ слѣдовала его преемница; при Петрѣ II не разъ дѣлались отступленія въ пользу духовенства; но императрица Анна снова возвратилась къ тому же порядку. Разсылка въ монастыри инвалидовъ, вдовъ, умалишенныхъ, больныхъ—производилась въ громадныхъ размѣрахъ; запрещеніе постригать вновь и разстриженіе неправильно постриженныхъ привели нѣкоторые монастыри въ полное запустѣніе; разборъ же лицъ духовнаго званія въ солдаты производился такъ усердно, что, въ 1740 г., въ четырехъ епархіяхъ множество (182) церквей оставалось совсѣмъ безъ причта. Между тѣмъ, страшная доимочная канцелярія не пощадила и церковныхъ вотчинъ, доходы съ которыхъ обыкновенно назначались въ разныя государственныя и придворныя нужды, какъ заказъ ружей въ Тулѣ, устройство конскихъ заводовъ и т. п. [3]). Понятно, какъ должно было встрѣтить духовенство вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны, съ именемъ которой соединялось возстановленіе націо-

[1]) Въ одной казанской епархіи, послѣ паденія митроп. Сильвестра, были произведены повсемѣстныя гоненія на духовенство, а въ двухъ уѣздахъ (Казанскомъ и Свіяжскомъ) всѣ священники и монахи были приговорены къ жестокому наказанію шелепами. Знаменскій, »Приход. духов. въ Россіи», 427, 433, 435—438.

[2]) Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время».

[3]) Милютинъ, 527—540. «Церк. исторія» Знаменскаго, 366—370. В. И

нальнаго правительства и попранныхъ правъ церкви. Проповѣдники спѣшили привѣтствовать новую императрицу, какъ освободительницу отъ ига египетскаго, какъ русскую Юдиѳь, Есфирь или Пульхерію, и открыто дѣлали намеки на два предшествовавшія правленія, когда въ правительствѣ господствовали иновѣрцы, нѣмцы, стремившіеся, подъ видомъ суевѣрія, искоренить православіе, преслѣдовавшіе духовенство, множество невинныхъ жертвъ котораго было сослано въ Сибирь, Оренбургъ и Камчатку, думавшіе завести свою безпоповщину. Они покровительствовали только своимъ, иностранцамъ, лютерамъ и кальвинамъ... «Узнали враги наши,—говоритъ одинъ изъ этихъ ораторовъ,—что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку задавить, принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубили, языки порѣзали». Нѣкоторые виновниками во всемъ этомъ прямо называли Остермана и Миниха съ ихъ «стадищемъ», судьба которыхъ рѣшилась въ царствованіе Елисаветы; но они не всегда упоминали о Биронѣ, которому императрица оказывала свое покровительство, какъ павшему въ предшествовавшее правленіе и нѣкогда покровительствовавшему ей. «Доселѣ дремахомъ,—взываютъ они,—а нынѣ увидихомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не только превратятъ, но и, искореня, истребятъ». Они просили императрицу принять церковь «въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону и наказать всѣхъ отступниковъ отъ благочестивыхъ нравовъ, распространителей иновѣрныхъ ученій, еретиковъ, раскольниковъ, армянъ и атеистовъ, послѣдователей ума епикурейскаго и фреймасонскаго; а нейтралитета Христосъ нашъ не любитъ», утверждали защитники православія [1]). Царствованіе Елисаветы

[1]) «Проповѣднич. въ царствованіе Елисаветы», Н. А. Попова. «Лѣт. рус. литер.», томъ II, 1—32, и «Рус. Слово», 1859, № 8, «Царств. Елисаветы Петров-

въ этомъ отношеніи представляетъ реакцію прежнему порядку вещей. Она освободила духовенство отъ подчиненія гражданской юрисдикціи, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, а за оскорбленіе духовнаго сана назначала весьма тяжкія наказанія (напр. 6,000 ударовъ шпицрутенами и ссылку на казенныя работы); она щедро раздавала монастырямъ вотчины и возвратила управленіе ими въ вѣденіе синода, со всѣми расходами, за исключеніемъ прежде опредѣленныхъ на государственныя потребности [1]); она вызвала изъ ссылки и заключенія духовныхъ лицъ, подвергшихся опалѣ въ прежнее время, а другихъ даже возвела въ архіерейскій санъ (Маркеллъ Радышевскій, Платонъ Малиновскій [2]); она разрѣшила носить по прежнему иконы по домамъ; опредѣлила за нарушеніе благочинія въ церкви денежные штрафы; освободила отъ запрещенія «Камень Вѣры» и распорядилась отобрать у частныхъ лицъ переводы соч. Стратемана «Θеатронъ», изданнаго при Петрѣ Вел., и соч. Арида объ истинномъ христіанствѣ, вышедшее въ 1735 г. при участіи Θеофана Прокоповича; теперь была сдѣлана попытка подчинить строгой цензурѣ всѣ сочиненія, появлявшіяся въ Россіи, и перенести иновѣрныя церкви въ Петербургѣ въ отдаленныя части города. Раскольниковъ постигли новыя преслѣдованія, сопровождавшіяся иногда самосожженіемъ, а магометанъ и язычниковъ—насильственное обращеніе въ христіанство, приводившее не разъ къ открытымъ возстаніямъ [3]).

ны», историческій очеркъ М. И. Семевскаго. Привѣтственныхъ рѣчей Елисаветѣ за 1741—1744 г. насчитываютъ до 77-ми.

[1]) Поэтому въ 1747 году моск. госпиталь пришелъ въ совершенное запущеніе, вслѣдствіе чего сенатъ вынужденъ былъ вступить въ пререканія съ синодомъ. Соловьевъ, XXII, 192—193.

[2]) Но въ царств. Елисаветы прежній страхъ иногда продолжалъ оказывать свое дѣйствіе; такъ, въ 1752 г. весь Андреевскій монастырь въ Москвѣ и московская консисторія пришли въ ужасъ, что іеродіаконъ Даміанъ во время соборнаго служенія пропустилъ въ ектеніи имя супруги вел. князя «Екатерины Алексѣевны». Не смотря на всѣ оправданія, виновный былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ другой монастырь, а служившіе съ нимъ—за то, что не поправили его, должны были положить по 1,000 поклоновъ въ церкви. Въ вятской епархіи священникъ былъ публично наказанъ за то, что онъ отправилъ торжество коронаціи, вмѣсто 25-го апрѣля, 23-го (въ воскресенье). Впрочемъ, теперь не всегда доносъ получалъ свою силу; но только съ уничтоженіемъ тайной канцеляріи при Петрѣ III подобные процессы потеряли значеніе, хотя русское общество не могло тогда оцѣнить все значеніе этой мѣры. Знаменскій, ib., 458—459.

[3]) Законодательство Елисаветы Петровны относительно церкви и духовенства. «Прав. Обозр.» 1865 г. Въ 1743 и 1744 г. г. совершалось повсемѣстное

Понятно, что при Елисаветѣ Петровнѣ и высшее церковное управленіе должно было получить особенное значеніе. Членами его по большей части были малороссы, находившіе покровительство въ лицѣ любимца императрицы А. Г. Разумовскаго и ея духовника Дубянскаго [1]). Благодаря ихъ заступничеству, дѣла въ синодѣ нерѣдко получали направленіе совершенно противное составлявшимся рѣшеніямъ. Князь Я. П. Шаховской (оберъ-прокуроръ синода) свидѣтельствуетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ первый тогда фаворитъ св. синода членамъ особенно благосклоненъ былъ и по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у ея величества заступленія употреблялъ, между тѣмъ какъ ея духовникъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на нее, «всегда добрый предводитель былъ, слѣпо ими плѣняясь». При вступленіи въ свою должность, кн. Шаховской нашелъ, что инструкцій, данныхъ прежнимъ оберъ-прокуроромъ, и многихъ дѣлъ въ синодѣ не оказалось; Духовный же Регламентъ былъ въ полномъ пренебреженіи [2]). Отчетность въ синодѣ почти совсѣмъ исчезла [3]). Число епархій при Елисаветѣ было значительно увеличено (6) и высшая іерархія, въ противоположность прежнему времени, поль-

---

истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ Нижегородской губ. и Казанской области. Такъ, въ послѣдней было уничтожено 418 мечетей. Въ 1745 г. мордва жаловалась императрицѣ, что нижегородскій епископъ Димитрій (Сѣченовъ) заставляетъ ихъ креститься, а сопротивляющихся велитъ бить и заковывать въ кандалы, или связанными окунаетъ въ купель и надѣваетъ на нихъ кресты. Чуваши жаловались на насильственное обращеніе съ ними игумена Неофита. Сибирскіе татары и бухарцы жаловались на насилія митр. Сильвестра и тамошнихъ миссіонеровъ. Сдѣлано было распоряженіе объ обращеніи въ православіе плѣнныхъ турокъ. Даже армянамъ запрещалось служить въ прежнихъ церквахъ (Соловьевъ, XXI, 253—255, 315—316; XXII, 28—30; XXIII, 146—147). Возстанія инородцевъ заставили сдѣлать потомъ нѣкоторыя уступки. Елисавета Петровна впервые озаботилась, чтобы при русскихъ миссіяхъ за границею были постоянныя церкви и священники. Соловьевъ, XXII, 29.

[1]) Только 29-го апр. 1754 г. послѣдовалъ указъ о представленіи на архимандритскія и архіерейскія вакансіи великороссіянъ. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1861, III. Интересный разсказъ о столкновеніяхъ великороссіянъ съ малороссіянами въ Троицкой лаврѣ, см. въ Запискахъ Снигирева, «Рус. Арх.» 1866, 534—535.

[2]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, Спб. 1872, 35—41. Иногда самой императрицѣ приходилось убѣждаться, что ея довѣріемъ «дерзко» злоупотребляютъ. Ibid., стр. 48—73.

[3]) Соловьевъ, XXIII, 34—35. **В. И.**

зовалась полною неприкосновенностью. Такъ, когда возникло дѣло вятскаго архіерея Варлаама, нанесшаго личное оскорбленіе воеводѣ, и сенатъ находилъ необходимымъ подвергнуть виновнаго лишенію сана и жестокому наказанію, то императрица простила виновнаго и только по вторичному обвиненію его въ насиліяхъ, совершенныхъ надъ подчиненными, Варлаамъ былъ перемѣщенъ въ Устюгъ; преемникъ его, Антоній Илляшевичъ, позволившій себѣ въ самой церкви оскорблять поносными словами секундъ-маіора, завѣдывавшаго сборомъ подушныхъ податей, оставался нетронутымъ, не смотря даже на произвольный захватъ государственныхъ крестьянъ [1]). Уже въ 1744 году ненавистная коллегія экономіи была уничтожена, а управленіе вотчинами и сборъ съ доходовъ были отданы въ вѣденіе синода, хотя монастыри, по прежнему, обязаны были содержать на свой счетъ раненыхъ и увѣчныхъ, и теперь было сдѣлано даже распоряженіе, чтобы туда отправлялись престарѣлые и поврежденные въ умѣ колодники; но мы увидимъ далѣе, какъ исполнялись эти распоряженія блюстителями неприкосновенности церковныхъ правъ. Здѣсь же замѣтимъ, что эти льготы не замедлили обнаружиться въ области церковнаго управленія, такъ что къ концу царствованія Елисаветы (1757) взглядъ самого правительства въ этомъ отношеніи значительно измѣняется, а въ движеніи крестьянъ, наполняющемъ вторую половину царствованія Елисаветы, монастырскіе крестьяне являются преобладающимъ элементомъ. Впрочемъ, только въ царств. Петра III и въ началѣ царств. Екатерины II имущественныя права церкви потерпѣли весьма важныя ограниченія, отчего долженъ былъ существенно измѣниться и самый характеръ церковнаго управленія. Черты этихъ, послѣдовательно смѣнявшихся, порядковъ какъ нельзя лучше обрисовываются въ типической личности одного изъ защитниковъ этихъ правъ: мы разумѣемъ Арсенія Мацѣевича, біографія котораго послужитъ намъ рамкою для дальнѣйшаго очерка.

Кіевъ. **В. С. Иконниковъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Соловьевъ, XXI, 319; XXII, 115—116, 193. Знаменскій, «Приходское духов. въ Рос.», 600, 609—611, 613. «Списки архіереевъ», составл. Ю. Толстымъ, стр. 86, 140. «Записки Шаховскаго», изд. М. И. Семевскаго, приложенія, стр. 282—283, 295—296. **В. И.**

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

II [1]).

Арсеній Мацѣевичъ (въ мірѣ Александръ) родился въ 1697 году, во Владимірѣ Волынскомъ [2]). Дѣдъ его былъ полякъ [3]), а отецъ православный священникъ; потомки отъ брата Арсенія до сихъ поръ существуютъ въ средѣ духовенства кіевской епархіи [4]). Въ юности Арсеній учился во «владимірской варенжской и львовской академіяхъ» [5]), откуда въ 1715 г. поступилъ въ кіевскую академію, но оставался въ ней не долго. Уже въ слѣдую-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752.

[2]) Въ припискѣ къ сказкѣ, поданной имъ въ синодъ, 16-го мая 1738 г., говорится: «а отъ роду себѣ имѣетъ сорокъ второй годъ». «XVIII вѣкъ», II, 365, примѣчаніе.

[3]) «День» 1861, № 15, стр. 5. По Насѣцкому (Корона Польская), Арсеній происходилъ изъ польской шляхты.

[4]) «Кіев. Епарх. Вѣд.» 1869, № 10, стр. 385. Здѣсь перепечатана и самая «сказка» Мацѣевича изъ «Ярославскихъ Епарх. Вѣд.», въ незнаніи которой Н. И. Барсовъ упрекаетъ С. М. Соловьева (см. его статью по поводу XXV т. Ист. Россіи въ «Русской Старинѣ» 1876 г., апрѣль). Такія малодоступныя изданія, какъ «Епархіальныя Вѣдомости», дѣйствительно могутъ быть неизвѣстны; но, какъ видно, г. Барсовъ не знаетъ, что та же сказка одновременно была напечатана и въ «XVIII вѣкѣ» г. Бартенева (томъ II, 365), безъ сомнѣнія, хорошо извѣстномъ г. Соловьеву.

[5]) Напечатано въ сомнительной формѣ: «варенжской» (sic), но Варенжъ находился въ діоцезѣ Хелнскомъ и имѣлъ піарскій коллегіумъ, основанный въ 1688 г., который потомъ былъ обращенъ въ элементарную школу. Historya szkòl w koronie i welkiem księswié Litewskiem, przez Jòz. Lukaszewicza, IV 246—247. **В. И.**

щемъ году мы его встрѣчаемъ въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество, состоялъ проповѣдникомъ и обучалъ въ тамошней школѣ латинскому языку. Въ это же время въ бытность свою въ Черниговѣ, Арсеній сблизился съ архіепископомъ Антоніемъ Стаховскимъ[1]), но и въ монастырѣ Арсеній оставался не долго. Въ 1718 г., по собственному желанію, онъ былъ отпущенъ въ кіевскую академію «для слушанія философіи и богословія». Впрочемъ, еще во время первоначальнаго пребыванія Арсенія въ академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ академіи Ѳеофанъ послѣдовательно читалъ поэзію, риторику, философію, богословіе и кромѣ того физику, ариѳметику и геометрію, которыя до того времени вовсе не преподавались въ академіи. Заслуга Ѳеофана, какъ преподавателя, состояла въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою. Методъ этотъ былъ критико-историческій; между тѣмъ, какъ въ схоластическихъ школахъ о филологическомъ изученіи текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изученіи отцовъ церкви, въ связи съ исторіею послѣд-

---

[1]) Антоній Стаховскій, также учившійся въ Кіевѣ, былъ первый профессоръ и префектъ въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ архимандритъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій (съ 20-го сентября 1713 г.), наконецъ митрополитъ Сибирскій (съ 1721 г.). Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій церковнаго содержанія, изъ которыхъ одно писано стихами, и по его же распоряженію въ 1716 г. былъ сдѣланъ учителями коллегіума переводъ исторіи Тита Ливія, съ латинскаго языка, приготовленный къ печати. Но въ 1722 г. синодъ доносилъ Петру Великому о какомъ-то переводѣ Тита Ливія, что онъ къ печатанію весьма неудобенъ, а для исправленія его потребуется «и труда многаго и времени довольнаго» (Пекарскій, «Литер. и наука при Петрѣ В.», I, 219). Въ витіеватомъ посвященіи составителя календаря Квасовскаго изъ Корвена, напечатаннаго въ Черниговѣ, Антоній восхваляется за свое покровительство наукамъ; но еще болѣе витіеватое посвященіе написалъ самъ Антоній при поднесеніи Мазепѣ «Зеркала отъ божественнаго писанія»—это образцы тогдашнихъ кіевскихъ панегириковъ. Пекарскій, II, 116—118; 448—450; статья Снегирева въ Учен. Запис. Моск. унив. 1833; Обз. духовн. литер., Филарета, II, 17—18; списки іерарховъ и настоят. монастырей, Строева (издано Археогр. коммис., подъ ред. члена коммисіи М. И. Семевскаго) и Юр. Толстаго; Ант. Стаховскій, митр. С.-Петербургскій и Тобольскій, Н. Абрамова, «Странникъ», 1863, № 1; описаніе Черниговской іерархіи и Ильинскаго монастыря (грамоты и письма Антонія). **В. И.**

ней, не было и помину. Познакомившись весьма близко съ іезуитскою системою воспитанія въ Польшѣ и за границею, Ѳеофанъ, при каждомъ случаѣ, съ особенною энергіею высказывается противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и обрядности. Въ его рѣчахъ нѣтъ отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ, свойственныхъ схоластикѣ. Какъ ректоръ академіи, Ѳеофанъ поднялъ хозяйственную часть заведенія, бывшую до того въ большомъ запущеніи. Вліяніе его курсовъ отразилось и въ кіевской, и въ московской академіяхъ, но оно встрѣтило сильный отпоръ въ лицѣ послѣдователей схоластической науки, учениковъ іезуитскихъ школъ и католическихъ академій, которые, усвоивъ пріемы своихъ наставниковъ, не съумѣли возвыситься до болѣе независимой критики. Борьба этихъ двухъ направленій не замедлила обнаружиться и въ школѣ, и въ литературѣ. Еще въ 1712 г., когда Ѳеофанъ написалъ сочиненіе: «Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ», противъ него выступилъ ректоръ московской академіи, Ѳеофилактъ Лопатинскій. Онъ обвинилъ Ѳеофана въ намѣреніи внести «въ міръ россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ православной церкви не слыханныя, о законѣ Божіемъ и оправданіи», и этотъ споръ поселилъ навсегда вражду между обоими авторами, такъ печально окончившуюся потомъ для противника Ѳеофана. До XVIII вѣка русская церковь болѣе благопріятно относилась къ лютеранству, нежели къ католичеству; но теперь, подъ вліяніемъ южно-русскихъ ученыхъ, вліяніе Польши и католицизма проникаетъ въ восточную Россію, и въ пользу послѣдняго обнаруживается рѣзкій поворотъ въ церковныхъ воззрѣніяхъ. «Камень Вѣры» другаго представителя этой школы (Стефана Яворскаго) былъ полнымъ выраженіемъ того же направленія. Недаромъ возлѣ этого памятника церковной литературы сосредоточивается и самая борьба обоихъ направленій въ XVIII вѣкѣ [1]). По выходѣ Ѳеофана изъ кіевской академіи, тамъ снова возобладалъ прежній духъ преподаванія, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ тогдашніе курсы, такъ и отзывы современниковъ и церковныхъ историковъ. «Ѳеофанъ Прокоповичъ», читаемъ въ нихъ — «преподававшій богословіе съ 1711 по 1715 г.,

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 5—37.

излагалъ свои курсы въ нѣкоторой системѣ, но пріемники его не послѣдовали его примѣру, а всѣ до одного почти продолжали идти прежнимъ путемъ... Они сходствуютъ между собою и отсутствіемъ системы, и своимъ схоластицизмомъ, и своимъ духомъ православія. Уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка, сама академія сдѣлала отзывы въ томъ смыслѣ, что «во всѣхъ россійскихъ академіяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ, въ ученіи богословія нѣтъ порядка, почему въ Россіи и понынѣ настоящей богословіи не имѣется», и замѣчательно, что въ это время, какъ бы въ интересѣ улучшенія, снова перешли къ курсамъ Ѳеофана, которые не разъ издавались въ Кіевѣ (1770, 1772, 1773, 1775, 1782, 1805). Въ параллель съ богословіемъ, и философія, до второй половины XVIII вѣка, преподавалась въ Кіевѣ, подъ преимущественнымъ вліяніемъ Аристотеля и схоластиковъ, и, только во второй половинѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ системы, введенной уже въ великороссійскихъ училищахъ, вводятся постоянные курсы по математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи и географіи, до того времени или вовсе не преподававшіеся, или преподававшіеся отрывочно [1]). Вотъ почему такой умъ, какъ Ломоносова, не могъ удовлетвориться тогдашнимъ характеромъ академическаго преподаванія и онъ поспѣшилъ оставить академію (1734), о которой потомъ отзывался, что «тамъ онъ нашелъ однѣ сухія бредни, вмѣсто философіи и никакихъ задатковъ для физики и математики» [2]).

Во второй разъ Арсеній оставался въ академіи по 1726 годъ, гдѣ и получилъ санъ священника (1723). Въ академіи же онъ вполнѣ усвоилъ пріемы того направленія, которое не замедлило вступить въ борьбу съ ученіемъ Ѳеофана, когда, по смерти Петра Великаго и Екатерины I, наступило для него болѣе благопріятное время. Но въ этой борьбѣ Арсеній не могъ еще принимать участія; онъ былъ только постороннимъ наблюдателемъ ея, сохранивъ о ней самыя печальныя воспоминанія. Прежняя же наклонность Арсенія къ перемѣнѣ мѣстъ не давала ему покоя. Такъ, по выходѣ изъ академіи, онъ состоитъ одно время (1726—1727) проповѣдникомъ при кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ,

---

[1]) Ист. Кіев. академіи, Макарія Булгакова, стр. 124—171.

[2]) А. А. Куникъ, Матер. для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ, 392.

тщетно добивавшемся сана митрополита въ кіевской епархіи и павшемъ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, за свои близкія отношенія къ бывшему вице-президенту синода, Ѳеодосію Яновскому, то живетъ въ Печерской лаврѣ (1728—1729), то снова отправляется въ Черниговъ, то предпринимаетъ въ 1730 г. отдаленное путешествіе въ Тобольскъ, по вызову митрополита Антонія Стаховскаго, перемѣщеннаго туда въ 1721 году [1]). Проѣздомъ въ Сибирь, онъ успѣлъ представиться въ Москвѣ членамъ синода, который находился здѣсь по случаю пребыванія двора. Но уже въ началѣ 1733 г. Арсеній отпросился въ Черниговъ, куда впрочемъ не поѣхалъ, а отправился въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій монастырь. Этотъ послѣдній служилъ тогда мѣстомъ ссылки для важнѣйшихъ раскольниковъ, въ числѣ которыхъ Арсеній встрѣтилъ бывшаго игумена Мошенскаго монастыря (кіевской губ.) Іоасафа, впавшаго въ расколъ и увлекшаго за собою весь монастырь. Арсеній принялся было увѣщевать его и написалъ даже по этому поводу сочиненіе. Старанія Арсенія не увѣнчались успѣхомъ; но для его характеристики важно то, что въ полемику съ расколомъ онъ выступилъ проникнутый духомъ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго, духомъ религіознаго фанатизма. Въ это время изъ синода былъ присланъ къ холмогорскому архіепископу запросъ—нѣтъ ли у него ученаго монаха для опредѣленія въ камчатскую экспедицію по р. Оби, предназначавшуюся для открытія морскаго пути въ Камчатку, и онъ указалъ на Арсенія. Такимъ образомъ Арсеній совершилъ четыре морскихъ кампаніи (1734—1737), которыя, впрочемъ, ни къ чему не привели [2]). Во время третьей кампаніи (въ началѣ 1736 г.) онъ былъ привезенъ изъ Пустозерскаго острога, вмѣстѣ съ лейтенантами Муравьевымъ, Павловымъ и прочею командою въ адмиралтейскую коллегію «по нѣкоторому секретному дѣлу»; но такъ какъ за нимъ никакихъ провинностей не оказалось, то ему снова велѣно было отправиться въ Пустозерскъ. Вскорѣ, однако, по причинѣ цынги (которою Арсеній постоянно страдалъ), ему раз-

---

[1]) Этимъ опровергается показаніе, что Арсеній, по открытіи Академіи Наукъ (1726), былъ опредѣленъ законоучителемъ въ академическую гимназію. См. «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, II, 11.

[2]) Описаніе этихъ путешествій помѣщено въ Запискѣ. Гидрогр. Департ. Морск. Министерства, IX. В. И.

рѣшено было (25-го января 1737 г.) оставить флотскую службу и (7-го октября) велѣно было состоять при синодальномъ членѣ, Амвросіѣ Юшкевичѣ, епископѣ Вологодскомъ, при которомъ онъ находился до 13-го сентября 1738 г. Это обстоятельство сблизило Арсенія съ лицомъ, занявшимъ, въ правленіе Анны Леопольдовны и въ царствованіе Елисаветы, первое мѣсто въ церковной іерархіи и съ которымъ онъ дѣйствовалъ за-одно въ интересахъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сближеніе обезпечило дальнѣйшую судьбу Арсенія. Такимъ образомъ, когда въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то на эту должность былъ представленъ Арсеній [1]). Кадетскій корпусъ въ то время имѣлъ большое значеніе, пользуясь покровительствомъ своей основательницы, императрицы Анны Іоанновны, и доставляя доступъ для дѣтей, преимущественно высшаго дворянства [2]). По этому поводу отъ Арсенія потребовали представить въ синодъ сказку о его службѣ, въ которой онъ показалъ, что «въ подозрѣніи никакомъ никогда не бывалъ и нынѣ за собою подозрѣнія не имѣетъ» и дважды присягалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ—въ 1730 г. въ Черниговѣ и въ 1731 г. въ Тобольскѣ. Тѣмъ не менѣе, синодъ счелъ необходимымъ подтвердить его слова свидѣтельскими показаніями. Состоя въ то же время при синодѣ, Арсеній занимался обученіемъ ставленниковъ [3]), и уже теперь онъ заявилъ себя человѣкомъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ. Сохранились акты, обличающіе въ немъ человѣка крутаго, жестокаго нрава. Такъ, въ бытность свою московскимъ инквизиторомъ [4]), онъ до смерти запыталъ ярославскаго игумена Трифона, несмотря на его престарѣлыя лѣта (85 лѣтъ). Такое самоуправство вызвало жалобу со стороны ростовскаго архіерея, по поводу которой синодъ постановилъ: «впредь пытать

---

[1]) О преподаваніи Арсенія Мацѣевича въ кадетскомъ корпусѣ нѣтъ свѣдѣній, но въ историч. запискахъ Миллера о членахъ Академіи Наукъ онъ показанъ законоучителемъ (1740 г.) при академіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 135.

[2]) Съ основаніемъ его дѣти многихъ знатныхъ фамилій, обучавшіяся въ академической гимназіи, перешли въ кадетскій корпусъ.

[3]) Восемнадц. вѣкъ. II, 301—365; «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, II, 10.

[4]) По другимъ—экзаменаторомъ. Рус. Достопамят. В., IV. Арс. Мацѣевичъ, И. М. Снегирева, 4. **В. И.**

бережно»[1]). Между тѣмъ, вскорѣ (1740) архіерейская каѳедра въ Тобольскѣ сдѣлалась вакантною[2]), и въ это же время Амвросій Юшкевичъ, переименованный въ архіепископы новгородскіе, занялъ президентское мѣсто въ синодѣ. Близость къ нему Арсенія, человѣка, какъ и онъ, происходившаго изъ южной Россіи, при томъ знакомаго съ Сибирью, должна была имѣть вліяніе на выборъ лица, для замѣщенія вакантной каѳедры. Такимъ образомъ, когда правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ были представлены два кандидата: первымъ—черниговскій архимандритъ Тимоѳей Максимовичъ, а вторымъ—синодальный іеромонахъ Мацѣевичъ, то послѣдній былъ предпочтенъ и посвященъ въ санъ митрополита 26-го марта 1741 года[3]). По прибытіи въ Тобольскъ, Арсеній, по примѣру малороссійскаго епархіальнаго управленія, переименовалъ тобольскую архіерейскую канцелярію въ консисторію: такъ, порядокъ церковнаго управленія Малороссіи, вмѣстѣ съ архіереями, вышедшими оттуда, переносится въ великорусскія епархіи, но онъ нисколько не улучшилъ общаго положенія дѣлъ.

Хотя и на этотъ разъ пребываніе Арсенія въ Сибири было непродолжительно (съ 18-го декабря 1741 г. по 10-е февраля 1742 г.), но до насъ дошелъ цѣлый рядъ промеморій, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ личность самого Арсенія, уже не скромнаго монаха, подающаго «сказку» передъ мелкимъ синодальнымъ чиновникомъ и увѣряющаго въ своей гражданской благонамѣренности, но какъ человѣка, гордаго въ сознаніи своей власти и неприкосновенности духовнаго сана. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ январѣ 1742 г. къ Арсенію была прислана просьба закащика (благочиннаго), священника верхнепелымской волости,

---

[1]) «Чт. М. О. ист.» 1862, 3. Въ спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. Цер., составл. П. Строевымъ, имя ярославскаго игумена Трифона не упоминается. Быть можетъ, оно принадлежитъ къ числу пропущенныхъ Строевымъ, какъ и многія другія, не оказавшіяся при нашихъ справкахъ. Въ Аѳанасіевскомъ ярослав. монастырѣ дѣйствительно оказывается такой пропускъ на стр. 368.

[2]) Списки архіер., Юр. Толстаго, стр. 4.

[3]) Чистовичъ, Арс. Мацѣевичъ, «День», 1862, № 15, стр. 4. Къ жизнеоп. Арс. Мац. «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1864, IV, смѣсь, 29. Списки, составл. Юр. Толстымъ, стр. 10. В. И.

Михаила Степанова, содержавшагося подъ арестомъ въ сибирской губернской канцеляріи. Въ своей просьбѣ онъ объяснялъ, что, будучи опредѣленъ митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ (окрестившимъ съ 1712 по 1726 г. до 40,000 человѣкъ инородцевъ), онъ обязанъ былъ выстроить для вогуловъ церковь, крестить язычниковъ и надзирать за крещеными; но въ 1730 году, по повелѣнію императрицы Анны и на основаніи инструкціи митрополита Антонія, ему предписывалось принять противъ вогуловъ таковыя мѣры: истреблять идолы и кумирницы, воспрещать приносить языческія жертвы, доносить о виновныхъ гражданскому начальству и наказывать ихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1732 году, онъ сжегъ 120 идоловъ и запретилъ приносить въ жертву лошадей, но затѣмъ снова открылъ, что языческія жертвоприношенія совершаются въ тайнѣ, посредствомъ потопленія въ рѣкахъ быковъ и коровъ; между крещеными и некрещеными заключаются браки, причемъ платятъ калымъ [1]), многіе же совсѣмъ оставили христіанство. Виновные въ этихъ преступленіяхъ не разъ подвергались наказаніямъ, вслѣдствіе чего пришли въ ярость противъ попа, нападали, грабили и наносили побои причту, а его, Степанова, обвиняли въ вымогательствѣ у нихъ денегъ и звѣрей; наконецъ, въ 1741 году, подали на него жалобу въ свѣтскій судъ, который распорядился схватить его, заковать въ цѣпи и отправить въ губернскую канцелярію. Получивъ эту просьбу, Арсеній рѣшился «отъ такихъ наглыхъ нападокъ и раззореній, какъ отъ свѣтскихъ командировъ, такъ и отъ иныхъ вогульцевъ, милостиво оборонить». Онъ защищаетъ обвиненнаго всею силою указовъ о неприкосновенности духовнаго сана и неподчиненности духовенства мірскому суду, безъ разрѣшенія на то архіереевъ: «такъ какъ свѣтская и неосвященная персона духовное лицо на себя брать и священника въ совѣстныхъ падежахъ, мимо главныхъ духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшить по святымъ законамъ, допрашивать и судить никакъ не можетъ»; а о томъ, что пелымскій воевода допустилъ сковать Степанова въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Арсеній объявляетъ, что войдетъ съ особымъ представленіемъ. Затѣмъ, обра-

[1]) Калымъ—плата за невѣсту.

щаясь къ самому вопросу о виновности подсудимаго, онъ замѣчаетъ, что еще сомнительно, кто болѣе виновенъ, священники ли, или свѣтскіе правители, «которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣютъ большую склонность, а порицаютъ священниковъ». Оправдывая послѣднихъ бѣдностью и нуждою, Арсеній, какъ бы въ упрекъ администраціи, указываетъ на бывшее слѣдствіе о ясачныхъ сборщикахъ въ Сургутѣ. «И сіе представляется», замѣчаетъ онъ—«не для какого на воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не защищеніе поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но токмо о истинѣ изъявляется, что, вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонятъ и турбуютъ, и изневожаютъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ, и инстигуютъ (преслѣдуютъ) безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущеся, но яко сами, любоимѣнія страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымыслы пріобрѣтенія.... Волостныя церкви пустѣютъ и новокрещеные наставленія лишаются отъ гоненія неразсудныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣтенное духовными пастырями великимъ трудомъ и коштомъ вовсе тщатся уничтожить на едино поруганіе нашему святому православію». Вслѣдствіе этого заявленія, послѣ допроса, Степановъ былъ отосланъ въ Пелымъ, для производства дѣла, а свѣтское начальство считало даже нужнымъ оправдываться. Но въ томъ же январѣ (1742 г.) у Арсенія возникло новое столкновеніе съ сибирскою канцеляріею, изъ-за драки между крестьяниномъ архіерейской вотчины и приказчикомъ, котораго крестьянинъ обвинялъ въ грабежѣ. Арсеній снова выступилъ съ грозною промеморіею, потребовавъ обоихъ виновныхъ на свой судъ, на основаніи указовъ 30-го мая 1739 г. и 14-го августа 1741 г., но канцелярія, основываясь въ свою очередь на постановленіяхъ 1727 и 1728 гг., виновныхъ къ нему не отпустила. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1742 г., будучи уже въ Москвѣ, Арсеній доносилъ синоду, что въ его канцеляріи имѣется донесеніе на тамошняго воеводу, полковника Миклашевскаго, за то, что онъ билъ плетьми крещеныхъ татаръ, принявшихъ христіанство, безъ позволенія своихъ владѣльцевъ—татаръ, распорядился отдать жену одного изъ нихъ некрещеному татарину, а другаго разрѣшилъ продать, хотя на него не было крѣпостнаго акта. Ар-

сеній настаивалъ, чтобы это дѣло разсматривалось въ томской, а не тобольской канцеляріи, склонной покрыть виновнаго, и снова проговорился на счетъ «безсовѣстныхъ воеводъ». Онъ требовалъ отъ синода рѣшительнаго вмѣшательства въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что инородцы могутъ быть «устрашены и утверждены свѣтскими злоковарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями и не будутъ имѣть охоты къ св. крещенію». Несмотря, однако, на такія энергическія заявленія, означенное дѣло было разсмотрѣно въ Тобольскѣ. Въ тобольскомъ епархіальномъ архивѣ есть еще нѣсколько подобныхъ промеморій Арсенія, въ которыхъ онъ съ неменьшимъ жаромъ отстаиваетъ права духовенства и новокрещеныхъ и не щадитъ словъ на обличеніе порядковъ свѣтскаго управленія. При этомъ, знатокъ мѣстныхъ архивовъ, протоіерей А. Сулоцкій замѣчаетъ, что ему пришлось просмотрѣть и прочесть бумаги предшественниковъ и преемниковъ Арсенія за время 1701—1768 гг. и, несмотря на то, что всѣ тогдашніе сибирскіе архіереи прошли одну школу съ Арсеніемъ, т. е. вышли изъ южной Россіи, но ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, и на счетъ лицъ, несогласныхъ съ ними и такъ или иначе касавшихся духовенства [1]).

Вступленіе на престолъ Елисаветы Петровны пробудило въ русскомъ обществѣ національныя чувства, долго сдерживаемыя преобладаніемъ иностраннаго режима, а религіозные интересы нашли въ ней горячую поборницу. Екатерина II впослѣдствіи такъ отзывалась объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жоффренъ:

«Въ молодости я предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» [2]).

Мы видѣли, какъ привѣтствовало духовенство этотъ переворотъ. Въ его нападкахъ на прежній порядокъ не только видны намеки, но произносились самыя имена виновныхъ; Остермана,

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1864, IV, смѣсь, 29—36. Матер. къ жизнеописанію Арс. Мацѣевича.

[2]) Сборникъ русск. истор. общества, I, 282. В. И.

Миниха и т. п. Мы видѣли также, какъ отразилась эта перемѣна на положеніи господствующей церкви и другихъ иновѣрныхъ ученій въ Россіи. Но этимъ не удовлетворились. Уже въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, представители церкви выступаютъ съ знаменательнымъ проектомъ церковно-административной реформы, иниціативу которой взяли на себя Амвросій Юшкевичъ и Арсеній Мацѣевичъ.

Въ Сибири Арсеній подвергся сильнымъ припадкамъ цынготной и скорбутной болѣзни [1]) и, конечно, желалъ переселиться оттуда, но едва ли въ такой короткій срокъ, какимъ было его пребываніе въ Сибири, онъ успѣлъ снестись съ своимъ покровителемъ, Амвросіемъ, чтобы вдругъ измѣнить свое положеніе [2]). Еще Арсеній не успѣлъ пріѣхать въ Тобольскъ, какъ уже совершился переворотъ въ пользу Елисаветы, а нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда умеръ ростовскій архіепископъ Іоакимъ. Такимъ образомъ это обстоятельство могло дать поводъ самимъ друзьямъ Арсенія похлопотать о перемѣщеніи его поближе въ Россію; но уже 10-го февраля 1742 г., не дождавшись рѣшенія своей участи, Арсеній оставилъ Тобольскъ; подъ покровительствомъ такого ходатая, какъ Амвросій, онъ могъ разсчитывать на успѣхъ. Дѣйствительно, 28-го мая, во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, когда она пригласила Амвросія на совѣтъ о выборѣ законоучителя для великаго князя Петра Ѳеодоровича, Амвросій, предложивъ ей на это мѣсто своего товарища по кіевской академіи, Симона Тодорскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ словесно представилъ о переводѣ на ростовскую епархію, съ званіемъ члена синода, Арсенія Мацѣевича, и Елисавета также словесно утвердила этотъ докладъ [3]).

Виды Амвросія на Арсенія вполнѣ оправдались. Воспитанники одной школы, люди одинаковыхъ воззрѣній на церковныя отношенія и духовную власть, притомъ давно успѣвшіе сблизиться между собою, не могли не сочувствовать другъ другу теперь, когда наступало, повидимому, самое благопріятное время

---

[1]) Письмо къ Пимену, еп. Вологодскому, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1862, III, 135—136.

[2]) Статья Чистовича, «День», 1862, № 15, стр. 4.

[3]) «День», № 15, «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1864, IV, 42. В. И.

для осуществленія ихъ замысловъ. И Амвросій, видѣвшій въ прежнихъ порядкахъ угнетеніе духовенства, которое будто бы хотѣли даже вовсе истребить, «чтобы завести свое вымышленное безпоповство», поспѣшилъ воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы совсѣмъ покончить съ ненавистною для него и его единомышленниковъ синодальною формою церковнаго управленія и возвратиться къ прежнему единоличному порядку правленія—стремленіе, не разъ проявлявшееся въ русской духовной іерархіи послѣ Петра Великаго. Такимъ образомъ, совмѣстно съ Арсеніемъ, Амвросій представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ, послѣ выписокъ изъ церковныхъ правилъ и отцовъ церкви, излагались слѣдующія мысли:

«Если трудно покажется по регламенту духовному титлы синодальной оставить, то синодъ, хотя и сдѣлать, однако, дабы былъ, хотя по малой формѣ, священнослуженію церкви соборной, апостольской, восточной сообразенъ, сирѣчь имѣющій въ себѣ президента первоначальнаго архіерея не иного кого, точію московскаго, титулующагося московскимъ и с.-петербургскимъ, вице-президента перваго—новгородскаго архіерея, втораго—какого-нибудь архіерея, близь Москвы обрѣтающагося (конечно Арсенія). А оберъ-прокурору и генералъ-прокурору, какъ и экономіи коллегіи, нечего здѣсь дѣлать: понеже и то за нужду дѣлается, что въ синодѣ мірскіе оберъ-секретари и секретари. По настоящему церковному порядку, надлежало бы и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ—іеромонахамъ или монахамъ; такъ какъ здѣсь не иныя дѣла судятся и производятся, только поповскія и причетническія, да монашескія; судятся также браки: законный и незаконный падежи совѣсти. О таковыхъ, что здѣсь смотрѣть или разбирать оберъ-прокурору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія или не имѣющей власти рѣшать и вязать? Въ собраніи синодальномъ нынѣ не только архіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще оберъ-прокуроръ и оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая титла «святѣйшій синодъ» или верховный святитель касается, ежели бы, чего не дай Богъ, по прежнимъ нашимъ временамъ, въ нашихъ глазахъ недавно бывшимъ, регентъ или генералиссимусъ съ Остерманомъ утвердились: кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы единаго или двухъ своихъ пасторовъ въ синодъ посадили. И какъ быть? Подъ

тою жъ титлою священства, они подъ овечью кожею истинные волки укрывалися бы на всеконечное истребленіе нашего благочестія».

Въ этомъ докладѣ еще не видно прямаго заявленія противъ синодальнаго управленія; но зато ясно ставился вопросъ объ исключеніи изъ синода не только свѣтскихъ чиновъ, но и членовъ низшей духовной іерархіи. Тѣмъ не менѣе, тайная цѣль этихъ стремленій обнаружилась немного позже, въ болѣе откровенной формѣ. Уже въ 1744 г. въ другомъ докладѣ Амвросій писалъ:

«Его величество, государь императоръ (Петръ Великій) соизволилъ было воспріять намѣреніе, чтобы духовное правленіе паки оставить точію при единомъ правленіи патріарха или митрополита, дабы церковное правленіе во славу Божію наилучше происходило. Но его величества соизволеніе къ исполненію не достигло по причинѣ его кончины» [1]).

Ясно, что имѣлось въ виду подѣйствовать на нерѣшительность Елисаветы «намѣреніемъ» ея отца... Но ни того, ни другаго виновникамъ этого проекта не удалось достигнуть, такъ какъ Елисавета Петровна не намѣрена была отступить отъ главныхъ основаній реформы Петра Великаго. Притомъ, въ самомъ синодѣ въ это время былъ такой энергическій поборникъ учрежденій послѣдняго, какъ князь Я. П. Шаховской, которому приходилось выдерживать постоянную борьбу съ подобными же навязчивыми желаніями. Еще въ 1742 г. Амвросій вошелъ съ докладомъ о безпорядкахъ и грабежахъ въ коллегіи экономіи, предложивъ, конечно, совсѣмъ закрыть ее. Дѣло это тянулось до 1744 г., когда его желаніе дѣйствительно было осуществлено, но съ нѣкоторыми ограниченіями, предложенными кн. Шаховскимъ [2]). Не менѣе враждебно относился къ синоду и Арсеній Мацѣевичъ. Противники этого учрежденія не могли равнодушно смотрѣть, что въ его средѣ были не одни архіереи; а на ихъ глазахъ былъ даже случай, что членомъ синода состояло лицо, не имѣвшее никакой церковной степени, какъ напр. Ѳеофилъ Кролікъ, который былъ посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи въ

[1]) Филаретъ, Сбзоръ рус. духов. литер., II, 24—25.

[2]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, 1872 г., стр. 51 и приложенія. **В. И.**

бытность свою членомъ синода. И Арсеній намекаетъ, что въ синодъ предполагалось даже посадить лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею, не только для православной, но и для другихъ христіанскихъ церквей въ Россіи [1]). Такое мнѣніе, быть можетъ, основывалось на томъ, что въ первое время, при Петрѣ Великомъ, вѣдѣнію синода подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы [2]). Но тенденціи Арсенія въ вопросѣ о церковной реформѣ вскорѣ обнаружились вполнѣ по другому случаю. Представившись императрицѣ Елисаветѣ, онъ не остался въ синодѣ и не далъ обычной присяги, а уѣхалъ въ свою епархію. Но, спустя нѣкоторое время, вѣроятно по настоянію кн. Шаховскаго, синодъ сдѣлалъ запросъ Арсенію: почему онъ не далъ установленной присяги и не является въ синодъ? Въ отвѣтъ на это, Арсеній сослался на личное и письменное объясненіе, которое онъ принесъ самой императрицѣ Елисаветѣ; и въ кабинетныхъ бумагахъ государственнаго архива сохранилось это «доношеніе» съ весьма цѣнными приложеніями, рельефно характеризующими личность и образъ мыслей ихъ составителя. Объясненія Арсенія основываются на томъ 1), что въ присягѣ, предложенной ему въ синодѣ, оказалась будто бы прибавка о вѣрности императрицѣ, какъ высшему судіи духовной коллегіи, и 2), что членъ синода, псковской епископъ Стефанъ (никогда не молчавшій даже и передъ кн. Шаховскимъ, какъ видно изъ записокъ послѣдняго) [3]) не хотѣлъ уступить ему высшаго мѣста по его епархіи; а это обстоятельство Арсеній считалъ на столько для себя оскорбительнымъ, что не согласился принести присяги даже тогда, когда ему предложено было дать ее безъ указанной прибавки. При этомъ, Арсеній заявлялъ о своей вѣрности императрицѣ, которой онъ принесъ присягу еще въ Тобольскѣ и что онъ, въ свое время, отказался отъ присяги Бирону, какъ регенту. Онъ препроводилъ также образцы присяги для свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, изъ

---

[1]) Возраженія Арсенія на «Молотокъ», Опис. докум. св. синода, т. I.

[2]) Чистовичъ, Θеофанъ Прокоповичъ, 573.

[3]) Приложенія къ Запискамъ кн. Шаховскаго, изд. М. И. Семевскаго, стр. 309—313. В. И.

которыхъ видны его собственныя воззрѣнія на отношенія свѣтской и духовной власти [1]).

Дѣло о присягѣ было оставлено безъ послѣдствій, но вскорѣ затѣмъ въ 1743 году у Арсенія возникло новое столкновеніе съ синодомъ, и опять изъ-за присяги. Въ началѣ этого года, отъ всѣхъ лицъ, присягавшихъ при повышеніи въ чины, въ правленіе Бирона и Анны Леопольдовны, велѣно было отобрать присяжные листы въ сенатъ и сжечь ихъ. Между тѣмъ въ присягѣ Арсенія оказались прибавки собственной его руки, а потому отъ него потребовали новыхъ объясненій. Арсеній утверждалъ, что онъ сдѣлалъ прибавку въ опроверженіе раскольническаго мнѣнія, что настоящая церковь не есть церковь, архіереи—не архіереи и священство, отъ Христа и апостоловъ черезъ хиротонію происходя-

---

[1]) «День», 1862, № 25 и «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., т. III, 144—151. Въ присягѣ духовнымъ титулъ синода «правительствующаго собранія» замѣненъ словами: «церковнаго правительства»; слова: «дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ» пополнены такъ: «и дѣйствовать вся по Христову и Апостольскому и св. отецъ ученію, и по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставамъ, согласующимъ съ церковью святою соборною Апостольскою, православно-восточною и аще-кія впредь уставы церкви божіей благопотребны непротивны согласіемъ сего духовнаго православнаго правительства и соизволеніемъ ея императорскаго величества опредѣлены будутъ». Въ другомъ мѣстѣ: «но аще въ чемъ и недоумѣніе мое будетъ, всячески по крайней моей возможности, потщуся искать уразумѣнія и вѣдѣнія отъ священныхъ писаній и правилъ соборныхъ, и согласія древнихъ великихъ учителей, отъ церкви свидѣтельствованныхъ» (разрядкою означены прибавки Арсенія). Но особенно характерно слѣдующее измѣненіе въ синодальной присягѣ: вмѣсто: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую монархиню, государыню нашу всемилостивѣйшую»—поставлено: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію и законоположителя духовнаго сего церковнаго правительства быти самаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, полномощную главу церкви и великаго архіерея и Царя, всѣми владычествующаго и всѣмъ ищущаго судити, живымъ и мертвымъ»... «Понеже», замѣчаетъ Арсеній «исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ символа вѣры, другаго кого кромѣ Христа, крайняго судію, то уже Христосъ... какій намъ останется быти судія? Къ сему же наша святая церковь... не по иному какому резону и папу римскаго отмещетъ и антихристомъ его быти присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Христу, сдѣлалъ себя цѣлой церкви главою, сирѣчь крайнимъ судіею. А монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать... О чемъ довольно протолковано въ книгѣ «Камень Вѣры»... безъ приложенія таковаго излишняго ласкательства, во уничиженіе или во отверженіе, самаго крайняго судіи Христа Господа». **В. И.**

щее, совсѣмъ потерялося; «а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, прибавляетъ Арсеній, я отнюдь не чаялъ, чтобы другому кому, кто церкви святой, православно-восточной придержится, могла быть противность». Въ такомъ видѣ настоящая присяга была читана Арсеніемъ передъ поставленіемъ его въ архіереи. Но, вступивъ на путь самооправданій, Арсеній долженъ былъ уже просить прощенія у синода [1]). Донесеніе Арсенія разсматривалось въ синодѣ съ 11-го іюля по 13-е октября, когда состоялось опредѣленіе сжечь присягу Арсенія, выписавъ изъ нея только имена архіереевъ, участвовавшихъ въ его постановленіи. Замѣчательно, однако, что на это отступленіе не обратили вниманіе въ свое время и придали значеніе прибавкѣ только теперь. Ясно, что въ средѣ синода были члены, враждебно настроенные противъ Арсенія, и это подтверждается тѣмъ, что Амвросій Юшкевичъ ни разу не присутствовалъ въ синодѣ [2]). Къ этому присоединились два новыя обстоятельства, существенно повліявшія на ходъ этого дѣла.

Еще въ 1742 г. коллегія экономіи распорядилась отправить въ ростовскіе монастыри нѣсколькихъ инвалидовъ, которыхъ Арсеній отказался принять, ссылаясь на недостатокъ средствъ. Тогда коллегія вошла съ жалобою на него въ сенатъ и синодъ, указывая на то, что по ея разсчету, въ тамошнихъ монастыряхъ есть въ запасѣ около 1000 четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ объясненія отъ Арсенія, который отвѣчалъ, что послѣ донесенія своего въ коллегію (только-то теперь!) въ этихъ мона, стыряхъ было пострижено болѣе 40 человѣкъ, лишившихся монашескаго званія въ прошлое царствованіе, а потому лишнихъ порцій у него нѣтъ. При этомъ Арсеній, по своему обыкновенію, не стѣснялся въ выраженіяхъ, такъ что сенатъ требовалъ, чтобы синодъ воспретилъ Арсенію обращаться къ сенату съ подобными оскорбительными рѣчами, угрожая, въ противномъ случаѣ, донести о томъ императрицѣ (12-го апрѣля 1743 г.); а спустя два мѣсяца повторилась та же исторія, по поводу присылки въ монастырь одного юродиваго. Арсеній отвѣчалъ те-

[1]) Н. И. Барсовъ не воспользовался этими доношеніями (см. «Русскую Старину», 1876, XV 752), напечатаны они въ «Днѣ», 1862 г., № 25, и «Чтен. Моск. Общ. ист.», 1862 г., кн. III, смѣсь, 144—152.

[2]) «День», 1862 г., № 25, стр. 6.

перь синоду въ прежнемъ духѣ, называя подобное требованіе «весьма неосмотрительнымъ и несправедливымъ». Послѣ этого синодъ рѣшился сдѣлать докладъ императрицѣ, которая повелѣла объявить Арсенію указомъ, чтобы «онъ отъ подобныхъ продерзостей воздержался, а ежели впредь будетъ оказывать къ регламенту и указамъ сопротивленіе и презорство, то, какъ противникъ общаго покоя и высочайшей власти, онъ будетъ лишенъ не только сана, но и монашества». И въ своемъ указѣ по этому случаю (3-го сентября) синодъ ссылается на самыя сильныя мѣста постановленій Петра Великаго и его преемниковъ о власти синода и обязанности всѣхъ—повиноваться ему, какъ и власти сената [1]).

Узнавъ о грозящей ему опасности (указъ былъ данъ еще 19-го августа), Арсеній сталъ было проситься на покой въ новгородъ-сѣверскій спасскій монастырь, ссылаясь на «скорбуточную болѣзнь», которую онъ нажилъ на морѣ, и головныя боли, вслѣдствіе которыхъ онъ почувствовалъ такую слабость, что не въ силахъ болѣе управлять епархіею. Какъ видно, синодъ было обрадовался этой просьбѣ и потому поспѣшилъ составить новый докладъ государынѣ, выражаясь въ немъ, что Арсенія на покой уволить «надлежитъ», а въ монастырѣ ему слѣдуетъ выдавать хлѣбную порцію и прочихъ припасовъ, противъ пяти монаховъ, назначить къ нему трехъ служителей и, на случай выѣзда изъ монастыря, давать коляску съ парою лошадей; на платье же и прочія нужды назначить по 300 р. въ годъ и 200 р. на дорогу [2]). Но императрица не утвердила этого представленія и повелѣла Арсенію, по-прежнему, оставаться ростовскимъ митрополитомъ [3]).

Амвросій и Арсеній были прямыми преемниками идей той партіи, которая, въ борьбѣ съ реформою Петра Великаго, группировалась возлѣ «Камня Вѣры» Стефана Яворскаго, какъ своего знамени, и «обличеній» Ѳеофилакта Лопатинскаго, сторонники

---

[1]) «День», 1861 г., № 15; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., III, 154—157. Ссылаясь на указъ 1722 г., синодъ говоритъ: «кто гораздо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воню изъ себя издаетъ»...

[2]) «Чтенія», 1862, III, 153.

[3]) «День», 1862, № 25, стр. 6. В. И.

которыхъ встрѣчали такой ожесточенный отпоръ въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича. Съ большими усиліями и значительнымъ пожертвованіемъ своихъ нравственныхъ силъ, велъ эту борьбу Ѳеофанъ, пока не одолѣлъ своихъ противниковъ. Но теперь, явились новые защитники ихъ ученія, такіе же, какъ и они, горячіе поборники патріаршества и церковной реакціи. Представители этого направленія одинаково сурово относились и къ расколу, и къ иновѣрнымъ ученіямъ.

III.

Еще въ 1742 году Арсенію было поручено разсмотрѣть и приготовить къ изданію трудъ Ѳеофилакта: «Обличеніе неправды раскольнической», написанное въ 1734 г., по поводу «Поморскихъ отвѣтовъ» [1]), но остававшееся до сихъ поръ, вслѣдствіе катастрофы, постигшей автора, не разсмотрѣннымъ. Арсеній, извѣстный уже намъ по своей полемикѣ, веденной имъ во время пребыванія въ соловецкомъ монастырѣ (1734), исправилъ сочиненіе Ѳеофилакта и составилъ къ нему предисловіе (оно издано въ 1745 году), а затѣмъ написалъ отъ себя «Дополненіе» къ сочиненію, оставшееся до послѣдняго времени въ рукописи [2]). Въ своихъ сочиненіяхъ Арсеній обнаруживаетъ большую начитанность въ отеческой и русской церковной литературѣ (соч. Максима Грека, Просвѣтитель, Стоглавъ, Четьи-Минеи и разныя полемическія

---

[1]) Они были вызваны вопросами, составленными въ 1722 г. іеромон. Неофитомъ, рекомендованнымъ, для обращенія выговскихъ раскольниковъ, извѣстнымъ дѣятелемъ по искорененію раскола въ нижегород. епархіи м. Питиримомъ. Но, начавши свою дѣятельность литературными пріемами, Неофитъ, подобно Питириму, и самъ пришелъ къ заключенію о необходимости «изысканія» раскольниковъ, такъ какъ раскольники жили «на свободѣ безъ всякаго опасенія». Въ 1727 г. Неофитъ умеръ; что же касается вопросо-отвѣтовъ и возраженій на нихъ Неофита, то они были переданы синодомъ на разсмотрѣніе Ѳеофилакта, который продержалъ ихъ у себя до 1733 г., оправдываясь въ этой медленности тѣмъ, что по смерти Петра Великаго «на новописанныя книги тяжкія цензуры настали». Представленное же въ 1734 г. «Обличеніе» было разсмотрѣно сначала Питиримомъ, а потомъ Арсеніемъ. См. «Опис. докум., хран. въ архивѣ синода», I, 471—485.

[2]) Отрывокъ его напечатанъ въ «Прилож. къ опис. докум., хран. въ арх. синода», CCCCXVIII и слѣдующ. **В. И.**

сочиненія), въ русскихъ лѣтописяхъ (Несторъ, хронографы, Степенная книга, лѣтопись ростовскихъ архіереевъ, лѣтописная повѣсть сибирскаго митрополита Игнатія) и даже иностранныхъ сочиненіяхъ (Бингама—Церковныя древности, Бароній, Агриппа—о суетѣ наукъ, Матвѣй Стрыйковскій, Коранъ, Талмудъ, Естествословцы) [1]). Но въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то, что весь запасъ своихъ богословскихъ знаній онъ употребляетъ на защиту преимущественно іерархіи и менѣе касается обрядовъ и другихъ спорныхъ вопросовъ раскола. Въ своихъ же полемическихъ доводахъ онъ основывается на примѣрахъ и авторитетѣ извѣстнаго творенія Іосифа Волоцкаго—«Просвѣтитель», требующаго вмѣшательства гражданской власти и казни еретиковъ, для которыхъ онъ не находитъ ни одной изъ нихъ суровою, не исключая даже сожженія, причемъ, подобно Іосифу, ставитъ въ образецъ новымъ ревнителямъ—древнихъ ревнителей, какъ Моисей, Іисусъ Навинъ, Илія, Левъ, еписк. Катанскій. Мы не говоримъ уже о самомъ способѣ полемики, въ которой постоянно встрѣчаются такія обращенія къ противникамъ, какъ: разбойники, жиды, воры, плотоугодники, хищники, адскіе бѣсы, волки, сатанинскіе служители, антихристы, и т. п. [2]). Дополненіе было представлено Арсеніемъ въ синодъ, 12-го марта 1746 г., но было возвращено автору для исправленія. Черезъ годъ онъ снова представилъ его, но дальнѣйшая судьба этого труда неизвѣстна [3]).

Ростовская епархія была полна раскольническихъ сектъ, различныхъ толковъ, которые дали обильный матеріалъ для сочиненій Димитрія Ростовскаго [4]). Увлекаемые ревностью и фанатизмомъ мученичества, которое такъ легко воспринималось, вслѣдствіе духа нетерпимости ихъ противниковъ, сектанты прибѣгали

---

[1]) Кромѣ того, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ приводитъ выдержки изъ Плинія, изъ книжицы «иѳики нарицаемыя», повѣствующей, между прочимъ, о Есхилѣ, «изряднѣйшемъ стихотворцѣ аѳинскомъ, получившемъ извѣстіе отъ астрономовъ о смерти нечаянной, яко имати быти ему отъ сверху верженія». «Яросл. Епарх. Вѣд.» 1864, № 48, 472.

[2]) «Православ. Собесѣд.» 1861, III. Увѣщаніе къ раскольнику; а также здѣсь изложено и Дополненіе Арсенія къ соч. Ѳеофилакта (по рукопис. Соловецк. монаст., означенный выше отрывокъ составляетъ начало его).

[3]) Документы синод. архива, 483 и 485.

[4]) См. Ереси и расколы, бывшіе и существующіе въ яросл. епархіи. Троицкаго. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, №№ 11—27. В. И.

нерѣдко, то къ насильному голоду, то къ самосожженію. Такъ изъ донесенія іером. Игнатія Димитрію Ростовскому видно, что въ его прежнемъ приходѣ сожглось 1920 человѣкъ, не считая окрестныхъ селъ и деревень, гдѣ было также множество подобныхъ жертвъ. Но какъ трудно было относиться къ расколу въ духѣ терпимости, можетъ служить лучшимъ примѣромъ самъ Димитрій Ростовскій, который, посылая свою книгу о расколѣ (быть можетъ, «Розыскъ») другу своему Ѳеологу [1]), писалъ ему слѣдующее: «посылаю бороду капитонскую (Капитонъ—расколоучитель), изрядную, долгую, широкую, расчесанную, въ которую не жаль плюнуть» [2]). И въ то время, какъ Амвросій настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ распространенія раскола, ссылаясь, какъ на главную опору ихъ нападокъ на церковь, на ихъ мнѣніе, что «синодальное правленіе отъ единаго образца протестантскаго взято» [3]),—Арсеній торжественно клялся передъ своею паствою въ совершенномъ искорененіи этихъ враговъ православія [4]). Въ самомъ дѣлѣ, полемика съ расколомъ была любимою темою его проповѣдей [5]), а нетерпимость его въ этомъ случаѣ доходила до того, что, когда Петръ и Екатерина II облегчили участь раскольниковъ, то онъ велѣлъ выписать изъ служебника и читать особыя молитвы противъ нихъ и вынимать частицы на проскомидіи на гонящихъ церковь, ибо-де раскольники въ церковь не ходятъ и плюютъ на нее [6]). Тѣмъ же духомъ проникнуто и извѣстное сочиненіе Арсенія на «Молотокъ» «Молотокъ не Камень Вѣры»—лютеранскій пасквиль, написанный чрезвычайно бойко и пущенный въ ходъ въ Россіи около 1731 года. Въ то время «Камень Вѣры» былъ уже запрещенъ, а потому писать въ его защиту—было опасно. Ѳеофилактъ Лопатинскій хотѣлъ было писать противъ возраженій Буддея, профессора іенскаго университета (которому приписываются эти возраженія), но тайная канцелярія запретила ему писать противъ Буддея и даже упоминать о самомъ запрещеніи. Переводъ

---

[1]) Іеромонахъ, ученикъ братьевъ Мехудовъ, справщикъ книгъ, библіотека и переписка котораго поступили въ синод. библіотеку.

[2]) Румянц. музея № 407, письмо 2. См. предыд. статью, № 16, стр. 155.

[3]) Обзоръ духов. литер. Филарета, II, 25.

[4]) «Ростовскій лѣтописецъ», изд. въ Ярославлѣ.

[5]) Опис. докум. Синод. Арх., 483.

[6]) «День», 1861, № 16, и допросъ Мацѣевичу. **В. И.**

же сочиненія Рибейры (доминиканца, писавшаго въ защиту «Камня Вѣры») на русскій языкъ, повлекъ за собою преслѣдованіе нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Но, въ царствованіе Елисаветы, перевѣсъ получила противная партія, и Мацѣевичъ могъ выступить на защиту идей Стефана Яворскаго [1]). Впрочемъ, защитникъ Стефана пересыпаетъ свои отвѣты такою крупною бранью и такими рѣзкими выходками противъ автора «Молотка», что его полемика приняла совершенно личный характеръ. Между тѣмъ какъ «Молотокъ» вездѣ ссылается на факты и историческія данныя, авторъ возраженія не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о времени и дѣйствующихъ лицахъ, о которыхъ пишетъ; о самомъ Стефанѣ онъ сообщаетъ самыя общія свѣдѣнія, сохранившіяся устно или печатно, и вовсе не опровергаетъ своего противника, а только заподозрѣваетъ достовѣрность изложенныхъ фактовъ. Чтобы судить о пріемахъ этой полемики, достаточно указать, что, на обвиненіе авторомъ «Молотка» Стефана Яворскаго за уклоненіе въ унію, а потомъ переходъ въ православіе, Арсеній Мацѣевичъ отвѣчаетъ такъ: «А наипаче для чего Мартина Лютера и Катеринки его монашествомъ папскимъ не токмо не порицаете, но и за святость пріемлете?» Составитель «Молотка» старался набросить подозрѣніе на Стефана въ его католическихъ тенденціяхъ и склонности къ папизму, а за его обличенія лютеранства—отплатить тѣмъ же самымъ православію; такимъ образомъ, патріаршество, обрядность, чудеса, монашество — подвергаются въ «Молоткѣ» или полному осужденію, или посмѣянію. Арсеній, защищая все это, съ своей стороны безпощадно бранитъ противника, причемъ не упускаетъ случая затронуть мимоходомъ даже послѣдователей раскола. Но два вопроса составляютъ больное мѣсто полемики Арсенія это — возстановленіе патріаршества и защита монашества. Относительно перваго Арсеній высказываетъ мысль, что Петръ Великій не думалъ отмѣнять патріаршества навсегда, а напротивъ, намѣренъ былъ снова учредить его, и потому не велѣлъ уничтожать патріаршаго мѣста въ Успенскомъ

---

[1]) Въ это время имѣть въ домѣ рукопись «Молотка» считалось уже ересью и богохульствомъ. См. доношеніе императрицѣ Елисаветѣ на вольнодумцевъ Коржавиныхъ, 1755 г. Воронц. арх., III, 316. **В. И.**

соборѣ, которое «по особому высокомонаршему усмотрѣнію осталось въ цѣлости, какъ прежде было, и нынѣ настоятеля своего ожидаетъ». Въ защиту монашества, Арсеній ссылается на примѣръ Іисуса Христа, который былъ «первѣйшій монахъ», на Богородицу, какъ образецъ монашества, наконецъ, на самихъ монаховъ, отъ которыхъ преимущественно происходятъ чудеса.... При этомъ онъ, конечно, стоитъ за избраніе въ епископы исключительно монаховъ и, ссылаясь на церковныя древности Бингама, доказываетъ, что въ древней церкви въ епископы избирали преимущественно аскетовъ или даже женатыхъ, но «съ обязательствомъ, чтобы на архіерейскихъ степеняхъ дѣтей не плодили» [1]).

Заслуживаетъ еще вниманія возраженіе Арсенія на обвиненіе «Молотка» въ медленности исправленія славянской библіи, о чемъ безуспѣшно хлопоталъ Петръ Великій. «Ежели разсудить въ тонкость—«говоритъ Арсеній», то библія у насъ и не особенно нужна. Ученый, ежели знаетъ по гречески, греческую и будетъ читать, а ежели по латынѣ, то латинскую, съ которой для себя и для поученія народа, россійскую, какая ни есть библія, будетъ исправлять. Для простаго же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ библіи имѣется» [2]). Выше мы указывали, что Арсеній былъ человѣкъ начитанный. Его библіотека составляетъ теперь собственность ярославской духовной семинаріи, и въ ней же хранятся рукописи самого Арсенія, заключающія въ себѣ 12 томовъ проповѣдей (числомъ 217) [3]); но онѣ не обработаны литературно, а представляютъ рядъ набросковъ, конспектовъ, выписокъ изъ св. писанія и отцовъ церкви. Напрасно, однако, утверждаютъ тѣ, которые желаютъ въ Арсеніѣ видѣть образецъ всевозможныхъ совершенствъ, что по своему характеру рѣчи Арсенія рѣзко отличаются отъ пріемовъ многихъ его предшественниковъ, любившихъ, какъ извѣстно, занимать своихъ слушателей анекдотическими разсказами изъ гражданской и церковной исторіи, апокрифовъ и средневѣковыхъ бестіаріевъ, и болѣе подходятъ, къ требованіямъ, поставленнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, нежели

---

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, 383—407.

[2]) Тамъ же.

[3]) Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 20 листовъ. «Яросл. Епарх. Вѣд»., 1864, № 35, стр. 348.

— его противниками [1]). По своему содержанію, это—поученія, произнесенныя по поводу воскресныхъ и праздничныхъ евангелій и апостоловъ, толкованія псалмовъ или катехизическія объясненія символа вѣры, заповѣдей и т. п. [2]), главнымъ образомъ, догматическаго содержанія, причемъ авторъ ихъ постоянно имѣетъ въ виду вопросы, оспариваемые раскольниками, какъ мнѣнія ихъ о священствѣ, объ антихристѣ и т. п. [3]), и даже въ бесѣдахъ нравственнаго содержанія, которыхъ также не мало, весьма часто встрѣчаются длинныя отступленія догматическаго или полемическаго характера, а въ изложеніи нравственныхъ вопросовъ онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ искусственнымъ, чисто схоластическимъ пріемамъ [4]). Такимъ образомъ, отзывъ о проповѣднической дѣятельности Арсенія, основанный не на предвзятомъ мнѣніи или личныхъ симпатіяхъ, а на изученіи самыхъ его сочиненій, будетъ совсѣмъ иного рода. «Если взять внѣшнюю сторону проповѣднической дѣятельности Арсенія, количество написанныхъ имъ поученій и самый объемъ ихъ», читаемъ въ подробномъ разборѣ этихъ сочиненій—«то едвали какой русскій проповѣдникъ XVIII столѣтія можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Арсеніемъ. Но его трудолюбіе и широта его богословскаго образованія представляются какъ-то двусмысленными, такъ какъ главное и существенное содержаніе его бесѣдъ составляютъ выписки изъ отцовъ и учителей церкви; искусственный подборъ этихъ выдержекъ, равно какъ и многочисленныхъ текстовъ изъ св. писанія и примѣровъ изъ житій святыхъ, заставляютъ думать, что Арсеній не самостоятельно изучалъ писателей, а имѣлъ у себя подъ руками какую-либо, по всей вѣроятности, латинскую конкордацію, гдѣ собраны были всѣ параллельныя изрѣченія и толкованія.... Мы думаемъ еще болѣе, именно, что нѣкоторыя изъ его рѣчей даже не имъ самимъ составлены, а только подъ его руководствомъ и редакціею.... Такимъ образомъ поражающее съ

---

[1]) «Русская Старина», 1876, XV, статья Н. И. Барсова, стр. 725.

[2]) «Христ. чтеніе», 1874, февр., 266. Наибольшее число проповѣдей Арсенія приходится на 1747—1752 гг. (13—20 въ годъ). Онѣ были произнесены преимущественно въ Ростовѣ, другія были сказаны въ Москвѣ, въ Ярославлѣ, Угличѣ, или въ разныхъ селахъ его епархіи. «Яросл. Еп. Вѣд.», 1864, № 35, стр. 349.

[3]) Тамъ же, № 43, стр. 420—425; № 45, стр. 439—445.

[4]) «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, № 50, стр. 485—490.

перваго взгляда трудолюбіе Арсенія и его эрудиція, при внимательномъ разсматриваніи дѣла, теряютъ свое значеніе. Но, еслибы и дѣйствительно проповѣди Арсенія были самостоятельнымъ трудомъ, то и въ такомъ случаѣ его литературная дѣятельность представляется не въ очень привлекательномъ свѣтѣ, особенно если сравнить ее съ дѣятельностью современныхъ проповѣдниковъ».

Сравнивая его бесѣды съ рѣчами Ѳеофана, Стефана Яворскаго, Димитрія Ростовскаго, такъ или иначе отзывавшихся на современныя явленія жизни, авторъ разбора замѣчаетъ: «ничего подобнаго мы не видѣли у Арсенія. Въ проповѣдяхъ его нѣтъ указанія ни на одно политическое происшествіе, ни на одну правительственную реформу. Заявивши такъ энергически свой протестъ противъ одного изъ важныхъ распоряженій правительства (о церковныхъ имуществахъ, уже при Петрѣ III и Екатеринѣ II), онъ ко всѣмъ другимъ политическимъ и гражданскимъ событіямъ вѣка оставался какъ-бы безучастнымъ... Вѣроученіе его вращается въ сферѣ отеческихъ толкованій, или сухой схоластической отвлеченности.... Тогда какъ въ полемикѣ Димитрія Ростовскаго противъ раскола—мы находимъ не только обстоятельное изложеніе догматовъ раскола, но и опроверженіе многихъ частныхъ раскольническихъ мнѣній и толковъ, а также знакомимся со складомъ и направленіемъ самой жизни раскола; подобнаго живаго отношенія къ послѣднему мы не видимъ въ полемическихъ бесѣдахъ Арсенія... Вообще, по его бесѣдамъ, человѣкъ, незнакомый съ расколомъ, составитъ самое смутное и неопредѣленное понятіе даже объ основныхъ пунктахъ раскольническаго вѣроученія. Вообще, полемика Арсенія безжизненна и суха, и трудно предположить, чтобы она имѣла живое вліяніе на слушателей. То же нужно сказать и о другихъ его бесѣдахъ нравственнаго содержанія.... Нужно думать, что, по своему однообразію, по своей сухости и безжизненности, и особенно по своей чрезвычайной растянутости, онѣ были слишкомъ утомительны для вниманія слушателей [1])».

1) Арсеній Мацѣевичъ, какъ проповѣдникъ. Н. К—въ. «Яросл. Епарх. Вѣд.», 1864, №№ 35, 37, 39, 41—45, 48—52, особенно № 52, стр. 507—510. Изъ сочиненій Арсенія напечатаны весьма немногія. О нихъ смотри у Филарета: Обз. дух. литер., II, 54; «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862, III. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Г. Н. Геннади, I, 44—45. О взглядѣ Арсенія на проповѣдь въ «Днѣ», 1862, № 15, стр. 3.

До Арсенія въ его епархіи существовала уже славяно-латинская школа, основанная при архіерейскомъ домѣ его предшественникомъ (1739 г.), для которой учители были вызваны изъ Малороссіи, но, по смерти его, она пришла въ упадокъ (1742 г.), а затѣмъ была замѣнена Арсеніемъ семинаріей въ Ярославлѣ (1747 г.)[1]). Эта перемѣна объясняется нерасположеніемъ послѣдняго къ латинской наукѣ и его взглядомъ на потребности духовнаго образованія. Такъ, въ 1763 году, онъ писалъ: «Духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на западѣ, т. е. по знатнымъ мѣстамъ въ царствующихъ городахъ, на государственномъ содержаніи, ибо знаемъ всѣ, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма. Но, какъ свѣтъ, отъ начала созданія всюду разсѣянный и колеблющійся, приведенъ въ порядочное состояніе тѣмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ, такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, если его прочесть внятно и въ тонкость, повелѣваетъ академіи быть при синодѣ на государственномъ содержаніи. А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей». Эти школы, по мнѣнію Арсенія, должны быть русскія, такъ какъ въ церквахъ служба совершается по-русски, а не по-латыни и не на другомъ какомъ-либо языкѣ. «Въ нашей ростовской школѣ», замѣчаетъ Арсеній—«уже и производится такое обученіе, только вмѣсто книги, показанной въ Духовномъ Регламентѣ, которая не бывала и быть не должна, толкуется православное исповѣданіе (Петра Могилы). Книжка эта для священника нужнѣе философіи и другихъ академическихъ книгъ, а особенно по деревнямъ, гдѣ нужно работать на хлѣбъ» [2]).

И такъ, въ одномъ случаѣ, авторъ этихъ словъ признаетъ авторитетъ Регламента обязательнымъ—тамъ, гдѣ толкованіе его, основанное «на тонкости», освобождало бы архіереевъ отъ непріятной повинности,—въ другомъ—онъ уклоняется отъ требованій того же Регламента и отвергаетъ ихъ, какъ противныя ре-

---

[1]) «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1847, годъ III, кн. 2, стр. 78, и «Ист. Іерархіи», I, 444—445.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. ист.». 1862 г., III, и статья И. А. Чистовича, «День», 1862 г., № 15, стр. 3.

лигіи. Точно также смотрѣло на школу большинство іерарховъ того времени, сочувствовавшее взглядамъ Арсенія.

Преданный партіи, враждебной Регламенту, Арсеній думалъ авторитетомъ лучшихъ представителей подкрѣпить собственную дѣятельность. Своими литературными трудами онъ выдвинулъ на видъ позабытыя имена Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Возраженіе его на «Молотокъ» въ значительной степени было личнымъ панегирикомъ тому же Стефану [1]). Но и въ ряду своихъ предшественниковъ на ростовской каѳедрѣ, Арсеній могъ найти примѣръ, которому онъ готовъ былъ слѣдовать въ своей дѣятельности, понимая послѣднюю въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ выраженіе однихъ личныхъ мнѣній. Мы говоримъ здѣсь о Димитріѣ Ростовскомъ, и на этотъ разъ мы вполнѣ согласны съ критикомъ исторіи г. Соловьева, что между Димитріемъ и Арсеніемъ далеко не было такой рѣзкой противоположности, на какую указываетъ историкъ Россіи. Разница заключалась собственно въ томъ, что первый былъ человѣкъ болѣе кабинетный и ученый, между тѣмъ, какъ второй старался немедленно переносить свои мнѣнія въ дѣло. Духъ и образъ мыслей Димитрія и Арсенія, по нѣкоторымъ, весьма существеннымъ вопросамъ, почти тождественны. И Димитрій Ростовскій любилъ останавливаться на отношеніяхъ свѣтской администраціи къ духовенству и церкви; и онъ рѣшался подымать голосъ противъ распоряженій Петра Великаго съ неменьшею рѣзкостью, чѣмъ Арсеній; но особенно онъ былъ неумолимъ къ учрежденію монастырскаго приказа.—«Хощети ли грабити церковная?» восклицаетъ онъ: «Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ

---

[1]) Впрочемъ, можно удивляться тому, что нѣкоторые стремятся утвердить за «Возраженіемъ на Молотокъ» значеніе блестящей апологіи «Камня Вѣры» (статья Н. И. Барсова), тѣмъ болѣе, что и у церковныхъ писателей существуетъ уже болѣе безпристрастный взглядъ на это сочиненіе Арсенія (Чистовичъ, Ѳеоф. Прок., 386 и 407); что его защитѣ патріаршества хотятъ придать характеръ доклада о лучшемъ управленіи церкви, изложеннаго съ замѣчательною ученостью (!); что въ его схоластическихъ рѣчахъ находятъ какіе-то новые пути, а въ самомъ исходѣ печальной исторіи Арсенія—результатъ того положенія, въ какомъ, по словамъ Стурдзы (еще бы!), находился синодъ, «двигавшійся по колеѣ Духовнаго Регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова». (Ibid). Но факты, излагаемые нами, приводятъ къ совсѣмъ инымъ заключеніямъ.

В. И.

бѣ въ Іерусалимъ грабити церковная и біенъ бысть ангельскими руками». Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о военномъ сословіи, которому поручался надзоръ въ монастырскихъ имѣніяхъ, слѣдующимъ образомъ: «Моисей въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу разбилъ, сходя съ горы, скрижали закона на двѣ половины, такъ что на одной остались отрицанія: не... не... не..., а на другой: убей, укради, прелюбы сотвори... Вотъ этой-то второй половины скрижали и придерживаются теперь военные: убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ». Въ такомъ же духѣ идутъ его обличенія на разрѣшеніе ѣсть мясо солдатамъ въ посты, допущенное при Петрѣ Великомъ, на стѣсненія монашествующихъ, на учрежденіе ассамблей [1]). Не забудемъ также, что другими ближайшими предшественниками Арсенія на ростовской каѳедрѣ были и Досиѳей Глѣбовъ, казненный при Петрѣ Великомъ по дѣлу царевича Алексѣя и царицы Евдокіи, и Георгій Дашковъ, поплатившійся при Аннѣ Іоанновнѣ за свои честолюбивыя стремленія. Сочиненія Димитрія Ростовскаго, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны Арсенію, а мнѣніе его о церковныхъ имуществахъ обратило на себя даже особенное вниманіе послѣдняго [2]).

Къ Димитрію Ростовскому Арсеній питалъ глубокое почтеніе; такимъ образомъ, по его донесенію, синодъ разрѣшилъ, въ 1752 г., открыть мощи Димитрія Ростовскаго и тогда же поручилъ Арсенію составить службу и житіе св. Димитрію [3]). Открытіе его мощей происходило въ апрѣлѣ 1757 г. [4]), а затѣмъ императрица Елисавета заказала для нихъ богатую серебряную раку. Въ это время Арсеній пользовался особымъ вниманіемъ со стороны Елисаветы Петровны. Такъ, въ мартѣ 1753 г., узнавъ о пріѣздѣ ея въ Москву, онъ поспѣшилъ выразить ей сожалѣніе, что, по причинѣ болѣзни, онъ не можетъ лично предстать передъ нею, и при этомъ препроводилъ ей свои сочиненія: «Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую» и «Возраженіе на

---

[1]) Сочиненія Димитрія Ростовскаго, II, 235, 317, 268, 448, 453. «Русская Старина», изд. 1876 г., стр. 733—734.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. ист.», 1862 г., II, 40—44.

[3]) Обз. духов. литерат., Филарета, 56.

[4]) «Чтенія Моск. Общ. ист.» годъ III, кн. II, 39.

пашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный», «которыя», писалъ онъ, «не представить вашему величеству совѣсть моя мнѣ воспрещаетъ. Того ради и книги, и меня самого особенному вашего величества разсмотрѣнію вручаю».

Въ отвѣтъ на это императрица почтила его особеннымъ знакомъ благосклонности, какъ видно изъ его благодарственнаго письма: «За превысочайшее и всемилостивѣйшее вашего величества пожалованіе меня, всеподданнѣйшаго раба и богомольца, виномъ венгерскимъ, которое я чрезъ преосвященнаго Платона Малиновскаго (возвращеннаго изъ ссылки и возведеннаго въ санъ архіепископа московскаго Елисаветою) получилъ, всепокорнѣйшее рабское мое приношу вашему величеству благодареніе и, по всемилостивѣйшему вашего величества приказу: началъ я оное вино употреблять по совѣту лекаря съ салволятилемъ и, чувствуя пользу, сосновую воду пить оставилъ. Тоежъ вино на приношеніе безкровныя жертвы, о дражайшемъ вашего величества здравіи и спасеніи, при моемъ служеніи будетъ употребляться (іюля 1-го 1753 г.)» [1]).

Передъ людьми, мнѣнія которыхъ онъ раздѣлялъ, Арсеній благоговѣлъ и преклонялся, но на людей, отступавшихъ отъ установленной догмы, онъ призывалъ небесныя и земныя кары. Мы знаемъ уже, что противъ еретиковъ у него готовы были примѣры изъ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго; а въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Арсеній прямо указываетъ на смертную казнь, совершенную надъ дворяниномъ Возницынымъ [2]), перешедшимъ въ Слуцкѣ въ жидовство и принявшимъ обрѣзаніе, хотя послѣдній, по возвращеніи въ Россію, до конца отвергалъ обвиненіе его въ этой ереси, и замѣчательно, что увѣщаніе его также было поручено Арсенію, и этотъ примѣръ онъ приводитъ въ доказательство неисправленія еретиковъ [3]). Такъ же сурово отнесся Арсеній, когда ему пришлось произнести приговоръ надъ человѣкомъ, уклонившимся отъ общепринятыхъ пріемовъ про-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1866 г., 50—52.

[2]) При Аннѣ Іоанновнѣ.

[3]) Донесеніе Арсенія по дѣлу архимандрита Владиміра Каллиграфа, малоизвѣстнаго русскаго проповѣдника XVII стол., Н. И. Барсова, въ «Христ. чтеніи», 1874 г., февр. и апр., и отдѣльно, стр. 33. В. И.

повѣдничества и заявившимъ открыто о необходимости болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ вопросовъ. Мы говоромъ о Владимірѣ Каллиграфѣ, состоявшемъ сначала учителемъ риторики въ кіевской академіи, а потомъ префектомъ и учителемъ философіи и богословія въ московской академіи. 21-го мая 1757 г., онъ произнесъ въ одной изъ московскихъ церквей слово, въ которомъ рѣшился прямо напасть на привязанность русскихъ къ религіозной обрядности и внѣшности. «Пускай», говоритъ онъ, «кому угодно различныя суевѣрія вымышляютъ, пускай на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или на Богоматерь всю надежду свою полагаютъ; однако, твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоваться тоже, что въ Іисусѣ Христѣ, его вѣчная мука ожидаетъ. Укрась, какъ хочешь, икону Богоматери, кричи, сколько у тебя мочи: «радуйся, благодатная Марія», а самъ о той благодати не старайся, промели на всякій день по десять или по двадцать кратъ акаѳистъ Богородицѣ, а самъ сына ея возлюбленнаго грѣхами распинай, никакой не получишь пользы».

Такая рѣчь крайне смутила Москву, а молва разнесла о ней вѣсть до Петербурга, Ярославля и Ростова.... Московская синодальная контора подвергла эту рѣчь экстренному обсужденію, а въ самомъ синодѣ—одни члены признали въ ней иконоборческія идеи и полагали уже запретить Каллиграфу дальнѣйшее преподаваніе богословія, но другіе обратили вниманіе на всю рѣчь и вовсе не нашли въ ней того вреднаго направленія, какое приписывали автору. На этотъ разъ его обязали только произнесть, при случаѣ, другое слово въ защиту иконъ, что онъ и сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ этого происшествія, его послали было архимандритомъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей (въ Устюгъ), но затѣмъ вызвали въ Петербургъ и назначили ректоромъ семинаріи въ Ярославль (въ іюлѣ 1759 г.). Здѣсь то его ожидала надлежащая кара. Арсеній, имѣвшій уже въ своихъ рукахъ списокъ съ московской проповѣди Каллиграфа, потребовалъ отъ автора публичнаго отреченія отъ своихъ мнѣній и признанія ихъ еретическими, а затѣмъ запретилъ ему служить съ собою и ѣздить къ нему, Арсенію, въ домъ. Въ проповѣди Каллиграфа Арсеній видѣлъ явное «жидовство и кальвинство», чего «не могъ стерпѣть ему по совести»; приравнивалъ его къ названному выше Возницыну и даже не хотѣлъ признавать его «за

христіанина», хотя Каллиграфъ и объяснялъ ему, что синодъ не нашелъ въ его мнѣніяхъ никакой ереси и вторую проповѣдь велѣлъ произнести только «для простыхъ-де». Въ такомъ положеніи виновный обратился за объясненіемъ въ синодъ, но Арсеній послалъ съ своей стороны донесеніе, въ которомъ просилъ освободить его и епархію отъ такого волка и врага Божія. Но онъ не считалъ нужнымъ ждать рѣшенія, а поспѣшилъ отрѣшить Каллиграфа отъ управленія монастыремъ и велѣлъ выдавать ему одно пропитаніе, ссылаясь, въ донесеніи синоду, на власть архіерейскую, данную ему отъ Бога и императрицы. Синодъ вынужденъ былъ назначить коммисію для разсмотрѣнія этого дѣла, хотя и выразился, что самъ такой вины за подсудимымъ не признаетъ, а потому оставилъ за нимъ и управленіе монастыремъ. Однако обвиняемый не дожилъ до полнаго оправданія: въ августѣ 1760 г., онъ скончался отъ апоплексическаго удара въ Сергіевской лаврѣ.

По смерти Каллиграфа была составлена опись его имущества и библіотеки, для продажи съ аукціона. Библіотека эта состояла изъ 80-ти сочиненій (до 100 томовъ) по богословію, философіи и словесности, на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ. Составъ ея знакомитъ насъ съ характеромъ занятій и образомъ мыслей печальной жертвы ревности не по разуму Арсенія. Въ числѣ книгъ, поименованныхъ въ описи, мы находимъ ученыя изданія библіи—католическія и протестантскія, сочиненія Эразма Роттердамскаго (Epistolae etc.), Буддея (Theologia moralis, къ которому питалъ уваженіе Ѳеофанъ Прокоповичъ), Рейхлина (Biblia hebraica), Adami Scherzeri (Colloquium antisocinianum, systema theologica), Salomonis glossii (Philologia sacra), Баумейстера (Institutiones metaphysicae etc.), Епиктета (Enchiridion graeco-latinum), Канта (Philosophia fundamentalis), у. Baptistae (Opera philosophica), Horatii Poëmata, Lactantii (opera omnia), P. Cunaei (orationes), Stoccis, clavis linguae sacrae, Büchneri Epistolae и др. Отсюда можно вывести заключеніе, что Каллиграфъ былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ богослововъ, рядъ которыхъ открываетъ самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи его библіотеки, пошла въ уплату долга за медикаменты, взятые изъ

лаврской аптеки, а часть выдана прислугѣ; но имущества у Каллиграфа почти не оказалось [1]).

Историки церковной словесности признаютъ въ рѣчахъ Каллиграфа стройность изложенія, силу аргументаціи, меткое изображеніе современныхъ нравовъ,—качества, выдвигающія автора изъ общаго уровня современныхъ проповѣдниковъ, а ихъ было не мало въ царствованіе Елисаветы [2]). Въ приговорѣ Арсенія надъ дѣятельностью Владиміра Каллиграфа выразилась полнѣйшая его нетерпимость въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Выходя изъ положенія: «не мнози учители бывайте»—онъ полагалъ, что лучше народу вовсе быть безъ наставленія, или читать старыя печатныя произведенія, нежели сѣять плевелы по злонамѣренности или заблужденію [3]), какими онъ считалъ, конечно, не только настоящую жертву своего приговора, но и всякаго мало-мальски уклонившагося отъ рутинной колеи его собственныхъ литературныхъ традицій. Но приговоръ синода по этому дѣлу ясно показываетъ, что въ средѣ іерархіи могла существовать иная точка зрѣнія на мнѣнія, осужденныя Арсеніемъ. Строгій ригористъ въ исполненіи религіозной буквы и суровый аскетъ въ своихъ требованіяхъ [4]), онъ былъ такимъ же мелочнымъ блюстителемъ власти и въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Правда, то было время, когда и въ средѣ дворянства, и въ средѣ высшаго духовенства еще вполнѣ господствовали патріархальные нравы, когда грубый произволъ и неуваженіе личности встрѣчались на каждомъ шагу. Даже вблизи Москвы помѣщики держали себя въ отношеніи къ низшему духовенству полновластными господами, заставляли священниковъ стоять передъ ними безъ шапокъ и подвергали ихъ побоямъ, хотя при Елисаветѣ, какъ стро-

---

[1]) Исторія этого дѣла и объ рѣчи Владиміра Каллиграфа въ указанной статьѣ Н. И. Барсова, стр. 1—73.

[2]) По библіографическимъ свѣдѣніямъ, за ея царствованіе насчитываютъ ихъ до 40, число же произнесенныхъ словъ съ 1741—1754 г., доходитъ до 120 (Ibid, стр. 19—23).

[3]) «День» 1861 г., № 15, стр. 3.

[4]) Въ распоряженіяхъ по епархіи Арсеній не разъ настаиваетъ на обученіи народа молитвамъ и на толкованіи катехизиса, но большую часть религіозныхъ требованій онъ низводитъ на мелочное выполненіе постовъ, поклоновъ и т. п. См. «Рус. Архивъ», 1863 г., 376—380, а также его рѣчи въ «Яросл. Епарх. Вѣд.». В. И.

гой блюстительницѣ церковныхъ правъ, духовный санъ былъ огражденъ отъ подобныхъ фактовъ весьма строгими постановленіями, а виновные подвергались жестокимъ наказаніямъ, какъ ссылка на вѣчное житье въ монастырь, назначеніе на 10 лѣтъ въ казенныя работы, или наказанію 6,000 ударовъ шпицрутенами [1]). Но и высшая іерархія не лучше относилась къ своимъ подчиненнымъ. Въ циркулярѣ устюжскаго епископа Варлаама (Скамницкаго), прославившагося своею неуживчивостью и грубостью нрава, за самые мелкіе проступки клира назначаются «наижесточайшія тѣлесныя наказанія»; занявшись же устройствомъ архіерейскаго села Богородскаго, онъ назначилъ на работы провинившихся духовныхъ лицъ: такъ, ихъ руками были вырыты пруды, которые своими излучинами изображали вензель архіерея (Е. В.). Подобными же дѣйствіями заявили себя вологодскій епископъ Серапіонъ Лятошевичъ, тобольскій епископъ Павелъ Конюскевичъ и епископъ тамбовскій Пахомій [2]). Не менѣе характеристичны нѣкоторые типы этого рода администраторовъ, представленные въ весьма замѣчательныхъ запискахъ Добрынина [3]), какъ напримѣръ, сѣвскаго епископа Кирилла Флоринскаго, человѣка, по своему времени, ученаго, но въ обращеніи съ подчиненными не разбиравшаго ни мѣста, ни времени.

«Этотъ преосвященный», пишетъ Добрынинъ, «всегда и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было: въ алтарѣ, или среди церкви, а особенно въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ

---

[1]) Ист. моск. епарх. управ., Н. Розанова, гл. II, отд. I, стр. 181, прим. 456; Знаменскій, Приход. духовенство, 454—455. Законодат. импер. Елисаветы относительно православнаго духовенства. «Прав. Обозр.», 1865 г.

[2]) Знаменскій, 610—611. О дѣйствіяхъ Павла Тобольскаго, см. сообщеніе Ф. А. Терновскаго, на основаніи синод. архива, въ «Чтен. общества». Лѣтописца Нестора, т. I.

[3]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. томъ III и IV. В. И.

бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружающихъ его непріятелей» [1]).

Говорятъ, что и Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывши епископомъ переяславскимъ и членомъ московской синодальной конторы, распорядился было высѣчь, въ присутствіи всей академіи, и выгнать молодаго катихизатора ея Платона Левшина—будущаго митрополита московскаго, за найденныя будто бы въ его проповѣдяхъ предосудительныя мѣста [2]). Таковы, наконецъ, дѣйствія прославленнаго Екатериною II, въ письмахъ Вольтеру, Димитрія Сѣченова, бывшаго при Елисаветѣ епископомъ нижегородскимъ, извѣстнаго намъ уже по своей миссіонерской дѣятельности. Такъ, онъ держалъ одного священника 6 лѣтъ въ оковахъ въ тюрьмѣ, билъ его «смертными побоями», деньги его забралъ себѣ, домъ раззорилъ, заставилъ отца и сына 11-ти лѣтъ оставаться безъ пропитанія, зато только, что отецъ не хотѣлъ, по принужденію архіерея, принять монашество [3]). Будучи ростовскимъ митрополитомъ, Арсеній издалъ распоряженіе, чтобы провинившихся священниковъ наказывать веревками, обмоченными въ горячую смолу, на концѣ которыхъ навертывать проволоку въ видѣ когтей. Такія плети назывались тогда кошками [4]) и этими кошками или «цѣпками», какъ называетъ ихъ Арсеній, былъ наказанъ при ростовской консисторіи одинъ заказчикъ (благочинный) за то, что въ его участкѣ, въ селѣ Сочилѣ, во время проѣзда Арсенія, «было усмотрѣно на престолѣ много пыли», а священникъ этой же церкви былъ сосланъ на вѣчное житье въ монастырь [5]). Въ бывшей ростовской епархіи, несмотря даже на послѣдующую, печальную участь Арсенія, о немъ сохранились самыя невыгодныя преданія. Нрава онъ былъ строптиваго, разсказываютъ о немъ, въ сужденіяхъ и словахъ былъ самона-

---

[1]) «Русская Старина», 1871, 150, 252—253 и др.

[2]) Правосл. Соб. 1876, февраль. Чтенія Знаменскаго по исторіи церкви при Екатеринѣ II, 110.

[3]) Дѣло это въ настоящее время разъяснилось, и прославленный либерализмъ Димитрія Сѣченова долженъ сильно пострадать. Экстрактъ изъ него см. въ «Древ. и Нов. Росс.», 1878, № 3; прошеніе сына въ «Церк. Общ. Вѣст.», № 50, и замѣтка о немъ «Древ. и Нов. Россіи», № 6.

[4]) Чтенія Моск. Общ. ист., 1862, II, смѣсь 3—4.

[5]) «Русскій Архивъ», 1863, стр. 378—380. В. И.

дѣянъ и дерзокъ, съ подчиненными бранился неприличными словами; бывали случаи жестокой своеручной расправы, и жизнь онъ велъ не совсѣмъ монашескую [1]). Но зато Арсеній являлся не менѣе грознымъ защитникомъ своихъ подчиненныхъ, если на нихъ посягала посторонняя власть. Узнавъ, что одинъ помѣщикъ его епархіи, будучи недоволенъ на своего священника, заставилъ его славить Христа въ своемъ хлѣвѣ, Арсеній пригласилъ помѣщика къ себѣ откушать хлѣба-соли, но какъ-только онъ вошелъ въ покои, его схватили и высѣкли плетьми до полусмерти [2]). Эти факты обрисовываютъ Арсенія, какъ архіерея администратора, преобладающею чертою котораго является крайнее самообольщеніе властью, не признававшею рядомъ съ собою никакихъ другихъ правъ и мнѣній, а зная эти факты, едва-ли можно находить въ его личности какія-либо «сѣмена» чего-то высшаго, которыя побуждали его «на высшій подвигъ» и могли бы заставить «историка» отыскивать въ жизни и дѣятельности этого лица преимущественно поучительныя страницы, достойныя подражанія [4]).

Кіевъ. **В. С. Иконниковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Ежегодникъ владим. статистич. комитета», вып. I, и «Древ. и Нов. Россія», 1876, № 12, стр. 415—416.

[2]) «День», 1864, № 11.

[4]) «Русская Старина», изд. 1876, статья Н. П. Барсова, томъ XV, стр. 724.

В. И.

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

IV [1]).

Уже позднѣйшія распоряженія императрицы Елисаветы вызывали опасенія и неудовольствіе въ средѣ духовной іерархіи. Продолжительное управленіе крестьянъ духовнаго вѣдомства учрежденіями, то стоявшими внѣ этого вѣдомства, то хотя и подчиненными ему, но сохранявшими до извѣстной степени свѣтскій характеръ,—пріучило самихъ крестьянъ смотрѣть на себя, какъ на освобожденныхъ отъ непосредственнаго подчиненія архіереямъ и монастырямъ. Называя себя «заопредѣленными», они считали, что духовнымъ властямъ вовсе нѣтъ до нихъ никакого дѣла, а потому нерѣдко оказывали полное неповиновеніе и отказывались исполнять требуемыя работы или нести другія повинности, а въ крайности обращались съ жалобами на духовныхъ правителей въ синодъ и свѣтскія учрежденія. Замѣчательно также, что подобное настроеніе, въ средѣ монастырскихъ крестьянъ, проявилось именно въ то время, когда, вслѣдствіе распоряженій Елисаветы Петровны, въ началѣ ея царствованія, крестьяне снова были подчинены духовенству [2]). Но уже въ 1757 году, въ засѣданіи конференціи, въ которомъ присутствовала сама императрица, были сдѣланы существенныя измѣненія въ администраціи монастырскихъ имуществъ; такъ, управленіе ими было передано,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752; томъ XXV, стр. 1—34.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XIII, № 10,168. В. И.

вмѣсто монастырскихъ служекъ, штабъ и оберъ-офицерамъ; самыя имѣнія были положены въ помѣщичьи оклады, и въ такомъ размѣрѣ велѣно было собирать доходы на монастыри, но съ тѣмъ, чтобы на нихъ расходовалось не болѣе положеннаго по штатамъ, а остальная сумма не употреблялась бы иначе какъ съ разрѣшенія императрицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе о сборѣ съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ денегъ для содержанія отставныхъ, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вовсе не собирали, и впредь эти деньги собирать ежегодно. Сумма, собранная за прошлые годы, назначена была на устройство инвалидныхъ домовъ, а остатокъ отъ нея долженъ былъ храниться въ банкѣ и опредѣлялся на расходы по этой статьѣ [1]).

О впечатлѣніи, произведенномъ этими распоряженіями на духовенство, можно судить по письму извѣстнаго Амвросія Зертисъ-Каменскаго къ Арсенію Мацѣевичу [2]). Посѣтивши незадолго передъ тѣмъ Арсенія въ Ростовѣ, Амвросій благодаритъ его «за Авраамле угощеніе и напутствованіе» и высказываетъ свое мнѣніе, по поводу разсужденія Арсенія о настоящемъ вопросѣ, копію съ котораго онъ вручилъ Амвросію при свиданіи. «По довольному мною о данной мнѣ копіи вашей разсужденію, усмотрѣлъ я,—пишетъ онъ,—что коль свято и полезно оное написано, однакъ не уповательно, чтобъ тое другимъ, гдѣ надлежитъ, было представлено. Ибо натурально можно разсудить, что никто своихъ пороковъ на себя не отваживается объявлять; да еще предъ такимъ, кой имѣетъ власть за оныя истязывать. А хотя-бъ и къ другому кому написать, только за равночестіе или за снисходительство, желаемаго успѣха нельзя получить. И такъ! понеже надобныхъ отъ присутствія (конечно въ синодѣ) заобыкли отдалять, и чрезъ то думаютъ, что въ случаѣ не могутъ пособить, то непремѣнно нужда надлежитъ въ С.-Петербургъ съѣздить кому-нибудь изъ насъ такому, который бы о всемъ обстоятельно и дѣльно представить могъ. Законоправильныя причины тому слѣдующія: 1) отвратить нынѣшнее належащее объ насъ учрежденіе; 2) избавленіе сдѣлать отъ львоименитаго су-

[1]) Ibid. XIV, № 10,765.

[2]) Ученикъ кіевской, львовской и московской академій, а съ 7-го ноября 1757 г.—епископъ переяславскій. **В. И.**

постата, который ни ѣстъ, ни спитъ, но того ищетъ, какъ бы насъ, аки пшеницу, разсѣять и все желаемое ему въ помѣшательство привесть; 3) исходатайствовать на вдовствующія епархіи настоящихъ пастырей, а не азіатскихъ выходцевъ и аѳонскихъ прелазатаевъ [1]), за какое опущеніе намъ ожидать неминуемаго гнѣва Божія, на страшномъ же судѣ отвѣта; 4) посѣтить съ Павломъ святымъ братію нашу, уповающую, и въ напатствующихъ случаяхъ отраду и руку помощи подать имъ; 5) показать должность и ревность пастырскую, сколь она объ общемъ церковномъ добрѣ попечительна, и, гдѣ надобно, неупустительна». Для этой цѣли Амвросій совѣтуетъ Арсенію исходатайствовать черезъ графа Разумовскаго разрѣшеніе «высокомонаршія очи видѣть» и въ то же время отклоняетъ отъ себя эту честь, какъ «послѣдняго въ числѣ братіи своей», тѣмъ болѣе, что онъ недавно былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ «съ крайнимъ изнуреніемъ для всего общества потрудился и неоднократно самъ и черезъ другихъ утруждалъ». Онъ заявляетъ, что онъ поспѣшилъ оставить Петербургъ между прочимъ потому, что «нечѣмъ себя содержать», а иначе пришлось бы «послѣднюю копѣйку истратить».... «Того ради,—продолжаетъ Амвросій,—по святости и по старости, и по другимъ превосходнымъ дарованіямъ, якоже на Матѳія, такъ паде жребій сей на ваше преосвященство; безъ ласкательства и безъ подлога сія пишу; предъ Богомъ бо и предъ вашимъ преосвященствомъ свидѣтельствуюсь, что тамъ васъ подъ сіе время вмѣсто новоявленнаго чудотворца пріимутъ и во сладость о всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ сдѣсь, но и тамъ отличное объ васъ мнѣніе.... Знаю, что ваше преосвященство изволите отрекаться и старостью, и слабостью, или медлительнымъ тамо прожитіемъ: неужели Флавіанъ святый помоложе и покрѣпче васъ былъ, который, для взволновавшейся Антіохіи, и чрезъ моря, и зимою въ Царьградъ потрудился? Кольми же вашему преосвящен-

---

[1]) Амвросій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ здѣсь Антонія, царевича Картлинскаго, католикоса Грузіи, съ 23-го ноября 1757 г. архіепископа владимірскаго, отпущеннаго въ Грузію въ декабрѣ 1762 г. (списки Ю. Толстаго, стр. 13 и 80); а также, можетъ быть, недавнія похожденія въ Россіи мелетійскаго епископа Анатолія Мелеса, о которомъ см. біографическій очеркъ Н. П. Григоровича, «Русскій Архивъ» 1870 г., 689—743. В. И.

ству для неповинной всей церкви отъ сего спасительнаго труда отказываться сожалительно... Вѣдаю я, что ваше преосвященство нескоро на сіе пристать изволите, по причинѣ келейныхъ подвиговъ вашихъ; но сами лучше меня изволите знать, что въ подобныхъ случаяхъ всѣ древніе богоподвижники пустыни свои оставлять, затворы отверзать и молчанія на представительства премѣнять, для приведенія въ благосостояніе святыхъ церквей, никогда не отрекались, и по вѣрѣ своей все получали» [1]).

Можно, однако, полагать, что ходатайство «черезъ высокографское сіятельство» все-таки ослабило силу новаго закона; такъ какъ, уже въ 1762 году, императоръ Петръ III, подтверждая это постановленіе, настаивалъ «на дѣйствительномъ исполненіи его и примѣненіи» безъ всякаго изъятія, самымъ дѣломъ. Мало этого, онъ требовалъ, чтобы не только его собственный указъ, но и экстракты изъ протоколовъ конференціи (бывшей при Елисаветѣ) по дѣлу о монастырскихъ имуществахъ «были для всѣхъ учинены извѣстными» [2]). Вотъ почему это дѣло всею своею тяжестью обрушилось на память Петра III, какъ виновника такой жестокой мѣры; а между тѣмъ его распоряженія представляли только повтореніе или дальнѣйшее развитіе того, что уже было выработано русскимъ законодательствомъ въ періодъ отъ Петра Великаго до Елисаветы включительно; только по своей настойчивости и болѣе рѣзкой постановкѣ вопроса, они напоминали скорѣе пріемы перваго, нежели послѣдней. А насколько такая форма представлялась опасною даже для людей, извѣстныхъ своею рѣшительностью и сочувствіемъ къ этому дѣлу, вполнѣ оправдываемому здравою политикою,—можно видѣть изъ признанія «тайнаго секретаря» Петра III, Д. В. Волкова. «Что жъ до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ,—пишетъ онъ,—то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи, и 3) пространный указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливѣе, и радъ я былъ случаю—воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастью,

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862 г., II, 22—24. Письмо помѣчено 13-мъ января 1758 года.

[2]) П. С. З., XV, 11,441. Указъ отъ 16-го февраля 1762 г. В. И.

перепорчена въ сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія» [1]). Такъ писалъ Волковъ вскорѣ послѣ переворота, находясь въ опалѣ, а потому вполнѣ понятно, что онъ старался оправдаться въ дѣлѣ церкви, защитницею правъ которой выступила въ своемъ манифестѣ Екатерина II. Но если признаніе Волкова искренно, то оно показываетъ, что и самъ Волковъ не думалъ идти далѣе желаній Елисаветы, а постановленія Петра III, состоявшіяся при участіи сената въ болѣе рѣшительномъ смыслѣ, находилъ и смѣлыми, и опасными....

Такимъ образомъ, уже 4-го января 1762 г. всѣ дѣла, касавшіяся злоупотребленій по монастырскимъ имуществамъ, были переданы въ особую коммисію, учрежденную Елисаветою [2]); а 7-го февраля, будучи въ сенатѣ, императоръ распорядился о немедленномъ исполненіи постановленія Елисаветы, «дабы, по рѣшенному толь справедливо и предусмотрительно дѣлу, въ совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время». Результатомъ этого настоянія былъ указъ 16-го февраля, требовавшій исполненія постановленій Елисаветы Петровны, «дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возобновлялся указъ «славныя памяти государя Петра Великаго», о непостриженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ, для исполненія «во всемъ его содержаніи и силѣ» [3]). Спустя же двѣ недѣли, синодъ получилъ новый указъ, которымъ воспрещалось строить въ партикулярныхъ домахъ церкви, «ибо не умноженіе,—говорится въ немъ,—но благочиненіе и содержаніе оныхъ полезно». Указъ этотъ, написанный весьма искусно, мотивировалъ настоящее распоряженіе тѣмъ, что «великое число» домашнихъ церквей, построенныхъ въ Петербургѣ, лишаетъ благолѣпія общенародные соборы и церкви [4]); но, несмотря на то, что онъ былъ вполнѣ согласенъ съ духомъ Регламента Петра Великаго, онъ былъ истолкованъ впослѣдствіи такъ, какъ будто бы

---

[1]) Письмо Волкова къ Г. Г. Орлову, въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 479—489. Біографическія свѣдѣнія о Волковѣ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, 163—174.

[2]) П. С. Законовъ, т. XV, № 11,396.

[3]) П. С. Зак. XV, № 11,441.

[4]) Ib. II, 460. **В. И.**

виновники его помышляли о совершенномъ раззореніи церквей, и дѣйствительно раззоряли ихъ. «И такимъ образомъ,—читаемъ въ томъ же обвиненіи,—православными владычествовать восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божій, писаніемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости» [1]). Однако, вскорѣ послѣ этого, какъ своими распоряженіями о церковныхъ имуществахъ, такъ и другими постановленіями по церковному управленію, Екатерина II доказала, что она не могла идти инымъ путемъ, кромѣ того, какой былъ проложенъ ея предшественниками, и что, въ случаѣ уклоненія отъ него, она готова была карать нарушителей своихъ требованій даже болѣе чувствительно, чѣмъ это сообразно было съ ея собственными философскими взглядами. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Дѣло, возбужденное при Елисаветѣ, несмотря на свою опасность, не могло оставаться безъ движенія. Уже въ мартѣ 1762 г. церковныя имущества были поручены вѣдѣнію коллегіи экономіи, учрежденной въ Москвѣ, и ея конторѣ—въ Петербургѣ. Духовныя лица были отрѣшены отъ управленія ими и замѣнены штабъ и оберъ-офицерами; монастырскіе и архіерейскіе крестьяне освобождались отъ бывшихъ до сихъ поръ оброковъ, вмѣсто которыхъ съ нихъ былъ опредѣленъ денежный взносъ, наравнѣ съ дворцовыми и казенными крестьянами, а земли, которыя они обработывали прежде на архіереевъ и монастыри, были отданы въ ихъ распоряженіе. Сборъ съ оброчныхъ статей и угодій, предоставляемыхъ желающимъ, и взносъ съ крестьянъ—должны были впредь поступать въ коллегію экономіи. Въ распредѣленіи самыхъ суммъ положено было руководствоваться постановленіями Петра Великаго, но духовнымъ властямъ были назначены значительные по тому времени штаты: такъ, архіереямъ: новгородскому, с.-петербургскому и московскому—опредѣлено было выдавать по 5000 р. с., остальнымъ 23 архіереямъ по 3000 р., архіереямъ же, засѣдавшимъ въ синодѣ, добавлялось сверхъ того по 2000 р.; на содержаніе семинарій (въ 26 епархіяхъ) было положено 78,000 р. Монастыри были раздѣлены на три класса, причемъ содержаніе ихъ настоятелямъ, сравнительно съ положеніемъ Петра Великаго, также увеличено (150—500 р.), а прочимъ монахамъ опредѣле-

[1]) П. С. Законовъ, № 11,582. В. И.

но жалованье. Дѣла, возникшія до того, между крестьянами и духовными владѣльцами, велѣно было прекратить, за исключеніемъ дѣлъ о смертоубійствѣ; но всѣ поборы, взятые съ крестьянъ духовными управителями сверхъ положеннаго, велѣно было взыскать съ послѣднихъ и возвратить крестьянамъ; офицерамъ же, назначеннымъ для управленія въ монастырскія вотчины, было опредѣлено жалованье, «дабы, безъ всякихъ къ крестьянству приметокъ и отягощенія, порядочно должности свои отправляли», и десятая часть «отъ приращенія», если умножатъ доходы съ оброчныхъ статей и отъ всего, «кромѣ крестьянъ, безъ наималѣйшаго имъ отягощенія». Остатки отъ суммъ, собранныхъ съ имуществъ, по-прежнему, предназначались на содержаніе богадѣленъ и инвалидовъ [1]).

Такая настойчивость, со стороны правительства, ручалась за быстрое исполненіе новыхъ мѣръ. О приведеніи ихъ въ исполненіе, губернаторы и воеводы обязаны были доносить коллегіи экономіи. И когда открылись въ псковской епархіи поборы съ крестьянъ, то императоръ немедленно распорядился изслѣдовать это дѣло [2]). Штелинъ утверждаетъ, что императоръ самъ принималъ весьма близкое участіе въ проектѣ о церковныхъ имуществахъ, разсматривалъ его въ своемъ кабинетѣ и дѣлалъ на него свои замѣчанія [3]).

Вполнѣ понятно, что тѣ, къ кому относились эти мѣры, не могли равнодушно смотрѣть на все совершавшееся вокругъ нихъ. Сохранился весьма характеристическій документъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ хозяйственно велась монастырская экономія.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., XV, № 11,486 и дополнит. ук. отъ 1-го апрѣля, № 11,498. Въ это время въ монастыряхъ содержалось 1358 отставныхъ офицеровъ и солдатъ, которымъ производилось жалованья въ годъ 12,464 р. и 3,333 четв. хлѣба.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 11, 493 (ук. 4-го апрѣля). При этомъ было подтверждено—объявить о строжайшемъ выполненіи изданнаго закона, чтобы «съ крестьянъ во всѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить, посланныхъ же отъ духовныхъ властей для взысканія—изъ тѣхъ вотчинъ выслать». Дѣйствительно, сенатъ поспѣшилъ обнародовать указъ по этому предмету (указъ 6-го апрѣля, № 11,498).

[3]) По словамъ Штелина, въ проектѣ этого манифеста между другими доводами были приведены и слова Евангелія: «взгляните на птицы небесныя; онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы» и пр. Записки Штелина, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи», 1866, IV, смѣсь, 103. **В. И.**

Актъ этотъ принадлежитъ одному изъ небольшихъ монастырей сѣверо-восточной Россіи, именно Угличскому Николо-улейминскому, и относится ко времени, предшествовавшему указанной коренной реформѣ монастырскаго быта. Такъ, по ревизіи, бывшей въ 1744 году, этому монастырю принадлежали: село Дуброво и село Нефедьево съ деревнями и пустошами; въ нихъ разночинцевъ, крестьянъ и бобылей считалось 1,579 душъ; у монастыря было стоялыхъ мериновъ 25, кобылъ 19, жеребенковъ 8, жеребятъ 4, коровъ 11, телицъ 2, быкъ 1, телятъ 8, овецъ 26, ягнятъ приплодныхъ, ярочекъ и барашковъ 24, козелъ 1. Наличнаго хлѣба было: ржи 463 четв. и 3 четверика, овса 84 четв. и 5 четвериковъ, ячменя 12 четвертей. Слѣдующая же запись монастырскаго казначея (составл. въ 1761 г.) знакомитъ насъ съ подробностями самаго хозяйства. Въ ней читаемъ:

«Копали въ монастырѣ подъ всякой овощь въ монастырскихъ огородахъ гряды, по три дня, по сту человѣкъ на день. При томъ копаніи, для возки навозу, въ одинъ день, подводъ имѣлось двадцать. Огребали въ монастырѣ щепы одинъ день съ подводами 376; орали, подъ яровой хлѣбъ, пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили одинъ день на 376 подводахъ; пахали яровую пашню одинъ день на 752 подводахъ; обирали, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, покосъ пѣшіе одинъ день 376 человѣкъ; возили въ монастырскія поля съ монастырскихъ дворовъ навозъ одинъ день на 752 подводахъ; при нихъ наметывальщиковъ имѣлось одинъ же день 376 человѣкъ; орали подъ паръ монастырскую пашню одинъ день на 752 подводахъ; боронили 376 человѣкъ; косили, въ монастырскихъ поляхъ и пустошахъ, пять дней по 376 человѣкъ на день, пѣшіе; гребцовъ имѣлось по тому же числу на день; метальщиковъ въ стоги съ подводами по 188 на день, да пѣшихъ по тому же числу на день; пахали озимную подъ рожь одинъ день на 376 подводахъ; боронили по тому же числу; жали въ монастырскомъ полѣ рожь пѣшіе одинъ день 1128 чел; жали монастырской же яровой всякой хлѣбъ одинъ день 1128 чел.; возили ржаные и яровые снопы два дни по 376 подводъ на день; молотили монастырскую рожь и ярь по 8 овиновъ на день 60 утръ; а на утро бываетъ молотильщиковъ съ подводами по 16; да пѣшихъ по 80 на день; рубили въ монастырь про монастырскій расходъ капусту 10 дней, по 30 чело-

вѣкъ; варили про монастырскій расходъ квасъ 10 варь, по 4 дни варь, по 4 человѣка на день; варили же про монастырскій расходъ пива 6 варь, по 6 дней варь, по 4 человѣка на день; возили на монастырскій конюшенный и скотный дворъ, въ разныя времена, изъ монастырскаго гумна, ржаную солому въ 12 дней, по 30 подводъ на день; возили изъ монастырскихъ полей и пустошей на конюшенный и скотный дворы сѣна, въ разныя времена, 5 дней, по 376 подводъ на день; свозили съ конюшеннаго и скотнаго дворовъ, съ плоскихъ навѣсовъ, снѣгъ одинъ день, на 376 подводахъ; набивали монастырскіе три погреба снѣгомъ одинъ день, на 376 подводахъ; возили изъ монастырскихъ лѣсовъ на всякія починки бревна, тесъ и слеги, въ разныя числа, по 50 подводъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 подводъ; для всякаго монастырскаго деревяннаго строенія вновь, и старой починки пѣшіе, въ разныя времена, по 30 человѣкъ на день и больше; и того бываетъ въ годъ по 752 человѣкъ; да при томъ строеніи бываетъ для возки изъ костровъ бревенъ, по 10 подводъ на день и больше, и того по 94 подводы въ годъ; и того вышеописанныхъ работниковъ въ 1761 г. во всякихъ монастырскихъ работахъ, въ разныя времена, въ годъ имѣлось съ подводами 11,398, да пѣшихъ 14,540» [1]).

Нельзя не замѣтить, что освобожденіе крестьянъ отъ вотчинной власти духовенства, съ указанными льготами и поземельнымъ надѣломъ, имѣетъ гораздо болѣе права на вниманіе, нежели послѣдовавшее при Екатеринѣ II отобраніе церковныхъ имуществъ, самое назначеніе которыхъ не соотвѣтствовало надлежащей цѣли. Вотъ почему, въ возникшемъ затѣмъ крестьянскомъ движеніи могло сложиться мнѣніе, что секуляризація церковныхъ имуществъ при Петрѣ III была началомъ освобожденія крестьянъ отъ тяжкой зависимости,—мысль, съ которою пришлось уже бороться преемницѣ Петра III, такъ прекрасно разсуждавшей о человѣческихъ правахъ крѣпостнаго крестьянина, какъ «персоны» [2]).

[1]) «Ярослав. Епарх. Вѣдомости» 1864 г., № 3, стр. 27—28.

[2]) См. интересное замѣчаніе Екатерины II (собственноручное) на мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ «коммисіи Уложенія», у Соловьева, XXVII, примѣч. 74. О крестьянскомъ движеніи при Екатеринѣ II—статьи В. И. Семевскаго въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876 и 1877 годовъ.

Вѣрная оцѣнка законодательства Екатерины II относительно крестьянъ сдѣлана И. Д. Бѣляевымъ въ соч. «Крестьяне на Руси», М. 1860, 317—321. **В. И.**

Но если мѣра Петра III могла вызвать величайшій восторгъ у представителя тогдашней европейской публицистики—Вольтера, то она, съ другой стороны, какъ громомъ поразила ту часть духовенства, къ которой непосредственно относилась. Иностранные резиденты, бывшіе тогда въ Петербургѣ, считали необходимымъ сообщить объ этомъ неудовольствіи своимъ правительствамъ; но послѣднее еще усиливалось распоряженіемъ Петра III о привлеченіи къ рекрутской повинности дѣтей священниковъ.[1]), хотя оно было только повтореніемъ постановленій, изданныхъ въ прежнее время. Замѣчательно, что и теперь во главѣ недовольныхъ дѣйствіями правительства, относительно церковныхъ имуществъ, является тотъ же Арсеній; къ нему-то обращаются съ своими заявленіями противники реформы. Мы не будемъ называть эту партію «патріотическою», какъ дѣлаютъ это нѣкоторые писатели по данному вопросу, опирающіеся въ своихъ историческихъ приговорахъ на авторитетъ Стурдзы, а потому обличающіе и г. Соловьева въ недостаткѣ «должнаго освѣщенія фактовъ» [2]). Мы ограничимся только изложеніемъ этихъ послѣднихъ.

Вотъ что писалъ Арсенію, въ іюнѣ 1762 г., московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, также родомъ малороссъ: «Бодрый и великодушный архіерей Божій! Истинный благодѣтель мой! Съ принятія вожделѣннаго вашего письма прошедшаго мая 30-го дня, съ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше преосвященство братскую свою любовь объявляете, не малую я радости возъимѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего преосвященства. Что же касается до упомянутой въ писаніи вашего преосвященства печали, nunc, non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit. И за оную вашего святительства братскую любовь, какъ въ воспоминовеніе меня у престола Божія, такъ и въ прочемъ являемую, благодаря, поклонъ мой и взаимное въ желаніи вашему преосвященству всѣхъ благосчастливыхъ сукцессовъ искренне мое братское свидѣтельствую усердіе, пребывая навсегда

---

[1]) Депеша англійскаго посла Кейта: La cour de la Russie, il y a cent ans, 184.

[2]) Напримѣръ, авторъ статьи объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., книга IV-я (г. Н. И. Барсовъ). В. И.

тимъ (тѣмъ), какъ всеусердный мой изображаетъ каламусъ истинные наружности отъ сердечнаго афекта»... [1]).

Другое письмо того же Тимоѳея къ Арсенію знакомитъ уже съ результатомъ распоряженій Петра III и отношеніемъ къ происшедшей реформѣ самихъ монастырскихъ крестьянъ, которымъ, подъ владычествомъ духовныхъ управителей, какъ видно, жилось не особенно привольно. «Августа 1-го дня принялъ я писаніе вашего преосвященства всепріятно,—пишетъ Тимоѳей.—Въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. Въ (У) насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено, и скотъ по описи весь взятъ. А въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошади, хотя всѣ описаны, однакъ, и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ. Но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ, отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ, невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно наличное расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена. И какія только вообразить можно, подѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да

---

[1]) Переписка Арсенія, захваченная во время его ареста при Екатеринѣ II, хранится въ архивѣ синода (Соловьевъ, XXV, примѣч. 143) при его дѣлѣ и была издана отчасти въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи» (1862), отчасти въ «Днѣ» 1864 г. (№ 39). Вновь она напечатана г. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XV. Латинскія фразы въ письмахъ къ Арсенію были переведены «синодальнымъ переводчикомъ» Григоріемъ Полетикой, переводъ котораго также присоединенъ къ дѣлу. Приведенное здѣсь мѣсто передается такъ: «Нынѣ не токмо вашу святыню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула перемѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ». Противъ этого мѣста рукою митрополита Тимоѳея написано на полѣ: «in patientia nostram servemus animam: pro omni Supremo Regi Regum at Domino Dominantium devote ac magnanimo de flammantibus praecordiis agendae sunt gratiae. Sit de merito digni vivendo pervenimus» (въ переводѣ: «Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу. За все вышнему царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣйно и великодушно благодарить должно. До сего дожили мы по заслугамъ нашимъ»).

Письмо это, помѣченное іюнемъ 1762 года («День», 1864 г., № 39, стр. 8), неправильно отнесено Н. И. Барсовымъ ко времени Екатерины II, такъ какъ, очевидно, оно передаетъ впечатлѣніе, произведенное на высшее духовенство реформою Петра III. **В. И.**

и при Москвѣ въ Черкизовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однако, не одиножды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда»—надежда, безъ сомнѣнія, на близкую перемѣну, которая должна была произойти съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II (письмо отъ 2-го августа 1762 года [1]).

Возникшее, вслѣдствіе распоряженій Петра III, неудовольствіе духовенства должно было усилиться и вслѣдствіе другихъ причинъ. Еще 26-го марта синоду былъ данъ слѣдующій указъ: «Уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія, къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были препровождены въ синодъ челобитныя, по которымъ не состоялось рѣшенія съ 1754 г., несмотря на именные указы по этимъ дѣламъ. Затѣмъ въ томъ же указѣ говорится: «мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ; но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажетея, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить

[1]) На полѣ, въ концѣ этого письма, сдѣлана приписка: «Spes alit aliquando aliter agit. Spes mutat discordia fratrum» (Надежда питаетъ и когда иначе поступаетъ. Надежду перемѣняетъ несогласіе братіи), а къ нему приложена слѣдующая записочка: «Diphtongum, ex duabus vocalibus in unum coalescentem, in varias dividere, discensu suo nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra, in possidendis ruribus calamitate adjuvent propituis (Двогласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на разныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши несогласно живущіе. Всеблагій Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ возвращеніемъ въ наше владѣніе деревень»). В. И.

и не только по симъ двумъ челобитнымъ немедленно рѣшеніе сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшить, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ къ настольнымъ указамъ присовокупить» [1]).

Приведенный актъ былъ только вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, общія черты которой намъ уже извѣстны; но подобный способъ обращенія императора къ духовенству могъ возбуждать новыя опасенія въ средѣ послѣдняго, а между тѣмъ новое правительство далеко не отличалось необходимою въ подобныхъ случаяхъ прочностію. Несмотря на это, дѣятельность правительства въ означенномъ направленіи оставалась неизмѣнною до конца. Она напоминала собою, до извѣстной степени, строгое и послѣдовательное развитіе церковной реформы Петра Великаго. Смѣлыя мысли Духовнаго Регламента въ свое время производили неменьшую сенсацію въ противникахъ реформы, но послѣдующія постановленія Петра I о монашествѣ, сопровождавшіяся неменѣе откровенными заявленіями о его жизни, представляли необходимое дополненіе къ Регламенту; а его распоряженія о церковномъ благочиніи отличались даже весьма рѣзкими замашками. Тѣмъ не менѣе, въ это время синодъ былъ уже такимъ строгимъ исполнителемъ воли преобразователя, что даже сенаторы считали нужнымъ заявить, что отъ раззоренныхъ часовенъ валяется множество крестовъ и главъ, отчего народъ соблазняется, и что крестныхъ ходовъ можно было не запрещать; а если синодальнымъ членамъ нѣтъ времени совершать ихъ, то для этой цѣли можно было опредѣлить свободныхъ лицъ изъ духовенства. Указъ синоду 1724 г. о томъ, чтобы послѣдній озаботился составить краткое изложеніе ученія вѣры, причемъ были бы строго отдѣлены основныя положенія вѣроученія отъ преданій и позднѣйшихъ толкованій, и обращено главное вниманіе

[1]) Этотъ указъ хранится въ государственномъ архивѣ (Соловьевъ, XXV, 80 и примѣч. 63), но въ послѣднее время напечатанъ дважды: сначала въ «Русской Старинѣ», издан. 1872 г. (томъ VI, 567—68), а потомъ у Соловьева (loc. cit.). Въ Полное Собраніе Законовъ, какъ и многіе акты, имѣющіе историческое значеніе (напр. манифестъ Екатерины II, отъ 6 іюля 1762 г., относящійся къ Петру III), онъ не вошелъ. В. И.

на нравственную сторону жизни,—показываетъ, что реформа не должна была ограничиваться однимъ административнымъ порядкомъ. Извѣстно также, что Петръ Великій не побоялся сдѣлать распоряженіе «о собраніи римскаго, лютеранскаго и кальвинскаго катехизисовъ и прочія книгъ церковныхъ дѣйствъ», переводѣ ихъ на славянскій языкъ и напечатаніи для общаго свѣдѣнія. Подобные факты могли подавать надежду и Петру III на осуществленіе его намѣреній; но быстрый крутой поворотъ, замѣченный уже въ первыхъ его дѣйствіяхъ, при склонности самого императора къ протестантизму, долженъ былъ производить иное впечатлѣніе не только на духовенство, но и на ближайшую къ нему среду; тѣмъ болѣе, что его прежнее поведеніе далеко не отличалось необходимою сдержанностью [1]). Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ императора скоро усмотрѣли «намѣреніе перемѣнить совершенно религію»; по словамъ же Болотова, эти дѣйствія наиболѣе возбуждали ропотъ и негодованіе въ народѣ. «Между тѣмъ, —говоритъ Болотовъ,—онъ призвалъ однажды къ себѣ первенствующаго архіерея (новгородскаго) Димитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобы въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было; также чтобы священники обрили бороды и носили платье, какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Димитрій. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія, и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и, хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту» [2]). Поведеніе же императрицы въ это время, по сло-

---

[1]) Говорятъ, что, будучи великимъ княземъ, онъ выражалъ свое нерасположеніе къ духовенству, во время богослуженія, неприличными жестами. Mémoires de la princesse Dachkoff, I, 41.

[2]) Записки Андрея Тимофеевича Болотова, изданная редакціей «Рус. Ст.», II, 171—173.

Вѣроятно, къ указаннымъ выше обстоятельствамъ относится слѣдующая записка Петра III извлеченная А. М. Лазаревскимъ изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго графу А. С. Уварову, конца XVIII в., слѣдующаго содержанія:

В. И.

вамъ другаго очевидца, составляло совершенную противоположность: «Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, предписываемыхъ греческимъ духовенствомъ»—говоритъ Бретейль. «Духовенство и народъ были этимъ очень тронуты. Она строго выполняла праздники, посты, все, къ чему императоръ относился легкомысленно» [1]). Такимъ образомъ, неудовольствіе духовенства противъ императора вскорѣ сообщилось народу. Въ депешѣ къ Фридриху II, отъ 25 мая, Гольцъ, между прочимъ, писалъ: «Духовенство, повергнутое въ отчаяніе указомъ, изданнымъ въ началѣ царствованія, по которому оно лишилось всѣхъ своихъ имѣній, подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, жалуясь въ немъ на насиліе и странныя дѣйствія, причиненныя этимъ указомъ, поступковъ, которыхъ оно не могло ожидать даже отъ варварскаго правительства, а теперь вынуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ печальнѣе, что духовныя лица терпятъ такое насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ, составлена въ самомъ сильномъ тонѣ. Это скорѣе протестъ противъ государя, чѣмъ просьба къ нему. Донесенія, полученныя вчера и третьяго дня, отъ воеводъ отдаленныхъ областей, свидѣтельствуютъ о стараніи духовенства возбудить народъ противъ государя. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія до того усилился, что воеводы не зна-

---

«1) Чтобъ дать волю во всѣхъ законахъ (вѣроисповѣданіяхъ), и какое у кого ни будетъ желаніе, то не совращать.

«2) Принять вообще всѣхъ западныхъ и чтобъ ихъ не имѣли въ поруганіи и проклятіи.

«3) Уреченные посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произвольство.

«4) О грѣсѣ прелюбодѣйномъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ.

«5) Всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто ихъ мое собственное на жалованье дать.

«6) Чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ (мѣропріятіяхъ), и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать».

Въ концѣ замѣчено. «Такое мнѣніе было дано и собственною рукою его подписано и въ синодъ представлено іюня 25 дня 1762 году» («Русскій Архивъ», 1871 г. столбецъ 2055). **В. И.**

[1]) La cour de la Russie, 188. Ср. Записки Дашковой, гл. III.

ютъ, какія мѣры предпринять, и потому требуютъ наставленій отъ правительства». [1]). Есть указаніе, что Арсеній Мацѣевичъ посылалъ отъ себя протестъ противъ распоряженій Петра III, который привелъ будто-бы императора «въ великій азартъ», но рѣшенія по этому дѣлу постановлено не было [2]). По другому же извѣстію, Димитрій Сѣченовъ за свой протестъ былъ удаленъ, однако вскорѣ опять возвращенъ на свое мѣсто, изъ страха передъ народнымъ неудовольствіемъ [3]). Подобные факты не могли быть забыты, когда переворотъ совершился.

V.

Въ приговорѣ новаго правительства прежнему порядку, на первомъ планѣ стояли обвиненія за нарушеніе церковныхъ уставовъ. «Законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона» [4]),—читаемъ въ манифестѣ, составленномъ Тепловымъ по прибытіи Екатерины II въ Петербургъ; а спустя недѣлю былъ объявленъ въ сенатѣ новый обвинительный манифестъ, въ которомъ заявлялось, что Петръ III «коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомянуть, съ подобострастіемъ въ осторожность,—то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду не подлежащаго властителя произойти бы

[1]) Депеши Гольца, извлеченныя изъ государственнаго архива въ Берлинѣ Г. В. Есиповымъ, напечатаны въ прилож. (№ XV) къ соч. П. К. Щебальскаго: «Политическая система Петра III», стр. 58.

[2]) Матеріалы объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи» 1862 г., II, 18. Впрочемъ это извѣстіе, какъ увидимъ ниже, не подтверждается.

[3]) Castéra. Histoire de Cathérine II, t. II, 273.

[4]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,582. **В. И.**

могли. Потомъ началъ помышлять и о раззореніи самыхъ церквей....» [1]) Въ промежуткѣ этихъ двухъ заявленій, Екатерина распорядилась уже, чтобы сенатъ имѣлъ разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить «удовольствіе къ его содержанію». Но духовенство, не дожидаясь какого-нибудь неопредѣленнаго рѣшенія, поспѣшило само подать прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе вотчинъ, а императрица передала это прошеніе (5 іюля) на обсужденіе сената, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представилъ ей по настоящему дѣлу свое мнѣніе. Затѣмъ, 9 іюля 1762 г., Екатерина повелѣла распечатать домовыя церкви, закрытыя въ предшествовавшее царствованіе.

Чтобы оцѣнить впечатлѣніе, произведенное на духовенство первыми дѣйствіями Екатерины, намъ необходимо снова обратиться къ перепискѣ уже извѣстныхъ намъ духовныхъ лицъ. Такъ, узнавъ о перемѣнѣ въ судьбѣ бывшаго Елисаветинскаго канцлера, графа А. П. Бестужева-Рюмина, призваннаго къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, Арсеній Мацѣевичъ поспѣшилъ (12 іюля) написать ему о дѣлѣ, столь интересовавшемъ духовную іерархію «Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высокографское сіятельство просьбою,—пишетъ онъ,—однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобраніемъ нынѣ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ, приходится съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ, въ самомъ домѣ архіерейскомъ, не держанъ, кромѣ какъ только на пищу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода ростовскій тотчасъ по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ, и скотъ, и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія, и не токмо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому—всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Всепокорно прошу показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараньемъ вашимъ возвращены вотчины были по-прежнему. Лошадей хотя малое

[1]) Собраніе манифестовъ и указовъ Екатерины II 1762—1763 гг., изд. при Сенатѣ, въ 1764 г. весьма рѣдкое изданіе. (Есть экз. у М. И. Семевскаго). В. И.

число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, всѣ, съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегіи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены, только жаль того, что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высоко-монаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано».

Но и въ этомъ случаѣ сказалось больное мѣсто Арсенія, неразъ боровшагося противъ воеводъ въ Сибири и не ладившаго съ ними въ Ростовѣ. Обращаясь съ такимъ важнымъ ходатайствомъ къ Бестужеву, онъ спѣшилъ принести при этомъ и свою личную просьбу: «Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасьевъ: не возможно-ли постараться его отсюда перемѣнить» [1]).

И переписка между русскими іерархами за это время, какъ видно, оживилась. Почти одновременно съ этимъ письмомъ Арсеній успѣлъ уже получить письмо отъ своего друга Крутицкаго (бывшаго Переяславскаго) архіепископа Амвросія (отъ 15 іюля 1762 г.), слѣдующаго содержанія: «За отеческое ваше писаніе много благодарствую, отъ усердія моего поздравляю общею радостью со вступленіемъ ея величества на всероссійскій престолъ. Слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили, а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать, а паче въ богоугодныхъ своихъ къ Богу молитвахъ о томъ напомянуть, которымъ и самого себя препоручаю» [2]). Письмо митрополита Тимоѳея, съ выраженіемъ надежды на скорую перемѣну въ ихъ общемъ дѣлѣ, намъ уже извѣстно. Такъ какъ въ сентябрѣ должна была совершиться коронація Екатерины въ Москвѣ, то этимъ объясняется и назначенный Амвросіемъ терминъ съ приглашеніемъ Арсенія принять участіе въ общемъ

---

[1]) Въ государственномъ архивѣ. Напечатано въ «Днѣ» 1862 г., № 16, стр. 3, статья Соловьева, и въ Исторіи Россіи, XXV, 146—147.

[2]) «День», 1864 г., № 39, стр. 8, сообщ. Н—въ. **В. И.**

совѣщаніи. Пока же представители іерархіи не замедлили открыто заявить свое сочувствіе вступленію Екатерины II на престолъ. Димитрій Сѣченовъ, первенствующій членъ синода, приглашалъ ее возсѣсть на престолъ предковъ, какъ «защитницу отечества и благочестія». «...Видѣла,—говорилъ онъ далѣе,—матерь свою—св. церковь бѣдствующую и озлобляемую, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавить; не допустила отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горесть и воздыханіе; не дала Россіи быть отъ супостатовъ въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе». По его словамъ, одно сожалѣніе о страждущихъ церкви и отечествѣ побудило Екатерину на такой подвигъ; и на медаляхъ, выбитыхъ въ честь этого торжества, были сдѣланы изображенія, символически представлявшія избавленіе «православія и отечества» отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій съ многозначительною надписью: «За спасеніе вѣры и отечества» [1]).

Екатерина платила духовенству тою же монетою. Сохранилась весьма интересная записка ея (за время пребыванія въ Москвѣ) къ секретарю Елагину о недозволеніи на придворной сценѣ представленій языческаго характера, какъ противныхъ христіанской нравственности. «Россія,—пишетъ она,—бывъ просвѣщена святымъ крещеніемъ, тому слишкомъ 1000 лѣтъ назадъ (sic), не можетъ въ XVIII вѣкѣ приносить, и то еще въ домѣ ея благочестивыя императрицы, жертвы богамъ римской республики, которыхъ она не знала, бывъ погружена и въ идолопоклонничество. Я, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно. И того ради я желаю, чтобы прологъ весь («непостижимость судьбы») былъ оставленъ» [2]). Такой отзывъ императрицы о языческихъ представленіяхъ, съ юныхъ лѣтъ воспитывавшейся на Вольтерѣ, получаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Дѣйствительно, когда, вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины, разсматривалось въ сенатѣ дѣло о допущеніи въ Россію евреевъ, и всѣ

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 157—160.

[2]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 156. В. И.

сенаторы были согласны на это, за исключеніемъ князя Одоевскаго, напомнившаго императрицѣ резолюцію императрицы Елисаветы («отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли»), то Екатерина, какъ она сама разсказываетъ, «затруднилась, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, изъявить свое согласіе», а распорядилась отложить самое дѣло [1]). «Надо замѣтить,—пишетъ она,—что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія, и которое, вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры, не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ—вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить его вреднымъ—было тоже невозможно... Такъ-то не рѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ» [2]). Точно также, спустя нѣкоторое время (6-го сентября 1763), она обратила вниманіе на появленіе въ обществѣ соблазнительныхъ книгъ. «Слышно,—писала она,—что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ, Эмиль Руссо, Меморіи Петра III, письма жидовскія по французскому и много подобныхъ», и, подъ страхомъ конфискаціи ихъ, она запретила продажу подобныхъ книгъ, причемъ поручила цензуру книгъ, выписываемыхъ изъ-за границы, академіи наукъ и московскому университету [3]).

---

[1]) Полное Собраніе Зак., т. XI, № 8,840. Первое дозволеніе евреямъ селиться въ Россіи и притомъ только въ Новорос. краѣ—было дано 16-го ноября 1769 г. (П. С. Зак., № 13,383).

[2]) «Рус. Архивъ», 1865 г. Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи, стр. 492—494.

[3]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 318. **В. И.**

Но, при вступленіи на престолъ Екатерины II, ея политическіе идеалы уже вполнѣ сложились. Вотъ что писала она въ одной изъ своихъ записокъ, относящейся еще къ предшествовавшему времени: «Не слѣдуетъ дѣлать ничего безъ правилъ и разума, ни руководить себя предразсудками; уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліяніе на государственныя дѣла; изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ, и извлекать, по возможности, пользу изъ всякаго положенія для блага общественнаго—это есть основаніе китайской имперіи, самой прочной изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ» [1]). «Я часто читала,—говоритъ она далѣе,—что прежде въ католическихъ странахъ многіе изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами». Но та школа, которую ей пришлось пройти при дворѣ Елисаветы Петровны, пріучила Екатерину къ извѣстной сдержанности въ отношеніяхъ, которой она охотно подчинялась вопреки собственнымъ желаніямъ. Разсудочное направленіе ума Екатерины какъ нельзя болѣе гармонировало съ этою необходимостью примѣняться къ данному положенію вещей и сдерживало слишкомъ смѣлые порывы ея фантазіи. «Счастливъ тотъ,—замѣчаетъ она въ той же запискѣ,—кто не допускаетъ себя увлечь въ этомъ вихрѣ». Она рано привыкла не довѣряться людямъ и въ то же время поддерживать въ нихъ увѣренность въ ея расположеніи. «Поздравляю себя съ рождающеюся милостью ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться, несмотря на увѣренія и подарки, которые будутъ мнѣ дѣлать. Однако, это не должно мнѣ мѣшать дѣйствовать такъ, какъ будто я считала эту милость за дѣйствительную.... Я слишкомъ молода, чтобы сдѣлаться любимицею, но я должна дѣлать такъ, какъ будто думаю быть таковою». Свой политическій идеалъ она охарактеризовала въ тѣхъ же наброскахъ слѣдующимъ образомъ: «Снисходительность, примирительный духъ властителя сдѣлаютъ болѣе,

---

[1]) Ссылка на политич. исторію Бальфельда, т. II, гл. 15, стр. 311. «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 97—98. **В. И.**

чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ» [1]). Между тѣмъ какъ Петръ III, даже во время погребенія императрицы Елисаветы, не могъ сдержать своего обычнаго настроенія духа, Екатерина обращала на себя общее вниманіе строгимъ выполненіемъ установленнаго ритуала, а мы видѣли уже, какъ строго соблюдала она предписанія церкви. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, она писала уже г-жѣ Жоффренъ: «Въ молодости я также по временамъ предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. е. при Елисаветѣ), нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду (не думайте, однако, что я была въ числѣ этихъ послѣднихъ: я никогда не лицемѣрила и ненавижу этотъ порокъ). Теперь богомоленъ только тотъ, кто хочетъ быть богомольнымъ; никому не мѣшаютъ дѣйствовать какъ угодно» (отъ 15-го января 1766 г.) [2]).

Такимъ образомъ понятія о власти уже вполнѣ созрѣли у Екатерины задолго до того, когда ей пришлось самой властвовать... По вступленіи на престолъ, она величала себя, въ письмахъ къ Вольтеру, «главою греческой церкви», которой духовная власть должна подчиниться безусловно. Этотъ взглядъ вполнѣ гармонировалъ съ философскими воззрѣніями XVIII вѣка, проповѣдывавшаго просвѣщенный деспотизмъ тамъ, гдѣ возникала борьба съ церковью и средневѣковыми преданіями. Съ другой стороны, развязка вопроса о монастырскихъ имуществахъ при Екатеринѣ II лучше всего показываетъ, какъ далека была она отъ того рѣшенія этого вопроса, на какое надѣялось духовенство по отреченіи отъ престола Петра III, и что рѣшеніе его въ смыслѣ, предпринятомъ послѣднимъ, было вполнѣ въ духѣ времени. Мало этого: на самый протестъ по этому вопросу Екатерина посмотрѣла не иначе, какъ на противодѣйствіе свѣтской

---

[1]) «Сборникъ русскаго историч. общества», VII, 98—101.
[2]) Ibid., I, письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ, 282.

В. И.

власти, и въ такомъ именно смыслѣ старалась объяснить, черезъ оракуловъ общественнаго мнѣнія Западной Европы, суровость собственнаго приговора надъ виновникомъ возникшей борьбы.

Мы видѣли, какъ отнеслась Екатерина къ просьбѣ духовенства о возвращеніи церковныхъ имѣній; а 16-го іюля 1762 г. сенатъ представилъ уже докладъ по этому дѣлу. Въ докладѣ предлагалось: 1) имѣнія духовенству возвратить; 2) собирать со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, по рублю, причемъ 50 коп. должны идти въ казну, на содержаніе инвалидовъ, и 50 к. въ пользу архіереевъ, монастырей и т. п.; 3) управленіе крестьянами ввѣрить не монастырскимъ служкамъ, а выборнымъ или старостамъ. Затѣмъ, сенатъ имѣлъ общую конференцію съ синодомъ, въ которой архіереи объявили, что они довольны первымъ пунктомъ и согласны относительно третьяго; но противъ втораго нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Аѳанасій, епископъ тверской—сдѣлали замѣчаніе, что налогъ на крестьянъ будетъ тягостенъ, а сборъ 50 к. на монастыри и семинаріи недостаточенъ. Онъ предлагалъ возвратиться къ рѣшенію синода, состоявшемуся при Елисаветѣ, т. е. чтобы духовенство вносило ежегодно въ казну по 300,000 р., а сборъ на архіереевъ и монастыри былъ предоставленъ ихъ собственному усмотрѣнію. Съ этимъ мнѣніемъ согласились Гедеонъ псковской и Веніаминъ петербургскій, но Палладій рязанскій и Димитрій новгородскій (Сѣченовъ) присоединились къ мнѣнію сената. При этомъ послѣдній предложилъ учредить коммисію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая составила бы штаты для монастырей, архіерейскихъ домовъ и семинарій [1]).

Такимъ образомъ дѣло о церковныхъ имуществахъ снова затянулось, духовенство оставалось безъ опредѣленнаго содержанія, обреченное на невѣрныя надежды, а правительство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе, которое ясно видно изъ слѣдующей записки Екатерины къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину: «Прошу васъ,—писала она,—приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммисію

---

[1]) Журналы сената, въ Ист. Рос., соч. Соловьева, XXV, 148.
В. И.

ли учинить нынѣ, не отдавая деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммисію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобы они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтами [1])». Слѣдовательно, не напрасно обращался къ Бестужеву и самъ Арсеній, такъ какъ эти совѣты клонились въ пользу послѣдняго мнѣнія. Спустя четыре дня (12-го августа), уже состоялся именной указъ о возвращеніи движимыхъ и недвижимыхъ имѣній духовенству, объ устраненіи отъ завѣдыванія ими коллегіи экономіи и удаленіи изъ церковныхъ вотчинъ, посланныхъ для управленія офицеровъ. Интересны нѣкоторыя подробности этого указа:

«Прилагая матернее наше стараніе о учрежденіяхъ и дѣлахъ, до благополучія имперіи нашей касающихся,—читаемъ въ немъ,—равномѣрно оное прилагаемъ и объ отрѣшеніи нововведенныхъ въ бывшее предъ симъ правленіе непорядковъ и неполезныхъ установленій; изъ числа тѣхъ почитаемъ мы отнятіе изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что оное учинено безъ всякаго предъидущаго порядка и разсмотрѣнія: кажется надобность состояла именно въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано». Но тотъ же указъ соединяетъ владѣніе вотчинами съ обязательнымъ для духовенства употребленіемъ церковныхъ богатствъ на школы, благотворительныя учрежденія и другія общественныя потребности. Даже самую мысль объ отобраніи имуществъ онъ связываетъ съ существовавшими злоупотребленіями. «Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присваивать себѣ церковныя имѣнія,—читаемъ далѣе,—но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію и пользу отечества. И для того намѣрены мы въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата сходственно съ узаконеніями церковными, которымъ слѣдовалъ дѣдъ нашъ,

---

[1]) «Сборникъ рус. истор. общ.», VII, 135, и «День» 1862, № 16, стр. 3.
В. И.

императоръ Петръ Великій, учредя на то особенную изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ коммисію». Въ то-же время синоду и сенату повелѣвалось всѣ имѣнія отдать снова въ управленіе духовенства, распечатать опечатанные при Петрѣ III деньги и хлѣбъ; уничтожить коллегію экономіи, учрежденную для управленія имѣніями; возстановить прежній сборъ въ пользу духовенства; удалить изъ вотчинъ недавно посланныхъ офицеровъ и возвратить духовенству право распоряжаться вотчинными доходами, согласно съ Регламентомъ и указами, соблюдая однако и отчетность въ расходахъ. Что же касается крестьянъ, то имъ предписывалось повиноваться духовнымъ властямъ и нести установленныя подати, а въ случаѣ ихъ сопротивленія, сенату поручалось смирять ихъ, на основаніи существующихъ гражданскихъ законовъ [1]).

Ясно, что въ этомъ указѣ заявлялось опредѣленное намѣреніе навсегда отказаться отъ опасной попытки Петра III, и возстановлялись, въ нѣсколько смягченной формѣ, порядки временъ Петра Великаго, а монастырскимъ крестьянамъ, какъ это было сдѣлано и относительно помѣщичьихъ, также опредѣленно заявлялось намѣреніе преслѣдовать всякое сопротивленіе существующему порядку. Такое заявленіе казалось тѣмъ необходимѣе, что въ то время уже обнаружилось движеніе въ средѣ крестьянъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ и ожидавшихъ полнаго освобожденія [2]). Замѣчательно, однако, что въ царствованіе Петра III волненія происходили собственно между помѣщичьими и фабричными крестьянами, а не церковными [3]), а изъ дальнѣйшихъ распоряженій Екатерины II (указъ 8-го января 1763 г.) можно видѣть, что указъ 12-го августа послужилъ именно поводомъ къ безпорядкамъ и въ средѣ церковныхъ крестьянъ [4]). Такъ, 12-го декабря 1762 г., сенатъ читалъ уже, въ присутствіи императрицы, донесеніе, что 8,539 душъ крестьянъ не дали подписки въ томъ, что они будутъ повиноваться монастырскимъ властямъ; а въ од-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,643.
[2]) «Сбор. рус. истор. общ.», VII, 188—196.
[3]) Соловьевъ, XXV, 22—24.
[4]) Полн. Собр. Законовъ, XVI, № 11,730. В. И.

ной изъ своихъ записокъ Екатерина прямо говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 чел., помѣщичьихъ же и монастырскихъ до 150,000 [1]), причемъ изъ этого числа болѣе 100,000 приходилось на долю послѣднихъ [2]). Монастырскіе крестьяне отказывались отъ уплаты рублеваго оброка и работы—и оказывали полное сопротивленіе властямъ, вслѣдствіе чего правительство должно было напомнить первымъ о повиновеніи, а послѣднимъ внушить, чтобы они крестьянъ своихъ держали въ надлежащемъ порядкѣ и послушаніи, не взыскивая съ нихъ ничего лишняго и не принуждая ихъ ни къ какимъ работамъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ для экономіи [3]).

Переѣздъ двора въ Москву (1-го сентября 1762 г.) и послѣдовавшее затѣмъ торжество коронаціи отдалили на нѣкоторое время дѣйствія коммисіи по устройству церковныхъ имуществъ; но зато волненія крестьянъ вызвали, съ одной стороны, необходимость смягченія въ прежнихъ распоряженіяхъ, а съ другой, несомнѣнно повліяли на мнѣнія самой коммисіи, такъ какъ въ то же время относительно заводскихъ крестьянъ былъ поставленъ уже вопросъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными людьми [4]). И сама Екатерина, въ одной изъ своихъ записокъ, говоритъ, что, вслѣдствіе учрежденія коллегіи экономіи, въ вѣдѣніе которой были снова переданы монастырскіе крестьяне,—«непослушаніе ихъ однимъ разомъ пресѣклось» [5]); а въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 11-го августа 1765 г.,

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 171 и «Сенатъ въ началѣ царствованія Екатерины II», «Древн. и Нов. Рос». 1875 г., тетрадь первая.

[2]) «Русская Старина», томъ XIV, 587. Письмо Екатерины къ Вольтеру.

[3]) П. Собр. Законовъ, т. XVI, № 11, 730. На основаніи указа 8-го января, нѣкоторые полагали, что «духовенству не быть въ покоѣ». Заслуживаетъ при этомъ вниманія, отношеніе къ церковному вопросу дворянства. По словамъ одного корреспондента Арсенія, «дворянство необузданное забыло, что умереть а помнить, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству». Письмо Ярославцева. «Рус. Старина», 1876, томъ XV, 730.

[4]) «Сборн. рус. истор. общ.», VIII. Инструкція Екатерины II князю Вяземскому, 188—195.

Впрочемъ, еще 29-го марта 1762 г., послѣдовалъ указъ, чтобы «къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться вольнонаемными по паспортамъ за договорную плату людьми». № 11,490.

[5]) «Русскій Архивъ» 1865 г., 485. В. И.

она писала: «люди, подвластные церкви, страдая нерѣдко отъ жестокихъ притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ, возмутились въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 г., выполнила планъ—совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія» [1]).

Только въ концѣ ноября (29-го) 1762 г. состоялось учрежденіе коммисіи, которая должна была находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы. Членами ея были назначены: новгородскій митрополитъ Димитрій, с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ, переяславскій епископъ Сильвестръ; графъ Иванъ Воронцовъ, князь Александръ Куракинъ, князь Сергѣй Гагаринъ, оберъ-прокуроръ св. синода—князь Алексѣй Козловскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Тепловъ. Въ руководство ей были даны: Духовный Регламентъ и указы Петра Великаго, «такъ какъ ничего лучшаго уже опредѣлить намъ не возможно», говоритъ Екатерина въ своей инструкціи. Коммисія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ, и 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ [2]). Ближайшими совѣтниками императрицы въ этомъ дѣлѣ были: тотъ же графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому и она, и противники реформы, прибѣгали за содѣйствіемъ, и князь Я. П. Шаховской, елисаветинскій оберъ-прокуроръ синода, который несмотря на все покровительство Елисаветы духовенству, неразъ вступалъ въ неравную борьбу съ членами синода за права свѣтской власти. Теперь ему поручено было заняться разработкою столь труднаго дѣла. И вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: «хотя и похвалюся, но ей! по истинѣ, что еще не было тогда на театрѣ въ услугахъ недавно вступившей на престолъ нашей монархини кромѣ

---

[1]) «Русская Старина», томъ XIV, 587 и «Oeuvres de Voltaire», édition Berochot, t. LXII, p. 411.

[2]) Полн. Собр. Закон., XVI, № 11,716. **В. И.**

меня, ни знатока, ни старателя, о представленіи съ доказательствами къ полезному учрежденію онаго о церковныхъ имѣніяхъ, долголѣтно тянувшагося и отъ многихъ происковъ запутаннаго дѣла». Онъ заявляетъ, что манифестъ о монастырскихъ вотчинахъ составленъ на основаніи его бумагъ, «и тотъ-то есть началомъ тѣхъ съ духовныхъ вотчинъ въ государственную сумму доходовъ, которыхъ, за расходами на духовныхъ персонъ и на продовольствіе нѣсколькихъ тысячъ инвалидныхъ офицеровъ и солдатъ, каковымъ прежде дачъ не бывало, еще на государственные расходы болѣе милліона въ казну каждый годъ нынѣ приходитъ» [1]).

Въ новомъ актѣ правительства была уже высказана мысль, что возвращеніе имуществъ духовенству было допущено на время, пока «составляется къ лучшему успѣху новое и болѣе полезное узаконеніе». Сославшись далѣе на права самодержавной власти, Екатерина говоритъ, что на ней поэтому лежитъ обязанность заботиться о дѣлахъ церкви, «чтобы совѣсть наша не отягчена была сокрушеніемъ, когда мы, видя нестроеніе, оставимъ оное безъ исправленія». Такъ, еще со времени Петра Великаго, правительство хлопочетъ о заведеніи школъ для духовенства и народа, но до сихъ поръ, спустя 40 лѣтъ, и народъ, и духовенство, остаются въ прежнемъ невѣжествѣ. Церковное имущество тогда только употребляется цѣлесообразно, когда оно идетъ на строеніе церквей, содержаніе духовенства, устройство благотворительныхъ заведеній, но какой великій соблазнъ бываетъ, если оно расточается на временныя житейскія попеченія, вопреки своему назначенію. Здѣсь императрица снова выражаетъ намѣреніе слѣдовать Регламенту и указамъ Петра Великаго, и требуетъ привести свѣдѣнія объ имуществахъ въ надлежащій порядокъ. На этомъ основаніи, коммисія должна была прежде всего: 1) составить подробныя описи всѣмъ вотчиннымъ имѣніямъ и крестьянамъ церковныхъ учрежденій; 2) собрать свѣдѣнія о степени плодородія ихъ земель, ихъ разстояніи отъ большихъ городовъ и портовыхъ рѣкъ, объ ихъ удобствахъ въ хозяйственномъ отношеніи; 3) составить при-

[1]) Записки князя Я. П. Шаховскаго, изданныя ред. «Русской Старины», стр. 192—194. В. И.

мѣрную форму для инструкціи вотчиннымъ управителямъ; 4) по составленіи описей, положить каждую деревню, сообразно съ ея условіями, на оброкъ или на земледѣліе; 5) по опредѣленіи денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ церковныхъ учрежденій, составить для всѣхъ ихъ такіе штаты, чтобы содержаніе ихъ было беззазорное и безсоблазненное, и представить штаты на высочайшее утвержденіе. Далѣе, коммисіи поручалось составить проекты содержанія церквей, духовныхъ училищъ, число которыхъ предполагалось увеличить,—благотворительныхъ заведеній и пенсій, соединенныхъ съ орденами. Завѣдываніе церковными доходами предполагалось снова поручить духовной экономической коллегіи, подъ дирекціею двухъ или трехъ знатныхъ особъ. Повторивъ наконецъ желаніе, чтобы церковное имущество употреблялось на пользу благочестія и народа, императрица прибавляетъ: «ибо мы собственной въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божію, служить стараемся» [1]).

Но, хотя правительство ставило для коммисіи въ образецъ порядки Петра Великаго, оно допускало и другой исходъ въ рѣшеніи этого вопроса; такъ, въ той же инструкціи мы читаемъ, что коммисіи предоставляется «власть или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучше еще и благоугоднѣйше къ пользѣ народной придумать». Очевидно Екатерина находилась въ данномъ случаѣ межъ двухъ огней, будучи вынуждена, съ одной стороны, удовлетворить настояніямъ духовенства, а съ другой, принимать въ разсчетъ волненіе крестьянъ, недовольныхъ духовнымъ управленіемъ. Поэтому она должна была осторожно идти къ той цѣли, которая такъ ясно представлялась ей съ философской и политической точки зрѣнія; считая же церковныя имущества государственными, она должна была и защиту ихъ, въ интересахъ духовной іерархіи, представлять не иначе, какъ стремленіемъ къ опасному двоевластію. Впрочемъ, въ тогдашнемъ синодѣ она не могла опасаться серьезной оппозиціи. Правда, составъ высшей іерархіи при Екатеринѣ напоминалъ еще, до извѣстной степени, прежнее время. Въ интересахъ улучшенія церковной администра-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, XVI, № 11,716. В. И.

ціи, Петръ Великій сталъ вызывать на высшія іерархическія мѣста людей, воспитывавшихся въ южно-русскихъ школахъ и кіевской академіи; но, за исключеніемъ Ѳеофана Прокоповича, эти іерархи, начиная съ самого блюстителя патріаршаго престола, далеко не оправдали надеждъ Петра. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе традиціи и взаимнаго покровительства, число ихъ въ русской церкви значительно возросло; а расположеніе къ нимъ Елисаветы Петровны, вслѣдствіе ея личныхъ симпатій къ малорусскому элементу, дало имъ господствующее значеніе въ церковномъ управленіи, такъ что даже понадобился особый указъ, разрѣшавшій представлять на высшія духовныя должности и великороссовъ [1]). Вслѣдствіе этого, при вступленіи Екатерины II на престолъ, синодъ представлялъ еще смѣшанное собраніе. Во главѣ его стоялъ Димитрій Сѣченовъ, воспротивившійся, было, при Петрѣ III секуляризаціи церковныхъ имуществъ и чуть не лишившійся за то своего мѣста. Послѣ этого онъ смѣло поддерживалъ права Екатерины на престолъ, удостоился отъ нея послѣ коронаціи званія митрополита и 1000 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ самолюбіе этого іерарха было польщено, и онъ, отъ сихъ поръ, является лицомъ вполнѣ преданнымъ Екатеринѣ. Нѣсколько позже, въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, Екатерина неразъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, заставляя преклоняться предъ нимъ и такого противника духовной іерархіи, какимъ былъ фернейскій философъ. «Димитрій митрополитъ новгородскій,—пишетъ она,—не гонитель и не фанатикъ [2]). Въ предписаніяхъ Алексѣя нѣтъ ни одного правила, которому бы онъ не вѣрилъ, котораго бы не призналъ и не сталъ проповѣдывать, еслибъ было полезно и нужно: онъ совершенно отвергаетъ предположеніе двухъ властей. Нѣсколько разъ подавалъ онъ мнѣ примѣры, о которыхъ я могла бы сказать вамъ, и если-

---

[1]) «Чтенія Моск. Общества исторіи», 1861 г., кн. III.

Интересный примѣръ борьбы между великорусскимъ и малорусскимъ элементами въ это время, даже въ средѣ братіи Троицкой лавры, представляетъ случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Снегирева, «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 534—536.

[2]) Мы знаемъ однако дѣйствія Д. Сѣченова въ нижегородской епархіи.

В. И.

бы не боялась наскучить, то написала бы ихъ на особомъ листкѣ. Недавно эта духовная особа доказала еще чувства свои, которыя вамъ извѣстны. Нѣкто перевелъ книгу и принесъ къ нему; архіепископъ совѣтовалъ не выпускать ее, потому что она содержитъ правила, утверждающія двѣ власти» [1]). Затѣмъ идутъ люди, также вышедшіе изъ великорусскихъ училищъ, какъ: Гедеонъ Криновскій (епископъ псковской), Гавріилъ Кременецкій, переведенный Екатериною изъ Казани въ Петербургъ, на мѣсто Веніамина Пуцекъ-Григоровича, учившагося въ Кіевѣ [2]). Прочіе члены, какъ Крутицкій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, хорошо извѣстный намъ по своимъ отношеніямъ къ Арсенію; московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, родомъ малороссъ, человѣкъ престарѣлый, даже невполнѣ усвоившій русскій языкъ, и тверской епископъ Аѳанасій Вальховскій (родомъ изъ Полтавы), заявившій, было, въ конференціи голосъ въ защиту правъ духовенства,—были люди неопасные, какъ и членъ синода, ахимандритъ Мисаилъ [3]). Но ученые великороссы усердно выдвигаютъ теперь впередъ своихъ учениковъ и сторонниковъ, каковы: Иннокентій Нечаевъ, Гавріилъ Петровъ, Платонъ Левшинъ, которыхъ Екатерина ставитъ въ примѣръ просвѣщенныхъ іерарховъ въ своемъ возраженіи на книгу аббата Шаппа [4]).

Нѣкоторые изъ членовъ іерархіи (Тимоѳей, Амвросій, Сильвестръ) не сочувствовали лично предпринятой реформѣ, выска-

---

[1]) Письма къ Вольтеру, стр. 13—24.

[2]) Гедеонъ любилъ пожить въ свое удовольствіе. Будучи еще архимандритомъ Троицкой лавры, онъ прославился своею роскошью: его гардеробъ съ шелковыми и бархатными рясами занималъ цѣлую комнату; онъ носилъ шелковые чулки и башмаки, брилліантовыя пряжки которыхъ стоили до 10,000 р. О немъ говорили: Гедеонъ нажилъ милліонъ. Однажды, во время прогулки, онъ нарочно столкнулъ въ воду извѣстнаго Платона, тогда еще молодаго архимандрита, а потомъ отдарилъ его двумя лучшими рясами, причемъ далъ ему такой совѣтъ «никогда не сердись, когда шутятъ съ тобою начальникъ для испытанія твоего характера». Снегиревъ, «Р. Арх.» 1866 г., 536—537. Находясь при дворѣ, въ качествѣ проповѣдника, Гедеонъ вполнѣ сжился съ этою сферою. См. Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Екатерины II, «Правосл. Собѣсѣд.» 1875 г., № 2.

[3]) Знаменскій, ibid., № 2, стр. 133. Ср. 106—121.

[4]) Антидотъ Екатерины II, въ сборникѣ «XVIII-й вѣкъ», т. IV, 332.

В. И.

зывали свои жалобы въ перепискѣ, наконецъ заявляли другъ другу о необходимости противодѣйствовать всякому посягательству на ихъ права; но открыто дѣйствовать они не рѣшались. Несмотря однако на такое отсутствіе личной иниціативы въ средѣ членовъ іерархіи и опасность въ веденіи этого дѣла, которую сознавали и правительство, и духовенство,—нашлось лицо, которое рѣшилось поднять свой голосъ въ защиту правъ церкви и открыто поставить вопросъ о ихъ неприкосновенности, опираясь притомъ въ своей защитѣ на прерогативы и значеніе духовной власти.

То былъ Арсеній Мацѣевичъ.

Г. Кіевъ. В. С. Иконниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

VI [1]).

Программа, данная коммисіи о церковныхъ имуществахъ, не могла удовлетворить той партіи въ духовной іерархіи, которая ждала безповоротнаго закрѣпленія имуществъ за духовенствомъ и монастырями. Но мы знаемъ уже, что Арсеній выступалъ однажды ходатаемъ за это дѣло передъ сильнымъ Бестужевымъ, и на него возлагали свои надежды защитники имущественныхъ правъ церкви. Они звали его въ Москву, чтобы онъ принялъ тамъ участіе въ разрѣшеніи столь важнаго для церкви вопроса. Но ихъ ожиданія не сбылись. Арсеній не былъ вызванъ туда, а это еще болѣе раздосадовало его. До насъ дошла его переписка съ директоромъ одного присутственнаго мѣста въ Москвѣ, Ярославцевымъ, происходившая въ январѣ и февралѣ 1763 г., въ которой, въ числѣ разныхъ слуховъ и новостей (и болѣе всего о герцогѣ Биронѣ и его дѣйствіяхъ въ Москвѣ, съ которымъ Арсеній сблизился во время пребыванія послѣдняго въ Ярославлѣ, и теперь получалъ отъ него даже поклоны), встрѣчаются намеки на отношенія къ Арсенію нѣкоторыхъ членовъ синода. Арсеній, по этому поводу, писалъ Ярославцеву: «По какой причинѣ искали моей присяги, нынѣ отчасти открылося: надѣялись, что я во время коронаціи въ Москвѣ буду, и хотѣли въ синодъ до присутствія не допустить [2]). И такъ-то потому явилось ихъ ко мнѣ

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34, 577—608.

[2]) Арсеній продолжалъ считаться синодальнымъ членомъ. В. И.

довольное доброхотство». На это Ярославцевъ отвѣчалъ: «Сколько времени злоба торжествовала! И мнѣ бы не прилично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довлѣетъ. Развѣ кому мѣста жаль, тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхали (т. е. Арсеній, въ Москву). Богъ съ ними!» Затѣмъ вниманіе ихъ обоихъ сосредоточивается на отправкѣ изъ Москвы, въ Ростовъ, серебряной раки для мощей Димитрія Ростовскаго, причемъ Ярославцевъ сообщалъ, какъ слухъ, что дѣлаются уже необходимыя приготовленія къ поѣздкѣ императрицы въ Ростовъ предстоящимъ постомъ; но Арсеній сомнѣвался въ этомъ. «Что касается о прибытіи въ Ростовъ ея величества,—писалъ онъ,—то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперь въ постъ и неизвѣстно, и ненадежно». Между тѣмъ Екатерина сама осматривала раку, и рѣшила отправиться въ Ростовъ (письмо 6-го февраля 1763) [1]. Рѣшеніе ея вполнѣ понятно по тому значенію, какимъ пользовался въ народѣ Димитрій Ростовскій, а торжество, устроенное въ честь его, давало Екатеринѣ возможность снова выказать свое благочестіе, въ противоположность недавно павшему правительству. Такимъ образомъ, волею-неволею Екатеринѣ предстояло теперь встрѣтиться съ самимъ Арсеніемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она прекрасно знала о поступкахъ послѣдняго въ царствованіе Елисаветы Петровны; но ей также была извѣстна и недавняя попытка Арсенія—оказать свое вліяніе на рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имуществахъ черезъ Бестужева-Рюмина. Такъ, немного спустя, Бестужевъ долженъ былъ объясняться передъ императрицею по поводу своихъ хлопотъ объ Арсеніѣ, и при этомъ онъ заявлялъ Екатеринѣ, что «прежде за ростовскаго архіерея никогда не заступалъ, но паче присланную отъ него въ С.-Петербургъ цедулку представилъ съ своимъ примѣчаніемъ» [2]; а отсюда становится понятнымъ, почему такъ интересовались теперь извѣстною присягою Арсенія, въ разъисканіи которой онъ напрасно подозрѣвалъ однихъ членовъ синода. Къ этому присое-

---

[1]) Переписка Арсенія съ Ярославцевымъ, въ «Днѣ» 1864 г., № 39.

[2]) Сообщено С. М. Соловьевымъ въ «День» 1862, № 16, и перепеч. въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1862, III, 191.

В. И.

динилась поѣздка въ Москву, въ январѣ 1763 г., ярославскаго воеводы Протасьева [1]), такъ ревностно принявшагося, было, за опись церковныхъ имуществъ въ ростовской епархіи, и объ удаленіи котораго ходатайствовалъ Арсеній у Бестужева. Вотъ источникъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ Арсеніѣ, какія могла получить Екатерина.

Но вскорѣ затѣмъ произошли событія, вполнѣ подтвердившія опасенія послѣдней. Рядъ новыхъ постановленій, вызванныхъ дѣятельностью коммисіи, могъ убѣдить, что право пользованія церковными имѣніями будетъ значительно ограничено, и самый вопросъ рѣшится далеко не въ томъ смыслѣ, какъ ожидало духовенство [2]). Все это вызвало новыя неудовольствія и движеніе въ средѣ высшаго духовенства. Тотъ же переяславскій епископъ Сильвестръ склонялъ Арсенія написать протестъ противъ предполагавшагося рѣшенія коммисіи и даже нарочно пріѣзжалъ для этого въ Ростовъ, чтò вполнѣ согласно съ прежними мнѣніями и послѣдующими заявленіями Сильвестра по церковнымъ вопросамъ [3]). При свиданіи же съ Арсеніемъ Сильвестръ вручилъ ему «инструкцію коммисіи», копію съ которой Арсеній отправилъ къ костромскому епископу Дамаскину, прося «имѣть оную въ скрытности», потому что самъ переяславскій архіерей говорилъ ему, что «нарочнымъ повелѣніемъ въ укрытности оную содержать приказано». Отъ себя Арсеній прибавлялъ: «а въ каковыхъ оная коммисія обстоятельствахъ дѣйствіе свое начинаетъ и производить будетъ, о томъ самъ онъ, преосвященный костром-

---

[1]) «День» 1864, № 39, стр. 9.

[2]) По инструкціи 29-го ноября, коммисія распорядилась отправить по уѣздамъ оберъ-офицеровъ изъ дворянъ, знакомыхъ съ сельскою экономіею, для описи имуществъ, и составила особыя формы описей, утвержденныя императрицею 29-го января 1763 г. Полн. Собр. Зак., XVI, 11,745.

Далѣе, именнымъ указомъ отъ 5-го февраля, повелѣно было разослать, въ теченіе іюля и августа, во всѣ епархіи и монастыри шнуровыя книги для внесенія въ нихъ приходовъ и расходовъ, по сочиненнымъ коммисіею формамъ, для повѣрки которыхъ предписано было учредить при коммисіи счетную экспедицію. Ibid., № 11,747.

[3]) Сильвестръ Старогородскій (Ист. Спб. Дух. Акад., Чистовича, 37, и Списки Ю. Толстаго, 15), а не епископъ старогородскій, какъ пишетъ г. Барсовъ («Рус. Стар.» 1876, томъ XV, стр. 737; или С. Старогородскій, «Христ. Чт.», 1873, № 2). Онъ былъ крестникъ великой княжны (императрицы) Елисаветы Петровны. В. И.

ской, изъ оной инструкціи довольно усмотрѣть изволитъ, и ту-де инструкцію Тепловъ сочинялъ, и она-де еще не въ законъ высокомонаршимъ намѣреніемъ утверждена. Что же послѣ воспослѣдуетъ, судьбы Божіи не знаю, а намъ только надлежитъ Богу молиться, дабы церковь свою помиловалъ, якоже миловалъ во время Алексѣя св., митрополита московскаго, за татарскую державу, по писанному въ прологу февраля 12-го, въ словѣ о житіи св. Алексѣя» [1]). Переписка Арсенія съ Дамаскиномъ, захваченная послѣ его ареста, проливаетъ свѣтъ на окончательную развязку дѣла Арсенія. Уже 6-го февраля 1763 г. Дамаскинъ извѣщалъ послѣдняго о полученіи отъ него исправленнаго чиноположенія въ недѣлю православія и заявлялъ, что онъ будетъ совершать этотъ обрядъ по новому чину. Дамаскинъ говоритъ о присланныхъ къ нему Арсеніемъ толкованіяхъ на псалмы, въ которыхъ слѣдователи нашли намеки на современныя обстоятельства. Вотъ одно мѣсто изъ него: «Богъ милостивъ, не оставитъ уповающихъ на него. Пусть противники дышутъ, однако столпъ и утвержденіе истины адскаго ихъ ни мало боится дыханія». Но Дамаскинъ желалъ скорѣйшаго прибытія императрицы къ мощамъ Димитрія Ростовскаго и посѣщенія ею Арсенія, надѣясь, конечно, на успѣхъ вліянія послѣдняго.

Въ третьемъ письмѣ, по поводу введенія въ семинаріи нѣкоторыхъ свѣтскихъ наукъ, Дамаскинъ писалъ: «Мудріи наши попы и причетники будутъ, только опасно, чтобъ за математикою и астрономіею и тѣмъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались, а паче отъ оныхъ не заняли бы въ голову. Я вашего держуся мнѣнія. Довольно того, что и регламентомъ означено; да и того за бѣдностью совершенно исправить неудобно. А то-де наипаче затѣваемъ странное оное ученіе, и кто съ духовныхъ въ коммисіи, не знаю». Нельзя не замѣтить здѣсь сходства мнѣнія Дамаскина съ доношеніемъ Арсенія въ синодъ. Въ заключеніе онъ проситъ Арсенія прислать дальнѣйшія толкованія на псалмы, прибавляя: «кромѣ тѣхъ, которыя я отъ васъ въ проѣздъ мой получилъ» [2]). Эта переписка и посѣщенія Арсенія лицами, заинтересованными въ извѣстномъ рѣ-

[1]) «День» 1864, № 39 (письмо отъ 12-го февраля 1763 года).

[2]) «День», 1864, № 39, стр. 8. Ср. «Рус. Старину» 1876, томъ XV, стр. 741.

В. И.

шеніи разсматриваемаго вопроса, вполнѣ обрисовываютъ предъ нами роль Арсенія въ настоящемъ дѣлѣ. Однако, по показанію лицъ, служившихъ съ Дамаскиномъ въ недѣлю православія, чинъ послѣдняго онъ совершалъ по общему церковному обряду [1]). Иначе поступилъ Арсеній. Во время слѣдствія, въ Ростовѣ были найдены три древнихъ чиноположенія этого обряда: одно печатное съ письменнымъ дополненіемъ и два рукописныя, а также одно новое, по которому былъ совершенъ этотъ обрядъ въ 1763 г. (9-го февраля). Оказывается, что въ письменномъ древнемъ экземплярѣ (1642 г.) были уже прибавки, которыхъ нѣтъ въ печатномъ; но Арсеній сдѣлалъ къ нимъ еще новыя дополненія, по которымъ былъ совершенъ обрядъ православія, въ ростовскомъ соборѣ, въ 1763 году [2]). Прибавки эти состояли изъ двухъ статей, направленныхъ противъ похитителей церковныхъ имуществъ. Приводимъ ихъ здѣсь, отмѣчая разрядкой дополненія Арсенія:

«1. Иже кто встанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зліи крамольницы и совѣтницы ихъ: да будутъ прокляти.

«2. Вси насильствующіи и обидящіи святыя Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ, отъ древнихъ

---

[1]) «День», ibid.

[2]) Впервые анаѳематствованіе, за прикосновеніе къ церковнымъ имуществамъ, въ чинѣ православія встрѣчается послѣ вторичнаго отобранія земель у новгородскаго духовенства, до собора 1503 г., а примѣру Новгорода послѣдовали потомъ и другія епархіи. Анаѳематствованіе это было заимствовано изъ подложнаго правила пятаго вселенскаго собора, на которое ссылается соборъ 1503 г.; и въ нѣкоторыхъ синодикахъ его вовсе нѣтъ (напр. въ синод. моск. Успен. собора, «Древ. Рос. Вивл.», VI). Но въ рукописномъ ростовскомъ синодикѣ (моск. типограф. библ.) 1642 г., противъ анаѳемы «на обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри», сдѣлана еще особая замѣтка для протодіакона: «возгласи вельми!».

«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», А. Павлова, 50—51. Авторъ этой монографіи говоритъ, что Арсеній совершалъ въ 1763 г. обрядъ православія по такому синодику, но это невполнѣ точно. Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ также прибавленія, отмѣченныя нами въ текстѣ, а потому синодъ, въ своемъ представленіи императрицѣ, обвинялъ Арсенія не только въ совершеніи означеннаго чина по рукописному, а не печатному экземпляру, но и за то, что онъ «сверхъ того и другія перемѣны и прибавки, по своему мудрствованію, въ томъ чиноположеніи учинилъ безъ вѣдома синода». «День» 1864, № 39, стр. 6. **В. И.**

боголюбцовъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія и чрезъ то, воплощенія Христова дѣло безкровную жертву истребляющіи, еще не останутся отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляти [1])».

До сихъ поръ Арсеній ни разу не совершалъ этого обряда въ своей епархіи, но теперь онъ задумалъ придать ему торжественную обстановку. Все духовенство Ростова должно было принять въ ней участіе; а идя въ алтарь, Арсеній громогласно возносилъ молитву, въ которой просилъ небо—отвратить хищниковъ отъ исполненія ихъ намѣреній; но если они воспротивятся тому, то чтобы память ихъ погибла съ шумомъ и имя ихъ было истреблено въ книгѣ живыхъ [2]). Конечно, эти выходки не могли остаться тайною для Екатерины, жившей тогда въ Москвѣ, чѣмъ и объясняются отзывы ея объ Арсеніѣ въ письмахъ ея къ статсъ-секретарю Олсуфьеву, отъ 28-го февраля.

«Адамъ Васильевичъ!—пишетъ она.—Понеже я знаю властолюбія и бѣшенства ростовскаго владыки, я умираю—боюсь, чтобъ онъ не поставилъ раки (подлин.—рака) Димитрія Ростовскаго безъ меня; извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаніемъ, и подъ чьимъ смотрѣніемъ (подлин.—подъ чей смотрѣнія) она находится; и если не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобъ оная рака безъ меня отнюдъ не была поставлена». Въ отвѣтъ на это Олсуфьевъ тогда же писалъ Екатеринѣ: «Для лучшаго и точнѣйшаго вашего величества изъясненія, на какомъ основаніи рака въ Ростовъ отправлена,

---

[1]) «День» 1864 г., № 39.

[2]) Въ «выпискѣ изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году случившихся повѣстей» («Чтенія Моск. Общ. исторіи», 1862, II, смѣсь, 15—18) означенное событіе отнесено къ 1762 г., причемъ сообщается, что вслѣдъ затѣмъ Арсеній отправилъ два прошенія—одно Петру III, а другое Екатеринѣ II, по вступленіи ея на престолъ. Но это не вѣрно. Арсеній дѣйствительно посылалъ два «доношенія» въ синодъ, но оба—въ 1763 г. Изъ слѣдственнаго же дѣла видно, что Арсеній во все время своего архіерейства («какъ предъ собраніемъ словесно объявлялъ») «церемоніи оной никогда не чинилъ, а только въ семъ году отправлялъ»; почему синодъ сдѣлалъ заключеніе, что «включенная въ ономъ церемоніалѣ клятва ни къ чему оному клонится, какъ и его вышеозначенныя оба доношенія»... «День», 1864 г., № 39, стр. 6. **В. И.**

подношу при семъ черновой отпускъ письма моего къ митрополиту, по которому такого дерзновенія, кажется, чаять не можно. Приказано поставить впредь до указу въ особомъ мѣстѣ, по близости отъ церкви; сказано, что приложена печать кабинетная и что для охраненія поставлены будутъ солдаты, да и маіору Шадену, который съ нею поѣхалъ, извѣстно, что ваше величество намѣрены поставить раку въ собственномъ своемъ присутствіи; слѣдовательно, надѣюсь, что до самовольства и онъ не допуститъ. Il faudrait, que son Eminence fut d'une hardiesse inconcevable pour oser y mettre les doigts». Тѣмъ не менѣе, Екатерина всетаки помѣтила на письмѣ: «Не худо бы подтвердить, чтобы безъ меня отнюдъ не поставили раки» (рака) [1]). Между тѣмъ Арсеній, крайне возбужденный недавними распоряженіями коммисіи, заставившими его сдѣлать рѣшительный шагъ, и, быть можетъ, вновь обиженный отношеніемъ къ нему Екатерины, рѣшился вступить въ открытую борьбу за попранныя, по его мнѣнію, церковныя права. Подъ такими впечатлѣніями написано было первое доношеніе Арсенія въ синодъ, отъ 6-го марта 1763 г.

Основываясь на манифестѣ Екатерины II, отъ 12-го августа 1762 г., который возвращалъ церковныя имущества въ вѣденіе архіереевъ и монастырей, Арсеній находитъ противорѣчіе тому въ распоряженіи синода о внесеніи въ шнуровыя книги, разосланныя (9-го октября) при особомъ указѣ, всѣхъ приходовъ и расходовъ по архіерейскому дому, «которое одолженіе,—говоритъ онъ,—присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничтоженія: понеже въ той силѣ имѣются, яко бы архіереи о пользѣ церкви вси нестарателе, и въ подозрѣніи нестарательства и пренебреженія, что не по большой ли части изыщется на свѣтскихъ, нежели на духовныхъ»; и въ примѣръ этого онъ представляетъ неустройство Александро-Невскаго монастыря, находившагося въ вѣденіи свѣтскихъ лицъ. «Присланныя отъ святѣйшаго синода книги къ архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ,—продолжаетъ онъ,—аки бы къ

---

[1]) Сообщены Лонгиновымъ въ «День», 1862, № 17; перепечатаны въ «Чтен. Моск. Общ. исторіи», 1862, III, 192. В. И.

прикащикамъ, тяжесть не только архіереямъ, но и всему духовному чину несносная и никогда же неслыханная, еще же слову Божію и закону не очень сходственная». Онъ напоминаетъ обѣщаніе, данное Екатериною въ манифестѣ 6-го іюля, и обстоятельства восшествія ея на престолъ, въ которыхъ было заявлено рѣшительное намѣреніе правительства «поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона». Далѣе, сославшись на слова Духовнаго Регламента о согласіи церковнаго управленія съ закономъ Божіимъ, Арсеній дѣлаетъ отсюда своеобразный выводъ: «Слѣдовательно и Регламентъ, подчиняясь въ своихъ опредѣленіяхъ слову Божію и закону, надлежитъ въ той силѣ принимать, поколику онъ согласенъ слову Божію закону, понеже всегда тому больше надлежитъ внимать, что власть Божія глаголетъ и повелѣваетъ, царями обладающая и всякому дыханію и души владычествующая, нежели власть человѣческая». Послѣ такого вступленія Арсеній переходитъ къ вопросу о церковныхъ имуществахъ.

Приводя доказательства, что еще во времена апостоловъ «были имѣнія церковныя, никому не подчиненныя, токмо единымъ апостоламъ, а послѣ апостоловъ архіереямъ, на единую волю и разсмотрѣніе архіереевъ оставлены, яко Богу данныя и посвященныя»—доказательства, основанныя на апостольскихъ писаніяхъ и правилахъ апостоловъ и вселенскихъ соборовъ,—Арсеній заключаетъ: «отъ сего является, яко не токмо епископы въ своихъ епархіяхъ, но и игумены въ своихъ монастыряхъ, властелины церковнаго имѣнія свободные, токмо подъ властію архіерейскою состоящіе; подъ страхомъ же отлученія отъ церкви никто не долженъ имѣнія отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же непремѣнно долженъ возвратить. А нынѣ не только не думаютъ возвращать, но и до послѣдняго взять, какъ уже сдѣлалось въ бывшее предъ симъ правленіе, отъ чего (!), по писанному въ манифестѣ ея величества, состоявшемся іюня 28-го дня 1762 г., законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалася послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи пра-

вославія и принятіемъ иновѣрнаго закона» [1]). Указавъ затѣмъ на «перваго отнимателя церковныхъ имѣній Юліана отступника», Арсеній приводитъ, какъ бы въ противоположность ему, русскихъ князей, всегда дѣйствовавшихъ на пользу церкви, забывая, такимъ образомъ, весьма рѣшительныя попытки ограниченія имущественныхъ правъ церкви, заявленныя въ Россіи еще въ XV—XVI вѣкахъ. Впрочемъ, упомянувъ вскользь объ этомъ, онъ спѣшитъ перейти къ тому, дѣйствительно, замѣчательному явленію, что «и во время татарскія державы церковь имѣла свободныя имѣнія, въ первоначальной власти архіерейской содержащіяся», причемъ ссылается на житія митрополита Алексѣя и царевича Петра. Такъ было, по словамъ Арсенія, «до временъ Мусинъ-Пушкиновыхъ», который, вопреки волѣ Петра Великаго, «не токмо противу турка заопредѣлилъ, но еще и превосходнѣе, и турокъ бо нашихъ алтарныхъ денегъ не знаетъ, и не касается; а Мусинъ-Пушкинъ и сущія наши алтарныя архіерейскія деньги, сирѣчь вѣнечныя и данныя церковныя, едино то оставилъ, ежели кто что дастъ на поминовеніе и литургію архіерею, что въ епархіяхъ рѣдко случается, а по большей части и не бываетъ». Онъ приравниваетъ распоряженіе Мусина-Пушкина къ дѣйствіямъ «царей римскихъ идолослужительныхъ», въ подтвержденіе чего ссылается на слова «Камня Вѣры»: «архіереи и священницы ветхозавѣтные доходы истинные имѣяху, наши же новозавѣтные, служащіи истинѣ, доходъ имутъ сѣновный». Взявши свое, турокъ не истязуетъ, куда дѣвалось остальное, «а нынѣ, когда даже о томъ, что дано на содержаніе, стало быть истязаніе, дѣломъ производимое, то уже архіерейство бѣдное съ чѣмъ стало верстаться? Узникъ и послѣдній богадѣленный лучшій и счастливѣйшій, понеже что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣется..... какъ же не воздыхать при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительнаго и паче турковъ лютѣйшаго, которое иго ея величеству представили и на насъ возложили, дабы мы, архіереи всякія науки содержали и снабдѣвали, т. е. философскія, богословскія, математическія и астрономическія... Но

[1]) Буквальная выписка, см. маниф. Екатерины II, «XVIII вѣкъ», IV, 216. **В. И.**

«чтобъ академіи заводить, того нигдѣ не обрѣтаемъ, и еслибы того не было противно, то чѣмъ и какимъ иждивеніемъ заводить, когда послѣднее пропитаніе и содержаніе отъ архіереевъ и отъ монастырей отъемлется. Да и приходскіе священники по большей части въ крайней бѣдности находятся, податьми государевыми не меньше мужиковъ обложены, обдѣлывая землю къ своему пропитанію: ежели будетъ богословъ или астрономъ, то больше ничего не получитъ» [1]). Арсеній стоялъ за необходимость «для духовенства однѣхъ элементарныхъ церковныхъ школъ при архіерейскихъ домахъ». «Нужны и школы, и академіи, но надлежащимъ порядкомъ; какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на западѣ, по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ городахъ, на коштѣ государевомъ, въ коихъ академіяхъ и св. Василій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ учился: знаемъ бо вси, яко ученіе свѣтъ, а неученіе тьма.... какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно, въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіямъ и семинаріямъ быть при синодѣ, на государственномъ коштѣ, и учившихся тамъ присылать къ архіереямъ, дабы ихъ производить на власти духовныя, до какихъ они будутъ способны». «Для священниковъ, по мнѣнію Арсенія, школы при архіереяхъ должны быть русскія, какія уже есть; такъ какъ въ церквахъ у насъ не полатыни и не другими иностранными языками читается и поется и служба совершается; при чемъ, дабы силу знали чтенія и званія своего, вмѣсто книги, показанной въ Духовномъ Регламентѣ, которая не бывала и быть не должна, толкуется имъ книжица «православныя вѣры исповѣданіе» (т. е. соч. Петра Могилы), отъ святѣйшихъ патріарховъ апробованная... слѣдовательно къ уразумѣнію священниковъ болѣе нужнѣйшая, нежели философія и другія академическія книги, а наиболѣе по деревнямъ, гдѣ непремѣнно работать на хлѣбъ надлежитъ, а не работая безъ пропитанія быть». Онъ не забываетъ даже напомнить, что еслибы пришлось умножить число такихъ проповѣдниковъ, какъ бывшій противникъ

[1]) Это, случайно брошенное, замѣчаніе не доказываетъ особенной заботливости Арсенія о бѣломъ духовенствѣ. Онъ и ему подобные защитники церковковныхъ правъ думали только о себѣ и монастыряхъ, а это забываютъ тѣ, которые въ протестахъ Арсенія желаютъ видѣть строгую выдержанность каноническаго принципа! В. И.

его, Владиміръ Каллиграфъ, распространявшій въ Москвѣ лютерскія, кальвинскія и жидовскія ереси, — то лучше совсѣмъ остаться безъ проповѣдниковъ, а довольствоваться готовыми словами и поученіями, и, кромѣ архіереевъ, никому не позволять проповѣдывать наизусть.

Сдѣлавъ это отступленіе, направленное противъ извѣстной уже намъ коммисіи о духовныхъ училищахъ, преобразованіе которыхъ должно было совершиться на средства монастырей и архіерейскихъ домовъ, Арсеній снова обращается къ главному вопросу своей темы. Онъ жалуется на равнодушіе современниковъ къ духовному клиру. «У насъ же нынѣшняго вѣка такой плодъ почти въ душу не приходитъ, когда многіе позволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ». Онъ возражаетъ противъ всякаго посягательства на прикосновеніе къ церковнымъ имуществамъ и установленіе штатовъ, въ подкрѣпленіе чего указываетъ на «многіе народы въ нашемъ государствѣ, которые къ своимъ идоламъ тоже доброхотствуютъ, и, сколько могутъ, обогащаютъ ихъ привѣсами и деньгами всякими, а также куницами, соболями, лисицами и т. п., но штаты къ обогащенію и умноженію ихъ не дѣлаютъ». Сославшись затѣмъ на грозныя слова пророка Аггея о запустѣніи храмовъ, Арсеній съ негодованіемъ заявляетъ, что «теперь уже не только настоятели, но и сами архіереи хуже наемниковъ имѣются, такъ какъ отъ нихъ «до послѣдняго куса» требуютъ отвѣта, а власти ихъ апостольской и дѣлъ, душевному спасенію нужныхъ, и въ полушку не ставятъ». Онъ приводитъ примѣры изъ ветхаго завѣта—какъ ограждались священническія имѣнія отъ всякаго посягательства даже во время голода и плѣна, и изъ Баронія—какъ духовенство отстаивало на соборахъ свои права противъ французскихъ королей. Наконецъ, согласно съ Іосифомъ Волоцкимъ, мнѣнія котораго о преслѣдованіи еретиковъ всецѣло усвоилъ Арсеній,—онъ ставитъ въ зависимость отъ имуществъ существованіе самихъ монастырей, безъ которыхъ не откуда будетъ взять архіереевъ. «Сохрани Боже такого случая,—говоритъ Арсеній,—дабы нашему государству быть безъ архіереевъ; тогда возъимѣется нужда быть прежде поповщинѣ, а послѣ безпоповщинѣ. И такъ нашему государству придется, не только со всѣми академіями, но и съ чинами, обра-

титься въ раскольническое, лютеранское, кальвинское или атеистское государство, и въ таковомъ, сохрани Богъ, случаѣ познается, какъ то истинствуетъ слово апостольское: «прилагаемому священству по нуждѣ, и закону премѣненіе бываетъ». Но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Арсеній немедленно сходитъ съ общей точки зрѣнія на частную, преслѣдуя, главнымъ образомъ, свои невзгоды и печали. Такъ, онъ указываетъ на обязанность монастырей содержать инвалидовъ, которыхъ стали назначать въ монастыри не только на вакансіи, но даже на монашескія порціи, вслѣдствіе чего стало невозможнымъ содержать самихъ монаховъ [1]). Арсеній полагалъ, что эта повинность должна падать не только на монастыри, но и на мірскихъ людей. Заключая свое доношеніе, Арсеній заявляетъ, что написать послѣднее побудила его ревность къ закону Божію, изображенная въ манифестахъ императрицы, подъ которыми онъ конечно разумѣлъ тѣ торжественныя обѣщанія о соблюденіи интересовъ церкви, на которыя не поскупилась Екатерина II, при вступленіи своемъ на престолъ [2]).

Но, для своего протеста противъ нарушенія этихъ обѣщаній, которое Арсеній видѣлъ въ дѣйствіяхъ коммисіи, онъ могъ найти опору въ неменѣе энергическомъ приговорѣ по тому же вопросу самого Димитрія Ростовскаго, занесенномъ въ его «Келейный Лѣтописецъ» [3]).

Первое донесеніе Арсенія въ синодъ было отправлено имъ 10-го марта [4]), и въ тотъ же день онъ написалъ два письма—одно къ графу Бестужеву-Рюмину, а другое къ духовнику императрицы, прот. Ѳедору Дубянскому, въ которыхъ выражалъ желаніе, чтобы его мнѣніе о монастырскихъ имуществахъ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ, интересующимся этимъ дѣломъ, и про-

---

[1]) Въ примѣръ того, какъ отбывается эта повинность, Арсеній ставитъ Спасо-Ярославскій монастырь, обладавшій 14,000 душъ крестьянъ, съ которыхъ въ экономическую канцелярію платилось 3,000 р., на монаховъ и монастырь шло 900 р., а на 71 чел. инвалидовъ 786 р. и 240 четвертей хлѣба.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. исторіи» 1862, II, 25—39.

[3]) Выписка изъ «Келейнаго Лѣтописца» Дим. Ростовскаго, по рукописи Моск. Дух. Акад., № 71, листъ 36—137; «Чтенія Моск. Общ. ист.», ibid., 40—44.

[4]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, второе письмо къ Бестужеву, стр. 270. В. И.

силъ у нихъ защиты отъ нападеній противниковъ церкви [1]). Къ своимъ письмамъ Арсеній присоединилъ и копіи [2]) съ мнѣнія. Графу Бестужеву онъ писалъ: «По ревности моей о законѣ нашемъ православно-греко-россійскомъ и церкви Божіей, до чего нынѣ оные пришли и приходятъ, отъ крайней моей горести и сожалѣнія послалъ я въ святѣйшій синодъ доношеніе, а дабы о томъ и ваше сіятельство были извѣстны и по ревности своей къ защищенію нашего православнаго закона о освобожденіи церкви Божіей отъ причиняемаго нынѣ крайняго утѣсненія возъимѣли милостивое свое стараніе, того ради съ онаго доношенія копію вашему сіятельству при семъ сообщаю и прошу оную всю прочитать и прочимъ, кому благоволите показать, изъ чего можно всякому о законѣ нашемъ православномъ въ чемъ оной есть (!!) обстоятельно видѣть» и т. п. (марта 10-го, Ростовъ, 1763 г.). Арсеній желалъ, чтобы его мнѣніе было передано императрицѣ вмѣстѣ съ представленіемъ синода по дѣлу о церковныхъ имуществахъ. Но при этомъ, въ особой запискѣ, Арсеній напоминалъ Бестужеву, что «пора бы великому князю учителя о законѣ пріискать», для какой цѣли онъ предлагалъ «пригласить архимандрита Волоколамскаго монастыря Адріана»—«не безъизвѣстнаго вашему сіятельству»—прибавляетъ онъ [3]).

Какъ видно, Арсеній еще не чувствовалъ собравшейся надъ нимъ грозы: такъ, спустя нѣсколько дней (14-го марта), онъ извѣщалъ Бестужева, что уже 11-го марта онъ получилъ инструкціи для описи церковныхъ имуществъ, данныя отправляющимся отъ коммисіи оберъ-офицерамъ, и формы вѣдомостей, для разсылки ихъ по всѣмъ монастырямъ; вслѣдствіе чего рѣшился отправить въ синодъ новое «доношеніе», копію съ котораго также сообщаетъ Бестужеву, прося его «разсмотрѣть и сколько возможно церковь Божію отъ слѣдующаго ей гоненія защитить и стараніемъ своимъ не оставить» [4]). Другая

---

[1]) «День», 1864 г., № 39, стр. 4.
[2]) «Сборникъ, русскаго историч. общ.», т. VII, стр. 269—270; «День», ibid.
[3]) «Сборникъ», ibid.
[4]) «Сборникъ», VII, 270. **В. И.**

копія того же доношенія, съ письмомъ при ней, снова предназначалась для прот. Дубянскаго [1]).

Коснувшись, въ началѣ втораго донесенія, составленія подробныхъ описей церковныхъ и монастырскихъ вещей, Арсеній замѣчаетъ: «И такъ по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ православный законъ издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ...» — и приводитъ въ примѣръ: Зана или Оза (12-я книга Царствъ, глава VI), который, «будучи левитомъ, за прикосновеніе къ кивоту былъ пораженъ смертію»; византійскаго императора Льва IV, прельстившагося въ св. Софіи драгоцѣннымъ вѣнцомъ, усѣяннымъ карбункулами,—который, «надѣвъ его на свою главу, подвергся жестокой болѣзни отъ язвъ, усѣявшихъ его чело (карбункуловъ), отъ чего и умеръ». Сославшись еще на отзывъ Соломона о воинахъ, которые «не уснутъ, если зла не сотворятъ», Арсеній замѣчаетъ: «отъ таковыхъ свойствъ, какъ древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать, а если и не во всѣхъ такія свойства признавать, однако, надлежитъ засвидѣтельствовать, что стоитъ только дать имъ власть, то они готовы и Спаса и Богородицу ободрать [2]), какъ видно на самомъ дѣлѣ отъ бывшей коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая, въ началѣ моей бытности въ Ростовѣ, опредѣлила было офицеровъ въ Спасо-Ярославскій монастырь переписывать евангелія, кресты и прочія, въ ризницѣ, утвари, и на то уже указъ дала монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ, на починку монастыря; которое дѣло я тогда оспорилъ и такъ оно отмѣнилось. А послѣ, по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію блаженныя памяти Елисаветы Петровны, коллегія совсѣмъ упразднилась и, какъ экономическая канцелярія, синоду была подчинена».

Такого исхода этого дѣла желалъ и теперь Арсеній. Онъ просилъ синодъ войти съ представленіемъ къ императрицѣ, такъ какъ «церковь отъ недавно бывшаго удара и раззоренія еще не

---

[1]) «День» 1864, № 39, стр. 4.

[2]) Арсеній здѣсь забываетъ, что «обдирали», напримѣръ, и такія лица, какъ новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій и т. п. др. **В. И.**

отдохнула и въ чувства не пришла», а между тѣмъ снова поднялись на нее «навѣты и нападенія, и таковые подлоги, дабы ей со временемъ въ конецъ истребиться». Онъ видѣлъ одни раззоренія отъ присланныхъ офицеровъ и грозилъ правительству непослушаніемъ крестьянъ (!), если имъ будутъ отведены назначенныя земли (какъ было положено при Петрѣ III): «тогда,—говоритъ онъ,—они не будутъ и не захотятъ, хоть душу изъ нихъ возьми (хорошее средство!), платить оброковъ, и такъ домы архіерейскіе и монастырскіе, не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся [1]). А если бы такого случая не послѣдовало, то у насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми если бы онъ и изобиловалъ, то лучше ему умереть, нежели съ ними разстаться (!)». Арсенію представляется, что, при такомъ порядкѣ вещей, архіереямъ и монастырямъ придется просить и умолять крестьянъ не отказываться отъ работы, какихъ бы денегъ это ни стоило; а крестьяне даже за малое дѣло будутъ вдвое и втрое требовать; о благолѣпіи же церковномъ нечего и говорить.

Взглядъ Арсенія и его единомышленниковъ на имущественныя права церкви нисколько не разнится отъ мнѣнія самыхъ крайнихъ защитниковъ крѣпостнаго права того времени. Здѣсь все размѣрено и разсчитано на одинъ прибытокъ и личное обезпеченіе; о правѣ же личности съ религіозной точки зрѣнія, какая проявлялась иногда у представителей этого направленія въ прежнее время, нѣтъ и помину. Поэтому толковать о существованіи въ протестѣ Арсенія какого-то высшаго духовнаго воззрѣнія, какъ это дѣлаютъ его защитники, значитъ вовсе не понимать историческихъ явленій. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разнится взглядъ Арсенія на личность человѣка отъ воззрѣній на нее защитниковъ крѣпостнаго права? Вотъ что говоритъ, напримѣръ,

---

[1]) Въ этомъ случаѣ представитель аскетизма забывалъ, что такъ собственно и должно было бы быть! Такъ и думали Нилъ Сорскій, Артемій, Максимъ Грекъ и т. п. блюстители нестяжанія, поднявшіе свой голосъ противъ идей Арсенія еще въ XVI вѣкѣ; но онъ ихъ обходитъ и помнитъ одного Іосифа Волоцкаго! В. И.

извѣстный Сумароковъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины II:

«Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ.... Помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ» [1]). Такъ разсуждали Арсеній и Сумароковъ, увѣрявшіе въ благополучіи своихъ крестьянъ, несмотря на открытыя возстанія преимущественно монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ [2]). Разница въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ къ данному вопросу лишь та, что духовенство претендовало на насильственные захваты помѣщиками церковныхъ земель и крестьянъ [3]), а дворянство заявляло, что дѣйствія правительства относительно церковныхъ имуществъ вполнѣ законны, и что право владѣть вотчинами принадлежитъ не духовенству, а исключительно дворянству [4]). Очевидно, что мотивы угрозъ обѣихъ сторонъ одинаковы.... Второе донесеніе Арсеній заканчиваетъ грознымъ предсказаніемъ о судьбѣ церкви въ Россіи, если осуществятся намѣренія коммисіи: «и

---

[1]) Замѣчанія А. П. Сумарокова на Наказъ, въ «Сборн. русск. истор. общества», X, 85—86.

[2]) Второе доношеніе Арсенія напечатано было въ «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 158—162, и Н. И. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1876, томъ XV, 742.

[3]) Доношеніе Арсенія, ibid.

[4]) Письмо Ярославцева, «Русская Старина», ibid., 730. Авторъ статьи, помѣщенной здѣсь, видитъ въ корреспондентѣ Арсенія—«человѣка очень либеральнаго образа мыслей», потому что онъ высказался противъ дворянства: «необузданное дворянство забыло, что умереть, а помнитъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству»—сомнительный либерализмъ, если онъ допускаетъ обратное. **В. И.**

такъ,—пишетъ онъ,—за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ только въ памяти многихъ будетъ и въ сожалѣніи, что въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви называющихся, церковь и благочестіе истребилися». Вполнѣ понятно, что о судьбѣ послѣдней въ Россіи, Арсеній плачетъ плачемъ Іереміи [1]).

Показанія лицъ, служившихъ въ ростовской консисторіи, убѣдили, что они неоднократно заявляли Арсенію, по поводу его донесеній, что на именные указы представленій чинить не слѣдуетъ; но Арсеній ихъ не слушалъ, а объявлялъ только, сердясь: «то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно». Доношенія не были скрѣплены и занесены въ книгу, а отправлены въ синодъ самимъ Арсеніемъ [2]); что же касается писемъ къ Бестужеву, то прежде, чѣмъ они успѣли дойти до Москвы, Арсеній былъ уже взятъ изъ Ростова, а потому они были доставлены по назначенію только 30-го марта, по вторичному распоряженію Арсенія [3]).

Судя по быстрому теченію дальнѣйшихъ событій, мнѣнія Арсенія сильно смутили синодъ и правительство. Такъ, уже 12-го марта состоялся докладъ синода императрицѣ о первомъ его донесеніи, что оно «клонится къ оскорбленію ея императорскаго величества, за что Арсеній подлежитъ великому сужденію, но безъ вѣдома государыни синодъ приступить къ тому не смѣетъ и предаетъ на ея усмотрѣніе». Безъ сомнѣнія, главнымъ дѣятелемъ въ синодѣ былъ Димитрій Сѣченовъ; прочіе члены или склонялись на сторону послѣдняго, или не смѣли противорѣчить ему, хотя и сочувствовали мнѣніямъ Арсенія. Прочитавъ донесеніе послѣдняго, Екатерина II нашла въ немъ «превратныя и возмутительныя толкованія св. писанія», а въ дѣйствіяхъ Арсенія «посягательство на спокойствіе подданныхъ», и поспѣшила предать его суду синода, предоставивъ себѣ лишь право смягченія его

---

[1]) Второе донесеніе помѣчено 15-мъ марта.

[2]) «День», 1864, № 39, стр. 4—5. В. И.

[3]) «Сборникъ русск. историч. общ.», VII, 270.

участи. Вслѣдствіе этого рѣшенія, уже 14-го марта синодъ опредѣлилъ послать за Арсеніемъ оберъ-офицера съ командою, который долженъ былъ привезти Арсенія, опечатать его бумаги и письма, и доставить ихъ въ синодъ, а его самого помѣстить подъ карауломъ въ Симоновомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приступлено было къ собранію церковныхъ правилъ, необходимыхъ для предстоящаго суда, и постановлено производить все дѣло въ секретѣ. Между тѣмъ, Арсеній отправилъ въ синодъ (15-го марта) второе донесеніе, которое могло только усилить неудовольствіе противъ него [1]). Впрочемъ, въ это время онъ рѣшился уже на все и потому не велѣлъ запирать монастырскихъ воротъ, объявивъ, что скоро будутъ гости, а въ ночь на 16-е марта дѣйствительно явился за нимъ капитанъ-поручикъ гвардіи Дурново съ военною командою [2]).

17-го марта Арсеній и чиновники его консисторіи были доставлены въ Москву, а сочиненія и письма Арсенія, найденныя въ консисторіи, опечатаны и представлены въ синодъ. Однако, увидя, что дѣло его принимаетъ опасный поворотъ, Арсеній, попрежнему, сталъ проситься на покой въ Спасскій Новгородсѣверскій монастырь, ссылаясь на свою просьбу, поданную имъ въ царствованіе Елисаветы Петровны; но на это не обратили теперь даже вниманія [3]).

По случаю пріѣзда Арсенія въ Москву, Екатерина писала генералъ-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ» [4]). Говорятъ, что эта исповѣдь состоялась въ присутствіи императрицы, гр. Орлова, Глѣбова и Шешковскаго, причемъ Арсеній былъ дотого откровененъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему закляпили ротъ [5]). Къ этому времени относится переписка Екате-

---

[1]) «День», 1864, № 39, 3—4.

[2]) «Русскія достопамятности», выпускъ IV, Арсеній Мацѣевичъ, Москва, 1862, стр. 21.

[3]) «День», 1864, № 39, стр. 3.

[4]) Ibid., 1862, № 25, стр. 6.

[5]) «Русскія достопам.», IV, 22. Кляпъ—baillon, которымъ загораждали уста опаснымъ арестантамъ, и вынимали его тогда, когда давалась пища.

В. И.

рины съ Бестужевымъ, объясняющая намъ, какъ смотрѣла на это дѣло сама императрица задолго до рѣшенія суда. Только 30-го марта канцеляристъ архіерейскаго дома (Крыловъ) представилъ письма Арсенія къ Бестужеву, не дошедшія къ нему по случаю совершившейся катастрофы. Но Бестужевъ опять представилъ письма Арсенія императрицѣ съ собственнымъ объясненіемъ и приложеніями [1]) (копій съ доношеній Арсенія). Съ своей стороны, онъ признавалъ, что письма и мнѣнія Арсенія «наполнены не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя императрица справедливо на него прогнѣвана». Отказываясь же при этомъ отъ всякаго заступленія за Арсенія, онъ рѣшался, однако, «по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ». Бестужевъ просилъ также: «не соизволитъ-ли ея величество въ явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступленіи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію учинить и тѣмъ кончить это дѣло, въ предупрежденіе разныхъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій» (31-го марта 1763). Отвѣтомъ на это было слѣдующее, весьма характеристичное, письмо Екатерины:

«Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я-бъ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибы возмутители не были наказаны» [2]).

---

[1]) Подобная предупредительность Бестужева не была-ли вызвана возможными противъ него подозрѣніями? Есть собственноручная записка Екатерины II къ нему (12-го февраля 1763 г.) съ увѣреніемъ о нераспечатываніи писемъ. («Сборн. русск. истор. общ.», VII, 233).

[2]) «Сборникъ русск. ист. общ.», VII, 269—270. Прежде того, письмо Екатерины II было помѣщено въ «Днѣ» 1862 г., № 16, и «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.» 1862 г., III, 192. **В. И.**

Такое внушеніе сильно обезпокоило Бестужева, и онъ поспѣшилъ напомнить императрицѣ, какъ поступилъ онъ съ первымъ письмомъ Арсенія, оправдываясь, что новыя хлопоты его о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла Арсенія имѣютъ цѣлью только одно—желаніе: «пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ,—заключаетъ онъ,—то только отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается». Екатерина приписала на той же запискѣ: «Сожалѣю, что сокрушается: я писала съ тѣмъ, чтобы вы имѣли, что отвѣтствовать тѣмъ, кто васъ просьбою мучитъ. Желаю вамъ спокойно опочивать» [1]).

На другой день (1-го апрѣля) открылся судъ надъ Арсеніемъ.

VII.

Мы знаемъ уже содержаніе переписки Арсенія. Она давала право заключать о значеніи Арсенія въ кружкѣ недовольныхъ іерарховъ, въ которомъ на долю его выпала весьма видная роль [2]). Ему повѣряли они свои скорби по поводу новыхъ церковныхъ порядковъ; къ нему обращались они за совѣтомъ, побуждали его къ предстоящей борьбѣ, для которой признавали его наиболѣе способнымъ и готовымъ. Двое изъ нихъ (Сильвестръ и Дамаскинъ) лично посѣтили Арсенія въ это время. Члены синода Тимоѳей и Амвросій легко могли оправдаться въ своихъ сношеніяхъ съ Арсеніемъ, но Дамаскинъ не могъ избѣжать опасности: онъ переписывался съ Арсеніемъ о чинѣ отлученія, измѣненіе котораго вполнѣ одобрялъ; онъ примѣнялъ толкованія псалмовъ Арсенія къ современнымъ событіямъ. Вслѣдствіе этого Дамаскинъ былъ вызванъ въ Москву подъ конвоемъ. Въ своихъ отвѣтахъ онъ объяснялъ, что его письмо «исторично писано»; «толкованія на псалмы просилъ прислать для прочтенія; подъ против-

---

[1]) «Сборникъ русск. истор. общ.», VII,271—272.

[2]) Латинскія выраженія въ письмахъ Щербацкаго къ Арсенію поручено было перевести Григорію Полетикѣ (синод. переводчику). «Русская Старина» 1876 г., томъ XV. **В. И.**

никами церкви разумѣлъ раскольниковъ; инструкцію просилъ у Арсенія по любопытству, а чинъ отлученія въ недѣлю православія совершалъ по установленному обряду». Но такъ какъ онъ имѣлъ у себя неправильное чиноположеніе и не донесъ объ этомъ заблаговременно, то синодъ постановилъ учинить ему въ своемъ собраніи «репримандъ» и отпустить въ епархію, отдавъ на его совѣсть представленныя имъ объясненія. Императрица утвердила этотъ докладъ, но съ тѣмъ, чтобы выговоръ Дамаскину былъ сдѣланъ посредствомъ указа, который и отослать въ Кострому. Сильвестръ, по рѣшеніи дѣла Арсенія, также получилъ выговоръ [1]).

Сочиненія Арсенія были подвергнуты просмотру; а его переписка съ Дамаскиномъ заставила синодъ обратить вниманіе на болѣе важный вопросъ—на чинъ отлученія, всѣ экземпляры котораго, находившіеся въ Ростовѣ, были также доставлены въ Москву.

Между тѣмъ начались допросы Арсенія. На первомъ мѣстѣ здѣсь стояли, конечно, его донесенія въ синодъ. Арсенія спрашивали: «съ какого предпріятія и умыслу сочинить и въ св. синодъ прислать отважился онъ? не было ли съ кѣмъ сношеній и совѣта о томъ? не разглашалъ ли Арсеній о нихъ письменно или словесно? какъ онъ дерзалъ писать въ своихъ донесеніяхъ возраженія на указы—и термины, оскорбительные для ея величества, о чиноположеніи отлученія?». Арсеній отвѣчалъ, что все онъ писалъ «по ревности и совѣсти, чтобы не быть двоедушнымъ; совѣтовъ и сношеній ни съ кѣмъ не имѣлъ(?); разглашеній не дѣлалъ; въ донесеніяхъ имѣлъ въ виду не указы ея величества, а коммисію [2]); чинъ православія исправилъ по древнимъ спискамъ, гдѣ также внесены «грабители церковные». О толкованіяхъ на псалмы, отосланныхъ къ Дамаскину, онъ отозвался, что «въ нихъ, кромѣ духовныхъ наставленій, ничего до вышеозначенной матеріи не имѣется». 1-го и 2-го апрѣля сдѣланы были допросы лицамъ, служившимъ при Арсеніѣ, о его сношеніяхъ и пе-

---

[1]) «День», 1864 г., № 39. Выписка изъ дѣла.

[2]) Отвѣты Арсенія писаны не имъ самимъ—онъ только подписался; но въ этомъ мѣстѣ сдѣлана имъ собственноручная приписка: «что разумѣется на представленіе коммисіи». В. И.

перепискѣ, показаніями которыхъ мы воспользовались выше. Съ другой стороны, синодъ выслушалъ выписку изъ церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ относительно винъ Арсенія, причемъ въ основаніе его приговора было принято дѣло архіепископа Ѳеодосія Яновскаго, осужденнаго при Екатеринѣ I «за противленіе высочайшей власти». Такимъ образомъ давалась соотвѣтственная окраска поступкамъ Арсенія; но синодъ припомнилъ также старую вину Арсенія, а именно, что онъ отказался при Елисаветѣ Петровнѣ принять присягу на званіе синодальнаго члена и не присутствовалъ въ синодѣ, хотя писался синодальнымъ членомъ. На основаніи этихъ данныхъ, синодъ опредѣлилъ, было, лишить Арсенія архіерейства и монашества; но—такъ какъ Арсеній заслуживалъ, по гражданскимъ законамъ, «жесточайшаго наказанія», а императрица пожелала, чтобы мнѣніе синода было представлено на ея усмотрѣніе,—то синодъ не сдѣлалъ окончательнаго постановленія. Въ дальнѣйшихъ его засѣданіяхъ (4—7-го апрѣля) продолжалось обсужденіе проступковъ Арсенія (сношенія его съ гр. Бестужевымъ и Дубянскимъ, измѣненіе чина православія), и вновь прибавлена статья о ссылкѣ Арсенія подъ крѣпкій надзоръ, въ отдаленный монастырь, лишивъ его при этомъ права пользоваться чернилами и бумагою, т. е. писать.

Въ длинномъ приговорѣ синода, составленномъ по всѣмъ правиламъ тогдашней канцелярской риторики, девять первыхъ пунктовъ прямо относятся къ донесеніямъ Арсенія и представляютъ извлеченія изъ нихъ; затѣмъ идутъ статьи объ отлученіи и присягѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, причемъ напоминается, что уже тогда онъ былъ призванъ въ Москву, въ синодальную контору, въ которой, въ собраніи многихъ духовныхъ персонъ, ему былъ данъ письменный выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь воздержался «отъ подобныхъ продерзостей», а иначе, какъ помѣха общаго покоя и противникъ ея величества, будетъ лишенъ сана и монашества, въ чемъ Арсеній тогда же росписался. Выслушавъ этотъ приговоръ, Екатерина прибавила, чтобы, по старости лѣтъ, оставить Арсенію монашескій чинъ; отъ гражданскаго суда и истязанія освободить, а послать его въ отдаленный монастырь, съ тѣмъ чтобы онъ не могъ развращать тамъ никого ни письменно, ни словесно, о чемъ сообщить во всѣ епархіи для свѣдѣнія духовенству.

12-го апрѣля конфирмація была объявлена въ собраніи синода, въ присутствіи другихъ архіереевъ, бывшихъ въ Москвѣ (Тихона Воронежскаго и Сильвестра Переяславскаго), и архимандритовъ ставропигіальныхъ монастырей [1]); послѣ чего съ Арсенія были торжественно сняты всѣ принадлежности его сана, а онъ далъ подписку, что впредь не будетъ именоваться, или дѣйствовать, ни митрополитомъ, ни архіереемъ, ни въ другомъ духовномъ санѣ. Синодъ полагалъ сначала отправить его въ Ѳеропонтову пустынь, Вологодской губерніи, въ которой былъ нѣкогда заточенъ патріархъ Никонъ; но 15-го апрѣля перемѣнилъ свое распоряженіе, назначивъ ему мѣстомъ ссылки Николаевскій Корельской монастырь, куда былъ сосланъ Ѳеодосій Яновскій. На мѣсто ссылки Арсенія велѣно было везти на Бѣло-озеро и Угличъ, подъ стражею, никого не допуская къ нему; но ему позволено было оставить при себѣ прежнихъ слугъ, и на содержаніе его въ монастырѣ было назначено по 50 к. въ день.

Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія Арсенія къ членамъ синода въ извѣстной степени вліяли на ходъ его дѣла; иначе незачѣмъ было припоминать старыя дѣла и заранѣе разъискивать его присягу. Но мы далеки отъ мысли полагать, что еслибы не существовали эти отношенія, то одно разсмотрѣніе доношеній его, съ точки зрѣнія каноническаго права о владѣніи церковными имуществами, могло бы имѣть для него другія послѣдствія. Думать, что прежнія его дѣйствія помѣшали синоду спокойно взвѣсить силу его доводовъ, — едвали вѣрно [2]). Но въ этомъ дѣлѣ есть и другая сторона. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ ясно поставилъ вопросъ объ отношеніяхъ двухъ властей, а произнесеннымъ отлученіемъ отрѣзалъ для себя возможность выхода. Екатерина II постоянно смотрѣла на дѣло Арсенія съ политической точки зрѣнія. Мы знаемъ уже ея отзывъ объ Арсеніѣ Вольтеру. И въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1763 г., 15 апрѣля), правительство поспѣшило заявить предъ публикою, что доношенія Арсенія «отъ начала до конца наполнены ядомъ оскорбленія ея величества» [3]).

---

[1]) Въ Крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, при огромномъ стеченіи народа, окружавшаго синодальный дворъ. «Русскія достопамятности», Снегирева, 23.

[2]) «Русская Старина» 1876 г., томъ XV, 750, 752—753.

[3]) «Русскія достопамят.», стр. 20. **В. И.**

Заслуживаетъ также вниманія, что въ проектѣ указа о винахъ Арсенія сначала былъ внесенъ пунктъ о ближайшемъ поводѣ его протеста («превратно понявъ и толкуя вознамѣренное нынѣ полезнѣйшее распредѣленіе церковнаго имѣнія»), но затѣмъ этотъ пунктъ былъ исключенъ, а самое осужденіе Арсенія поставлено въ связи съ «письменными, крайне укорительными и злословными представленіями синоду, въ которомъ ея величество президентомъ быть изволитъ». Въ этомъ актѣ иниціатива приговора приписывается синоду, а объ участіи императрицы замѣчено, что она «по своему природному великодушію, милосердію и человѣколюбію, освободивъ его отъ гражданскаго суда», повелѣла только, согласно съ синодскою сентенціею, по лишеніи сана, сослать въ отдаленный монастырь съ пристойнымъ пропитаніемъ» [1]).

Уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ возникшаго благоговѣнія къ личности Арсенія, сложились разсказы о пророчествахъ Арсенія насчетъ нѣкоторыхъ изъ его судей. Такъ, говорятъ, будто Димитрію Сѣченову онъ сказалъ, что тотъ задохнется своимъ языкомъ (онъ умеръ въ 1767 г. отъ апоплексическаго удара), Амвросію Зертисъ-Каменскому—что его убьютъ какъ вола (онъ убитъ во время московской чумы), Гедеону Псковскому—что онъ не увидитъ своей епархіи (онъ, будучи удаленъ изъ Москвы, не доѣхалъ до Пскова и умеръ въ дорогѣ) [2]). Но подобные раз-

---

[1]) «Сборникъ русскаго историческаго общества», VII, 271.

На личный характеръ отношенія Екатерины къ Арсенію есть указаніе въ послѣдующемъ его дѣлѣ, возникшемъ въ 1767 г. «Монахъ-де Арсеній,—читаемъ тамъ,—говаривалъ слова такія: «ея-де величество наша неприродная, и она-де не твердая въ законѣ нашемъ и не надлежало-де ей Россійскаго престола принимать, а слѣдовало Ивану Антоновичу, или лучше бы было, кабы ея величество за него вступила въ супружество». На полѣ противъ этого мѣста Екатерина замѣтила: «Сіи слова Арсеній говорилъ и въ 1762 г. (sic!) капитану Дурново, когда сей послѣдній пріѣзжалъ его брать въ синодъ, и такъ Алексѣевскій то не выдумалъ». «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 165.

Слѣдовательно, эти слова Екатерина хорошо знала въ 1763 году, а извѣстно, какъ ревниво относилась она къ сомнѣніямъ въ ея правахъ на престолъ, даже въ пользу ея сына.

Впрочемъ, говорятъ, Дурново отрицалъ потомъ, передъ почитателемъ Арсенія, И. В. Лопухинымъ, и свое показаніе, и слова Арсенія. «Чтен. Моск. Общ. ист.» 1862, III, 138.

[2]) «Рус. достопам.». Біографія Арсенія, Ив. Снегирева, 24. **В. И.**

сказы не могутъ имѣть мѣста въ исторіи и ровно ничего не прибавляютъ въ защиту лица, о которомъ передаются, хотя любители подобнаго матеріала хотятъ найти въ немъ именно это достоинство.

По окончаніи дѣла Арсенія, Екатерина исполнила свое намѣреніе—отправиться къ Ростовъ—въ концѣ мая 1763 года; но все время она была тамъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, навѣянномъ на нее извѣстнымъ дѣломъ Хитрова, возникшимъ по поводу предполагавшагося брака императрицы съ Григоріемъ Орловымъ,—въ которое были замѣшаны и многіе изъ ея приближенныхъ [1]). Арсенія не было болѣе въ Ростовѣ, но опасенія не оставляли Екатерины. Оттуда она писала Н. И. Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатывать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько времени снаружи» [2]).

Ровно мѣсяцъ спустя послѣ рѣшенія участи Арсенія, судьба церковныхъ имуществъ была покончена... 12-го мая 1763 года состоялось учрежденіе коллегіи Экономіи духовныхъ имѣній, президентомъ которой былъ назначенъ князь Борисъ Куракинъ, а членами ея шесть свѣтскихъ лицъ [3]). По инструкціи, данной ей (6-го іюня), она была подчинена непосредственно сенату и императрицѣ—и только по духовнымъ дѣламъ—синоду [4]). Затѣмъ коллегіи поручено было отправить въ церковныя вотчины оберъ-офицеровъ для описи имуществъ [5]). Впрочемъ, только въ началѣ 1764 г. это дѣло было приведено къ концу, на основаніи указа отъ 26-го февраля, который составляетъ самую важную эпоху въ исторіи церковныхъ имуществъ [6]). И въ то время, какъ рѣ-

---

[1]) «Сборникъ историч. общ.», VII, 287—294.
[2]) Ibid., 288.
[3]) Полн. Собр. Закон., XVI, 11,814.
[4]) Ibid., № 11,844.
[5]) Ibid., № 11,864.
[6]) Ibid., № 12,000 съ книгою штатовъ. В. И.

шался этотъ вопросъ, гр. Потемкинъ былъ опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ, съ весьма широкими полномочіями [1]).

На основаніи закона 26-го февраля, всѣ вотчины архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, въ которыхъ числилось, по этому акту, до 910,866 душъ [2]), переданы были окончательно въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, а духовныя власти освобождены были отъ управленія ими. Вмѣсто всѣхъ прежнихъ оброковъ и работы, крестьяне были обложены (съ 1-го января 1764 г.) $1^1/_2$-рублевымъ сборомъ, который долженъ былъ ежегодно доставлять 1.366,299 р. На содержаніе духовныхъ властей и учрежденій опредѣлено было отпускать жалованье, по вновь составленнымъ штатамъ, для чего всѣ епархіи и монастыри были раздѣлены на три класса. По этому разсчету на архіерейскіе дома было положено 149,586 р. 65 к.; на великорусскіе мужскіе монастыри 174,750 р. 40 к., и женскіе—33,000 р. Тѣ монастыри и пустыни, которые не владѣли вотчинами, были оставлены на своемъ содержаніи, а несостоятельные изъ нихъ предполагалось присоединить къ другимъ монастырямъ, или обратить въ приходскія церкви. Число служителей при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ было ограничено; но допускалось оставить за послѣдними и двумя лаврами (Троицкой и Александро-Невской) опредѣленное количество земли, садовъ, огородовъ и т. п. Для соборовъ и церквей также были установлены штаты. При архіерейскихъ домахъ опредѣлено было содержать богадѣльни, а именно въ 26-ти епархіяхъ на 765 человѣкъ съ назначеніемъ для нихъ 3,825 р. Разсылка преступниковъ по монастырямъ была прекращена, а содержаніе инвалидовъ натурою замѣнено взносомъ въ 115,000 р. [3]).

---

[1]) «Сборн. рус. истор. общ.», VII, 316—317. Лебедевъ, графы Панины, 105—106. Потемкинъ числился въ спнодѣ и въ 1765 г. «Рус. Ар.» 1866, 133.

[2]) Въ дѣйствительности ихъ было болѣе, а именно 1,069,711 душъ (включая и югозападные монастыри). Дѣлая разсчетъ на основаніи этой цифры, полагаютъ, что всей земли въ это время за духовенствомъ числилось 8,557,688 десятинъ, которая, будучи оцѣнена по позднѣйшей (средней) продажной цѣнѣ, дала бы весьма крупную сумму—въ 213,942,200 р. См. Нѣсколько цифръ изъ статистики русской церкви съ 1742—1786 годъ. О. «Труды Кіев. Дух. Акад.» 1867, іюнь, 482—502.

[3]) Въ какомъ положеніи находились въ это время инвалиды въ монастыряхъ, видно изъ слѣдующей секретной (собственноручной) инструкціи, данной императрицею тому же капит.-поруч. Дурново: **В. И.**

Коллегія должна была принять на себя содержаніе семинарій и духовныхъ училищъ, подробный штатъ которыхъ предполагалось выработать современемъ. Впрочемъ, самая коллегія существовала только до 1786 г., когда всѣ ея дѣла велѣно было сдать въ архивъ, а имѣнія духовенства слились съ общею массою казенныхъ имуществъ и поступили въ завѣдываніе казенныхъ палатъ и директоровъ домоводства [1]). Въ томъ же году эти постановленія были распространены на Малороссію [2]); а черезъ два года и на духовенство губерній Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской [3]).

Разрѣшеніе этого вопроса не обошлось однако безъ новыхъ жертвъ. Мѣсто Арсенія занялъ въ Ростовѣ (съ 26-го мая 1763 г.) епископъ тверской Аѳанасій Вольховскій [4]), заявившій себя въ началѣ царствованія Екатерины II мнѣніемъ въ пользу сохраненія церковныхъ имуществъ за духовенствомъ. Поэтому, понят-

---

«1) Ѣхать вамъ надлежитъ отселѣ въ Москву.

«2) Пріѣхавъ туда, навѣдываться вамъ подъ рукою, есть ли на Москвѣ остаточные сверхъ опредѣленія въ инвалиды отставныхъ солдатъ, прежде при монастыряхъ жившихъ. Здѣсь слухъ носится, будто коммисія духовная меньше положила инвалидовъ, нежели при монастыряхъ солдатъ было, и многія сотни остались безъ хлѣба и по-міру по Москвѣ будто шатаются, почему отъ меня гр. Салтыкову писано, и отъ него ко мнѣ писанъ репортъ, изъ котораго противное значитъ; однакожъ какъ Мих. Баскаковъ самъ таковыхъ милостыни просящихъ видѣлъ, то нынѣ васъ посылаю, чтобъ вы истину узнали, и, сколько возможно, именно ихъ переписывали и обнадеживали ихъ, что они мною не оставлены будутъ, а ко мнѣ пришлите роспись и подайте такую же гр. Салтыкову, которому уже отъ меня приказано, на первый случай, выдать по два рубля на человѣка... Все сіе вы прежде гр. Салтыкову не объявите и приложенныя письма ему не вручите, пока вы не свѣдаете истинныхъ слуховъ.

«3) Изъ Москвы поѣдите въ Александрову слободу подъ видомъ богомольства, гдѣ вамъ провѣдывать, много ли старицъ сверхъ штатныхъ, сколько имъ дается и въ чемъ ихъ нужды состоятъ, и, обнадеживая ихъ немедленнымъ моимъ о томъ разсмотрѣніемъ, пріѣзжайте обратно сюда съ сими извѣстіями, которыхъ отъ васъ ждать буду». «Сборн. рус. ист. общ.», VII, 394—395.

[1]) Полн. Собр. Закон., XXII, № 16,399; 16,358 и 16,359.

[2]) Ibid., XXII, № 16,375.

[3]) Ibid., 16,649 и 16,650.

[4]) Списки архіереевъ, Юрія Толстаго, № 93, и «Чтенія Моск. Общ. ист.», годъ III, кн. 2-я, стр. 79. Онъ былъ также южноруссъ и состоялъ учителемъ сначала въ харьковскомъ коллегіумѣ, а потомъ въ Троицкой семинаріи.

В. И.

но, какъ долженъ былъ относиться онъ къ своему предшественнику, и онъ опасался, чтобы не впуталъ его въ свое дѣло угличскій архимандритъ Геннадій, сторонникъ Арсенія. Дѣло послѣдняго возникло въ концѣ 1764 г., по доносу казначея монастыря Илларіона, изъ котораго оказалось, что Геннадій распорядился, во время службы, читать молитвы объ умиреніи церквей во время гоненія, а въ навечеріе богоявленія запретилъ, вопреки церковному чиноположенію, читать молитвы за императорскую фамилію. Дѣло его также разсматривалось въ синодѣ, причемъ велѣно было присутствовать Григорію Теплову. Виновный былъ привезенъ въ Петербургъ; но отвѣты его оказались неудовлетворительными. Такъ, во время слѣдствія, было обнаружено, что онъ, въ разговорахъ съ монахами, по поводу послѣдняго распоряженія, отвѣчалъ: «я это дѣло благопотребно дѣлаю, ревнуя Арсенію митрополиту, а я его ученикъ имѣюся—извольте доносить». Синодъ, въ докладѣ императрицѣ (въ іюнѣ 1765 г.), опредѣлилъ—лишить Геннадія сана и монашества и предать его гражданскому суду; но императрица отъ гражданскаго суда освободила и повелѣла сослать его въ Соловецкій монастырь и содержать тамъ подъ карауломъ, «не выпуская никуда кромѣ церкви» [1]).

Дѣло Геннадія разыгралось въ самый моментъ отобранія имуществъ; въ этомъ и состояла благовременность его ревности въ духѣ Арсенія; но подобные факты только могли побудить Екатерину къ болѣе рѣшительному шагу въ дѣлѣ секуляризаціи. Къ этому же времени относится рѣчь ея, обращенная къ синоду, которая, по своему общему характеру и способу выраженій, напоминаетъ подобное же обращеніе къ духовенству Ивана IV Грознаго, находящееся въ запискахъ Горсея, и нисколько не уступаетъ приведенному нами выше обращенію Петра III къ синоду. Эти сближенія лучше всего показываютъ, какъ поспѣшны были заключенія Екатерины II о церковной реформѣ Петра III. Впрочемъ; рѣчь Екатерины II передана въ такой формѣ, что за подлинность ея нельзя вполнѣ ручаться. Вотъ она:

---

[1]) «Сборникъ рус. истор. общ.», VII, 397—399. В. И.

«Если спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы государственныя особы, состоящія подъ властью монарха и законовъ евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ религіи и наставленія въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ. Власть ваша есть власть людей просвѣщенныхъ, наставленныхъ въ истинахъ христіанской религіи. Всѣ увѣрены, что вы соблюли при изслѣдованіи ихъ праводушіе и безпристрастіе, нужныя къ предохраненію себя отъ заблужденій. Всѣ ваши права и обязанности состоятъ въ ясномъ предложеніи догматовъ вѣры, въ убѣдительномъ истолкованіи ихъ доказательствами, а не спорами... Существенная ваша обязанность состоитъ въ управленіи церквами, въ совершеніи таинъ, въ проповѣдываніи слова Божія, въ защищеніи вѣры, въ молитвахъ и воздержаніи. Для этого нужны: чистая вѣра, непоколебимое благочестіе и всеобщая любовь. Сіи три добродѣтели составляютъ должность вашего званія: безъ нихъ или забываютъ, или оскорбляютъ Бога. Учитель вѣры долженъ убѣждать, а не раздражать; проповѣдникъ трогать, а не восхищать; священникъ—наставлять на путь истины, а не подавать повода къ соблазну. Я отдаю справедливость вашему свѣдѣнію: вы люди просвѣщенные. Но отчего происходитъ, что вы равнодушно смотрите на безчисленныя богатства, которыми обладаете и которыя даютъ вамъ способы жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ, что совершенно противно вашему званію? Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, и которые были очень бѣдны. Царство ихъ было—не отъ міра сего: вы меня понимаете? Я слышала эту истину изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣть безпредѣльныя владѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ? У васъ много подвластныхъ. Вы просвѣщены: вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства; вы не можете владѣть ими, не будучи несправедливы къ нему. Вы должны чувствовать, что вамъ болѣе всѣхъ надлежитъ наблюдать справедливость; но когда нарушаете ее, то тѣмъ болѣе виновны, потому что поставлены въ должностяхъ званія своего. Если вы повинуетесь законамъ, если

вы вѣрнѣйшіе мои подданные, то не умедлите возвратить государству все то, чѣмъ вы неправильнымъ образомъ обладаете» [1]).

Въ связи съ названными протестами противъ отобранія церковныхъ имуществъ, нельзя не упомянуть объ участи, постигшей, около этого времени, другаго единомышленника Арсенія—Павла Конюскевича, митрополита тобольскаго (съ мая 1758 по январь 1768 г.). Близкій Арсенію по своему происхожденію (онъ былъ родомъ изъ Галиціи) и воспитанію (онъ учился въ кіевской академіи, гдѣ и преподавалъ піитику),—Павелъ Конюскевичъ напоминаетъ его и по своему нраву, и по своимъ мнѣніямъ. Аббатъ Шаппъ, бывшій въ 1761 г. въ Тобольскѣ для наблюденія прохожденія Венеры, отзывается о Павлѣ какъ о человѣкѣ, исполненномъ нравственности, хорошемъ латинистѣ, вѣжливомъ въ обращеніи, и пріятномъ собесѣдникѣ, но какъ о не вѣрившемъ въ движеніе земли около солнца и фанатикѣ въ своихъ отношеніяхъ къ язычникамъ, магометанамъ и раскольникамъ.

Возражая, на всякомъ шагу, Шаппу (въ «Антидотѣ»), Екатерина подтверждаетъ однако этотъ отзывъ своего противника [2]). Къ этому прибавляютъ обыкновенно, что, послѣ выхода штатовъ для духовенства, лишившихъ архіерейскій домъ и сибирскіе монастыри 16,628 душъ крестьянъ, Павелъ Конюскевичъ подалъ въ синодъ смѣлый протестъ по поводу этого распоряженія. Его вытребовали къ отвѣту, а синодъ приговорилъ къ лишенію сана; но императрица отправила его на жительство въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ онъ скончался въ 1770 г. [3]). Слагатели религіозныхъ легендъ, по поводу опалы митрополита Павла, разсказываютъ о его появленіи во снѣ Димитрію Сѣченову и предсказаніи ему злой кончины; но грозныя слова, вложенныя въ уста

---

[1]) Рѣчь импер. Екатерины II, говоренная ею къ синоду, по случаю отчужденія церков. имуществъ въ Россіи. «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, II, смѣсь, 187—188.

[2]) «Антидотъ» Екатерины II въ «XVIII вѣкѣ», издан. Бартеневымъ, VI, стр. 342—349, 352—354, 376, 384.

[3]) «Чтен. Моск. Общ. исторіи» 1870, II, 158—168, статья Абрамова. «Павелъ, митр. тоб. и сибир.», гр. М. В. Толстаго, «Странникъ» 1868, № 11; 59—77. «Чтенія по рус. церковн. исторіи за время Екатерины II», Знаменскаго, въ «Православ. Собесѣд.» 1875 г. В. И.

Павлу, вѣроятно, представляютъ варіантъ извѣстнаго разсказа объ обращеніи къ Димитрію Сѣченову—Арсенія Мацѣевича, свидѣтельствующій развѣ о томъ, какъ долго въ извѣстной средѣ держались мнѣнія Арсенія Мацѣевича и Павла Тобольскаго [1]).

Павелъ Конюскевичъ, подобно Арсенію Мацѣевичу, отличался крутымъ нравомъ. Подчиненное ему духовенство, учители и ученики семинаріи, за свои проступки, отсылались въ черныя работы и подвергались наказаніямъ плетьми. Такихъ жалобъ, въ теченіе 9-ти-лѣтняго управленія Павла, накопилось въ синодѣ до 30 [2]). Въ то же время до Екатерины стали доходить слухи о неудовольствіи архіерейскихъ крестьянъ на жестокое управленіе митрополита Павла и особенно экономa архіерейскаго дома—архимандрита Іакинѳа, называемаго въ жалобахъ «кровожаждущимъ». Въ интересной собственноручной запискѣ Екатерины, писанной къ новгородскому митрополиту Димитрію Сѣченову, читаемъ: «Сіи слухи подтверждены и отъ губернатора Соймонова съ прибавленіемъ еще многихъ дѣлъ, въ коихъ, по совѣтамъ экономa, архіерей беззаконно поступалъ. Его преосвященство показался имъ таковымъ, какъ его почти всѣ въ Тобольской (губерніи) разумѣютъ, то есть: мало достойнымъ его званія, а дѣла его, сколько изъ разговоровъ съ губернаторомъ и прочими примѣтить было можно, великой хулы достойны. За малые, но по его, или совѣтниковъ его (коимъ онъ всѣмъ безъ изъятія вѣрилъ), мнѣнію—великіе, проступки—наказывалъ отлученіемъ отъ церкви; къ тому же великія принужденія дѣлаетъ въ постриженіи въ монахи своимъ подчиненнымъ, употребляя къ тому тѣлесныя наказанія, и все дѣлаетъ, какъ ему нравится, хотя то

---

[1]) Вотъ его слова, сообщаемыя митр. Евгеніемъ: «Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena Ecclesiae dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum, etiam ego, homo peccator et Ecclesiae Christi Episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore meorum patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema et inopinatam mortem profero». «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1870, кн. III, смѣсь.

[2]) Сообщеніе г. Терновскаго, на основ. документ. синод. архива въ кіевск. историч. обществѣ, см. «Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣт.», I, 1879 г., стр. 204.

В. И.

и законамъ противно» [1]). Свѣдѣнія, полученныя Екатериною II отъ одного изъ лицъ, отправленныхъ въ Китай, подтверждаются другими офиціальными данными. Такъ, тотъ же Іакинѳъ, своимъ управленіемъ въ монастырскихъ вотчинахъ, вызвалъ бунтъ крестьянъ, для подавленія котораго пришлось употребить въ дѣло военную силу. По словамъ «соликамскаго лѣтописца», онъ былъ «нрава жестокаго» и любилъ прибирать къ монастырямъ сосѣднія угодья, не забывая при этомъ и себя. Плети и кровавыя расправы были обыкновенными явленіями въ его отношеніяхъ къ подчиненному духовенству. Слухи объ этомъ доходили до Петербурга, но, замѣчательно, что, несмотря на удаленіе оттуда митрополита Павла, которому онъ много повредилъ, самъ Іакинѳъ оставался долго еще нетронутымъ, а слѣдствія, назначавшіяся надъ его дѣйствіями, обыкновенно оканчивались въ его пользу, пока онъ не погибъ (въ 1793 году) отъ рукъ крестьянъ, при содѣйствіи монаховъ [2]). Послѣ такихъ фактовъ трудно согласиться съ мнѣніемъ преосвященнаго Филарета (ист. церкви) объ особенно мягкихъ отношеніяхъ духовныхъ правителей къ ихъ крестьянамъ, которыя будто-бы способствовало ихъ благосостоянію, сравнительно съ крестьянами другихъ вѣдомствъ [3]).

Къ довершенію бѣдъ митрополита Павла присоединились жалобы на жестокія насилія и злоупотребленія въ Сибири при обращеніи язычниковъ въ христіанство. Обращеніе ихъ, по большей части, было только номинальное; но оно сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, спаиваньемъ, чрезвычайными поборами и умышленнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденіи отъ церкви; напримѣръ, имъ подбрасывали посуду, намазанную молокомъ

---

[1]) «Сборникъ рус. истор. общ.», X, стр. 275—276.

[2]) «Пермскій Сборникъ», II, Архимандритъ Іакинѳъ, стр. 23—35. Жизнь архим. Іакинѳа Каширерова, іер. Макарія, «Москвит.» 1852, III. Онъ былъ игуменомъ разныхъ монастырей, а въ послѣднее время—архим. Далматовскаго и Соликамскаго-Пыскорскаго, въ которомъ оставался до смерти.

[3]) Сравни, напримѣръ, интересный указъ верх. тайн. сов. 1727 г. рязан. воеводѣ Борису Неронову съ повелѣніемъ принять надлежащія мѣры противъ отягощенія архіерейскихъ крестьянъ, дозволяемаго себѣ рязан. архіер. Гавріиломъ (извѣстный сотрудникъ Петра Великаго—Г. Бужинскій). Барановъ, архивъ правит. сената, II, 96. **В. И.**

или масломъ, лошадиныя кости, или ставили въ потаенныхъ мѣстахъ болвановъ, а потомъ розыскивали за это. Въ такомъ видѣ представлялъ, въ своемъ донесеніи, положеніе миссіонерскаго дѣла въ Сибири губернаторъ Чичеринъ, который заявлялъ, что «подобный безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополію человѣка, который могъ бы въ эти дѣла благоразумно вникать». Вслѣдствіе его донесенія была составлена коммисія, въ которой участвовали Д. Сѣченовъ и Тепловъ [1]); она рѣшила смѣнить митрополита Павла, а на будущее время дать инструкцію миссіонерамъ, въ которой имъ предлагалось уже дѣйствовать не насиліемъ, а мѣрами кротости («учить, увѣщевать, напоминать»); новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудоносимы для непривычныхъ; проповѣдникъ, по мнѣнію коммисіи, долженъ имѣть видъ человѣка, не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго; проповѣдники отнюдь не должны прямой вѣры пополнять суевѣріемъ, разсказами о ложныхъ чудесахъ и откровеніяхъ. Теперь предполагалось новообращенныхъ брать въ семинаріи, но съ тѣмъ, «чтобы они своего языка не забывали», и завести ученіе инородческихъ языковъ [2]).

Однако, два указа были посланы съ вызовомъ митрополита Павла изъ Тобольска, а онъ не спѣшилъ выѣздомъ [3]). Тогда оберъ-прокуроръ синода Мелиссино отправилъ ему подтвержденіе съ приказаніемъ о выѣздѣ въ одну недѣлю, а тобольскому губернатору предписывалось даже употребить административныя мѣры, въ случаѣ неисполненія этого требованія, которыхъ не

---

[1]) Прежнія дѣйствія Димитрія Сѣченова въ этомъ отношеніи лучше всего показываютъ, насколько онъ подчинился теперь духу времени или болѣе удобному теченію.

[2]) Дѣло объ этомъ въ госуд. архивѣ; см. Соловьевъ, XXVII, 158—160. Впрочемъ еще въ 1761 г. сибирскому губерн. начальству было предписано защищать сибирскихъ и оренбургскихъ жителей отъ притѣсненій, чинимыхъ командами, которыя посылались отъ раскольнической коммисіи, учрежденной митр. Павломъ. Отъ этихъ командъ однажды, въ 1759 г., предали себя сожженію 150 чел. муж. и женск. пола; а обращеніе инородцевъ было усилено также при митр. Павлѣ. См. статью гр. Толстаго, 162—163.

[3]) Въ одной изъ жалобъ говорится «о произношеніи архіереемъ о синодѣ непристойныхъ поносительныхъ словъ». «Чтен. въ ист. общ. Нест. Лѣт.», 204.

В. И.

пришлось примѣнить, такъ какъ 11-го января митрополитъ Павелъ выѣхалъ уже изъ Тобольска [1]). Такимъ образомъ, онъ напрасно представляется жертвою протеста по поводу секуляризаціи церковныхъ имуществъ [2]). Впослѣдствіи Екатерина, въ своихъ «возраженіяхъ» аббату Шаппу, объ этомъ случаѣ отзывалась такъ: «Вотъ прекрасный образецъ, предлагаемый аббатомъ для подражанія: невѣжа и фанатикъ; таковыми-то, г. Шаппъ, вамъ хотѣлось бы видѣть епископовъ! Этотъ прелатъ, кромѣ того, былъ гордъ и мстителенъ—пороки, за которые онъ недавно былъ вынужденъ оставить свою епархію» [3]).

Кіевъ. В. С. Иконниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтка о портретѣ Арсенія Мацѣевича.

Портретъ представляетъ Арсенія въ темницѣ; а съ правой стороны на стѣнѣ помѣщенъ его же портретъ въ архіерейскомъ облаченіи,— рисовалъ А. Ковальковъ, гравировалъ А. Осиповъ. Подлинникъ въ Саввиномъ монастырѣ; копія же въ уменьшенномъ видѣ, гравированная Ѳ. Алексѣевымъ, помѣщена была въ изданіи: «Портреты именитыхъ мужей россійской церкви», М. 1844, составленномъ П. П. Бекетовымъ, но вышедшемъ послѣ его смерти. См. «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Д. А. Ровинскаго, въ Сборникѣ Академіи Наукъ, т. X, стр. LI и 18.

Литографированные весьма неудовлетворительные и неточные снимки портрета находятся въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.» 1862, II, и «Рус. достопам.», Снегирева, в. IV (біографія Арсенія Мацѣевича).

Приложенный къ настоящему XXVI-му тому «Русской Старины» портретъ Мацѣевича есть наивозможно точный снимокъ, воспроизведенный нѣсколько въ уменьшенномъ видѣ съ помянутой выше гравюры А. Осипова. Прекрасный экземпляръ этой гравюры сообщенъ «Русской Старинѣ» П. А. Ефремовымъ; рисунокъ на деревѣ принадлежитъ К. О. Брожу, гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

В. И.

---

[1]) Сообщеніе г. Терновскаго, loc. cit., стр. 8—9.

[2]) «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1870, II. Павелъ, митр. тоб.

[3]) «Антидотъ», стр. 334. В. И.

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

VIII [1]).

Напрасно Арсеній и его сторонники опасались, что секуляризація церковныхъ вотчинъ лишитъ владѣльцевъ ихъ послѣднихъ средствъ существованія, отчего произойдутъ неисчислимыя бѣдствія для церкви. Секуляризація недвижимыхъ имуществъ направила экономическую дѣятельность монастырей на пріобрѣтеніе движимой собственности, болѣе производительной въ наше время. Но примѣры, современные Арсенію, показываютъ, что онъ ошибался и въ частныхъ случаяхъ Когда его корреспондентъ Ярославцевъ сообщилъ ему о смерти воронежскаго епископа, послѣ котораго осталось «разного сорту денегъ 8 тысячъ рублей», то и самъ Арсеній замѣтилъ на это: «о покойномъ Іоанникіи разсуждаютъ, что надобно бы у него больше денегъ быть, только, надѣюсь, пошли по рукамъ и у людей остались» [2]). Послѣ катастрофы, постигшей въ 1771 г. Амвросія Зертиса-Каменскаго, въ его покояхъ, въ Чудовомъ монастырѣ, были расхищены: драгоцѣнныя платья, картины, мѣха, разныя матеріи, библіотека въ 2000 томовъ (латинскихъ, греческихъ, французскихъ и русскихъ книгъ въ золотыхъ переплетахъ), стоившая по вѣдомости 6000 р.; на 12000 р. золотой и серебреной монеты (имперіаловъ, полу-

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34; 577—608; т. XXVI, стр. 1—34.

[2]) «День» 1864 г., № 39, стр. 9.

В. И.

имперіаловъ и голландскихъ червонцевъ), 252 полотняныя тонкія рубахи, мраморные столы, мебель чернаго и краснаго дерева, серебреная чернильница въ 1000 руб., двѣ золотыя табакерки по 450 р., фарфоровая подзорная труба, серебреный чайный и посудный приборы, 9 очковъ въ золотой оправѣ, большіе запасы самаго лучшаго венгерскаго вина, шампанскаго, бургонскаго краснаго рейнвейну, бѣлаго стараго французскаго, кагорскаго краснаго вина, англійскаго пива, запасъ заморскихъ водокъ и ликеровъ (семь погребцовъ, по 12 штофовъ каждый). Распространилась было молва, что въ числѣ похищеннаго имущества находилось много женскаго платья; но по разслѣдованіи оказалось, что оно принадлежало титулярному совѣтнику Паунцову (изъ плѣнныхъ турокъ), который оставилъ его въ Чудовѣ, съ разрѣшенія Амвросія, для лучшаго сбереженія [1]). Пожертвованія, сдѣланныя въ настоящемъ столѣтіи графинею Орловой на Юрьевъ и другіе монастыри, также говорятъ противъ преувеличенныхъ опасеній Арсенія [2]).

Иное дѣло употребленіе самыхъ имуществъ, которое правительство нашло необходимымъ секуляризировать. Крестьяне были отобраны отъ монастырей не съ цѣлью освобожденія, подобіе котораго представляла собою мѣра Петра III—напротивъ, вскорѣ послѣ ихъ отобранія, ихъ стали раздавать десятками и сотнями тысячъ въ частное владѣніе. Вѣрный исполнитель воли Екатерины II, Димитрій Сѣченовъ, еще прежде получилъ въ личную собственность 1000 душъ, что, конечно, шло въ разрѣзъ съ тѣмъ порядкомъ вещей, какой установился теперь, при его личномъ участіи и содѣйствіи. Между тѣмъ положеніе приходскаго духовенства вовсе не было обезпечено, а обѣщаніе умножить и улучшить состояніе духовныхъ школъ—далеко не было приведено въ исполненіе [3]). Такимъ образомъ, слова, обращенныя нѣкогда въ

---

[1]) «Исторія москов. епарх. управл». 1721—1821. Ник. Розанова. Томъ II, кн. 2, стр. 332—336, прим., 442, 450.

[2]) См. книгу Ростиславова: «Опытъ изслѣд. о богатствахъ монастырей»; см. также: архим. Фотій, «Русская Старина», изд. 1876 г., томъ XIII, и «Вѣст. Европы» 1878 г.

[3]) См. замѣчанія Р. С. Т. по дѣлу Арсенія Мацѣевича, въ «Днѣ» 1861, № 16, стр. 3—5, и Знаменскаго, въ «Чтеніяхъ по ист. церкви въ царств. Екатерины II». **В. И.**

извѣстномъ манифестѣ Екатерины II, по поводу мѣръ Петра III, находятъ здѣсь полное подтвержденіе: «кажется надобность состояла,—читаемъ тамъ,—только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано». Тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя согласиться со взглядомъ тѣхъ, которые противъ этой мѣры приводятъ такой аргументъ: «Вѣрное государственное право не отнимаетъ ни у кого правъ собственности [1]). Съ такимъ аргументомъ немыслима никакая реформа, и государству, которое захотѣло бы слѣдовать ему въ настоящемъ случаѣ, пришлось бы навсегда остаться на степени развитія Среднихъ вѣковъ. Притомъ, защитники этого аргумента забываютъ, что то учрежденіе, которое они считаютъ необходимымъ оправдывать такими доводами, въ то время давно утратило уже свой первоначальный характеръ.

Но дѣло Арсенія имѣло и другое, важное послѣдствіе. Онъ былъ родомъ изъ польскаго края, учился въ Малороссіи, вступилъ на высшій іерархическій постъ въ Россіи, благодаря покровительству малороссійской партіи, господствовавшей тогда въ духовной іерархіи. Эта партія мечтала о возстановленіи патріаршества и не могла свыкнуться съ порядками Духовнаго Регламента. Понятно, что Екатеринѣ II, строгой блюстительницѣ авторитета свѣтской власти и политическаго единства Россіи [2]), не могли нравиться подобныя тенденціи. И вотъ, въ то время какъ Малороссія должна была лишиться своей автономіи въ лицѣ гетмана, императрица, въ инструкціи гр. П. А. Румянцеву, данной ему при назначеніи малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, поручала: «искуснымъ образомъ присматривать за тамошними архіереями и ихъ подчиненными, дабы они, различными умозрѣніями закоснѣлаго въ нихъ властолюбія, не выступали изъ надлежащихъ предѣловъ сана своего, простирая

---

[1]) Обзоръ духов. литер. Филарета, кн. 2, стр. 90,—цитата у Н. И. Барсова, стр. 727, «Рус. Стар.» 1876, томъ XV.

[2]) Интересны въ этомъ отношеніи ея мнѣнія о правахъ Остзейскаго края и Малороссіи, см. «Русскою Старину», изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 1—20; «Сборн. Рус. ист. общ.», т. VII, 375—391; X, 272—274. **В. И.**

иногда власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разныя, ихъ намѣреніямъ полезныя, общему же покою предупредительныя плевелы, подъ видомъ закона Божія и благочестія, какъ о томъ въ Духовномъ Регламентѣ упоминается..... Къ тому же небезъизвѣстно,—читаемъ далѣе,—что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ, какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія». На основаніи той же инструкціи Румянцевъ «долженъ былъ стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ... И какъ по сему весьма нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духовной, резонабельныхъ сентиментовъ ожидать было можно, и не худо заранѣе таковыхъ знать»,—то Румянцеву давалось право представлять такихъ императрицѣ кандидатами на убылыя архимандричьи и архіерейскія мѣста, обозначая при этомъ: «искусство и образъ мыслей и житія ихъ» [1]). Мы видѣли, что уже въ началѣ своего царствованія Екатерина II старалась въ самомъ синодѣ усилить великорусскій элементъ, а 17-го февраля 1765 г. послѣдовалъ даже указъ синода, по которому епархіальные архіереи должны были на праздныя мѣста монастырскихъ настоятелей представлять по два кандидата, съ непремѣннымъ обозначеніемъ, кто какой націи, и съ этого времени число малороссовъ начало быстро уменьшаться [2]) въ великорусскихъ епархіяхъ.

Въ это время Екатерина занималась составленіемъ Наказа для будущей Коммисіи Уложенія, въ которомъ она старалась провести свои излюбленныя мысли о вѣротерпимости, о которой она такъ часто бесѣдовала съ Вольтеромъ. Наказъ почти совсѣмъ отвергалъ гражданскія наказанія за религіозныя преступленія, о которыхъ онъ выражается: «Чтобы наказаніе за вышеописанныя

---

[1]) «Сборн. Рус. историч. общ.», VII, 378.

[2]) Знаменскій, «Чтенія изъ истор. рус. церкви въ царств. Екатерины II» «Правосл. Собесѣд.» 1875, февр., 108—122. **В. И.**

святотатства производимо было изъ свойства самой вещи, должно оное состоять въ лишеніи всѣхъ выгодъ, (религіей) закономъ намъ даруемыхъ, какъ то: изгнаніе изъ храмовъ, исключеніе изъ собранія вѣрныхъ на время или навсегда, удаленіе отъ ихъ присутствія». Въ такомъ же родѣ мысли Екатерины и объ еретичествѣ (§§ 74 и 75). Предлагая Наказъ въ первоначальномъ видѣ на обсужденіе нѣкоторыхъ лицъ, она предоставила это право и духовнымъ особамъ; но это были уже люди, выдвинутые впередъ Екатериною, какъ Иннокентій Нечаевъ (епископъ псковской), Гавріилъ Петровъ (епископъ тверской) и Платонъ Левшинъ (тогда еще іеромонахъ); притомъ замѣчанія ихъ о противорѣчіи Наказа общепринятымъ церковнымъ мнѣніямъ, хотя и были выражены въ самой мягкой формѣ, почти не повліяли на мнѣнія императрицы. Въ Коммисіи Уложенія не было представителей отъ духовенства, какъ сословія, но синоду было предоставлено избрать депутата на ряду съ другими правительственными учрежденіями: такимъ членомъ въ Коммисіи является сначала Димитрій Сѣченовъ, а потомъ тотъ же Гавріилъ. Но когда синодъ долженъ былъ вручить избранному депутату свой Наказъ, то оберъ-прокуроръ Мелиссино поспѣшилъ внести отъ себя въ синодъ 18 пунктовъ, для руководства въ предстоящихъ преніяхъ по церковнымъ вопросамъ. Пункты эти были составлены въ духѣ Наказа Екатерины, и, безъ сомнѣнія, были написаны не безъ ея вѣдома. Въ этихъ пунктахъ мы встрѣчаемся съ весьма существенными вопросами изъ области церковныхъ отношеній, какъ, напримѣръ, о представленіи раскольникамъ свободнаго отправленія богослуженія, сокращеніе постовъ и церковныхъ службъ, изъятіе изъ Кормчей нѣкоторыхъ дополненій, уничтоженіе суевѣрій, прекращенія содержанія монахамъ, которые «великаго кошта стоютъ, не принося пользы»; о дозволеніи выбирать изъ священниковъ на епископскія мѣста, о разрѣшеніи духовенству носить «пристойнѣйшее платье», объ отмѣнѣ поминанія умершихъ, объ облегченіи разводовъ и сокращеніи степеней родства при заключеніи браковъ [1]). Синодъ отклонилъ эти пункты, и они не подвергались даже обсужденію, хотя, кажется, не остались безъ вліянія на

[1]) «Чтенія Москов. общ. ист.» 1871, III, стр. 114—119. В. И.

депутатскій Наказъ, а въ вопросахъ о суевѣріяхъ послѣдній постоянно ссылается на Духовный Регламентъ. Другіе пункты депутатскаго Наказа касались преимущественно церковнаго благочинія, расширенія правъ духовенства (напримѣръ пріобрѣтать крестьянъ куплею), запрещенія православнымъ вступать въ другіе законы, постановленій о бракахъ, и т. п. [1]). Кромѣ того, въ одной изъ частныхъ коммисій былъ поставленъ вопросъ, къ какому классу слѣдуетъ причислить духовенство. Коммисія касалась этого вопроса въ двухъ засѣданіяхъ (11-го марта и 22-го мая 1768 г.) и пришла къ заключенію, что духовенство должно быть отнесено «къ среднему роду людей». Болѣе другихъ говорилъ по этому вопросу извѣстный историкъ, князь М. М. Щербатовъ, приводившій, по своему обыкновенію, мѣста изъ исторіи Юма, и ему же поручено было составить записку о правахъ духовенства. Коммисія отнеслась съ похвалою къ его запискѣ, но въ дирекціонной коммисіи митрополитъ Гавріилъ сильно возсталъ противъ означеннаго мнѣнія и настоялъ на выдѣленіи духовенства въ самостоятельный привиллегированный классъ въ государствѣ [2]).

---

[1]) Наказъ и пункты депутату отъ синода напеч. Е. Прилежаевымъ въ «Христ. Чтеніи» 1876, сент., октябрь, 223—265. В. И.

[2]) Пекарскій, Дополн. къ ист. масон. въ Рос. въ XVIII стол., 17—20, въ «Сборн. Ак. Наукъ», VII, и Знаменскій, «Чтенія» въ «Правосл. Соб.» 1875, апр., 409—410. Сохранилось весьма интересное письмо крутиц. еп. Сильвестра (Старогородскаго), уже извѣстнаго намъ, къ митроп. Гавріилу, отъ 12-го апр. 1768, касающееся того же вопроса. Онъ пишетъ: «Получилъ я отъ вашего преосв. сего апрѣля 2 дня письмо, въ которомъ стужительность мыслей вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется: то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано! Я плодъ почестей епископскихъ искусомъ дозналъ въ бытность мою при коммиссіи, такъ что и при двойномъ теперь званіи, однако половиной мнѣ сноснѣе: вы узрите какъ пояшутъ васъ и ведутъ аможе не хощете... Въ причисленіи къ мѣщанству духовенства, de quo olim obiter et paucis, труда много, чтобы отстоять; однако не будетъ ли годиться предложеніе такое, что мѣщанамъ дозволены способы многихъ выгодъ и корыстей, какъ то: торги, откупы и прочее, почему и государственныя тягости имъ сносны. А какъ духовные мѣщанскихъ выгодъ по указамъ не имѣютъ и имѣть правилами возбраняется, такъ и въ тягостяхъ общества, соучастны быть или ex natura status sui не могутъ, какова поставка рекрутъ въ солдатство, складка рекрутская и пр. Или, и то могутъ vi facultatum suarum, отъ всего того по правиламъ и примѣру всѣхъ вѣковъ церкви, да и самыхъ иновѣрческихъ державъ свободны. А буде смѣшивать духовенство съ

Мнѣнія князя Щербатова о духовенствѣ основывались на воззрѣніяхъ общихъ эпохъ просвѣщенія. Вотъ весьма характерный отзывъ его о значеніи синода: «Въ немъ обрѣтается оберъ-прокуроръ,—говоритъ онъ,—особа, нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ гражданскими правами, къ чему они весьма склонны.... Духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшаго чина и, по большей части, неслучайный при государѣ, то можетъ-ли онъ единый силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться? Правда, по нынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но посторонія тому обстоятельства противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать, императрица Екатерина I и Петръ II мало царствовали; императрица Анна Іоанновна имѣла при себѣ герцога курляндскаго, лютеранина, слѣдовательно, противнаго духовенству; императрица Елисавета мало по набожности своей не возобновила чинъ патріаршій, но временникъ ея Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временникъ И. И. Шуваловъ, человѣкъ разумный, и совсѣмъ ихъ происканъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ. Но я впредь не

мѣщанствомъ, то надо дать ему и корыстей средства, чего однимъ дать не хочется, другимъ имѣть не можно: такъ останутся только тягости мѣщанскія на духовныхъ безвыгодно»: «Христ. Чтен.» 1873, № 2, 340—341. Н. И. Барсовъ, коснувшись этого письма и означенной коммисіи о правахъ духовенства, замѣчаетъ: «какъ единственный источникъ по этому предмету, какъ руководящая статья» читано было разсужденіе господина Гума (Юма, извѣстнаго писателя-мистика), приличное къ сей матеріи. Но въ подлинникѣ сказано: «разсужденіе изъ исторій г. Гума»... Юмъ—извѣстный историкъ и философъ эпохи просвѣщенія, а не мистикъ. Мистика здѣсь совершенно не при чемъ. **В. И.**

ручаюсь, чтобъ духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть» [1]).

Съ этой именно стороны Екатерина II старалась представить передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которымъ она такъ дорожила, свое отношеніе къ дѣлу Арсенія Мацѣевича. Вопросы о вѣротерпимости и отношеніяхъ свѣтской и духовной властей служили любимою темою въ перепискѣ ея съ Вольтеромъ; а имя Арсенія упоминается въ ней уже въ половинѣ 1765 г. (11-го августа), въ связи съ вопросомъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Екатерина по этому поводу писала: «крестьяне, принадлежавшіе духовному вѣдомству, часто терпѣли тиранническія притѣсненія, чему еще болѣе способствовала частая перемѣна властей, почему они и взбунтовались въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, такъ что при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ, взявшихся за оружіе. Это побудило меня въ 1762 г. осуществить проектъ о совершенномъ измѣненіи въ управленіи духовными имуществами и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, подъущенный нѣкоторыми изъ собратій своихъ, которые заблагоразсудили скрыть свои имена, возсталъ противъ этого. Онъ послалъ двѣ записки, въ которыхъ старался установить нелѣпое начало двоевластія. Подобное покушеніе онъ уже дѣлалъ при Елисаветѣ, но тогда удовольствовались тѣмъ, что принудили его къ молчанію, но такъ какъ его наглость и безуміе усилились, то онъ былъ судимъ новгородскимъ митрополитомъ (важная опора для Екатерины, такъ какъ Вольтеръ уже зналъ о Димитріѣ Сѣченовѣ, по ея же письмамъ) и цѣлымъ синодомъ, и обвиненъ въ фанатизмѣ и дѣйствіяхъ, противныхъ какъ православной вѣрѣ, такъ и самодержавной власти, почему лишенъ своего сана и священства и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я его помиловала и удовольствовалась низложеніемъ въ монахи» [2]).

---

[1]) Статистика въ разсужденіи Россіи, соч. кн. Щербатова, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист.». В. И.

[2]) Этого мѣста нѣтъ въ черновомъ спискѣ письма, хранящемся въ госуд. архивѣ; но оно находится въ самомъ полномъ изданіи переписки Вольтера (раг

Спустя годъ (29-го іюня 1766 г.), Екатерина снова возвращается къ Арсенію, но уже въ связи съ вопросомъ о терпимости: «Всѣ, подобно Каласамъ и Сирвенамъ, вамъ должны всѣмъ,—пишетъ она Вольтеру.—Ничего не стоитъ дать немного своему ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, но дѣлается безсмертнымъ, когда становишься адвокатомъ за человѣчество, защитникомъ угнетенной невинности. Эти два дѣла привлекаютъ къ вамъ уваженіе, котораго заслуживаютъ такія чудеса. Здѣсь вы поражали соединенныхъ враговъ людей—суевѣріе, фанатизмъ, невѣжество, кляузы, худыхъ судей и часть власти, находящейся въ рукахъ тѣхъ и другихъ. Надобно много доблести и достоинства, чтобы побороть эти препятствія. Вы показали, что обладаете ими—вы побѣдили». Изъявивъ готовность оказать вспомоществованіе пострадавшимъ семействамъ, Екатерина продолжаетъ: «Непріятное приключеніе съ ростовскимъ епископомъ было обсуждаемо гласно (?), и вы, государь мой, по своему усмотрѣнію, можете сообщить записку, какъ подлинную выписку, полученную вами вѣрнымъ путемъ». Затѣмъ, сообщая о предстоящихъ дѣйствіяхъ Коммисіи Уложенія, она прилагаетъ къ письму извлеченіе изъ составленной ею инструкціи, въ которой говорится, что «въ великомъ государствѣ, владычество котораго распространяется на столько различныхъ народовъ, на сколько есть различныхъ вѣрованій у людей, будетъ самою вредною для покоя и тишины гражданъ ошибкою—нетерпимость къ ихъ различнымъ вѣрамъ. Только мудрая терпимость, одинаково признаваемая православною вѣрою и политикою, можетъ привести этихъ заблудшихъ овецъ къ истинному вѣрованію. Преслѣдованіе раздражаетъ умы, терпимость ихъ смягчаетъ и дѣлаетъ менѣе упорными, такъ какъ потушаетъ распри, которыя противны покою государства и союзу гражданъ». Но это письмо было только отвѣтомъ на благоговѣйное обращеніе Вольтера къ «Сѣверной звѣздѣ», съ просьбою о покровительствѣ Сирвенамъ,

---

M. Benchot, t. LXII, 411). Переводъ этого мѣста былъ сообщенъ уже въ 1872 г., въ X т. «Сборн. Русск. Истор. Общ.», стр. 37—38 (бумаги Екатерины II), затѣмъ вторично г. Гротомъ, съ французскимъ подлинникомъ, въ 1875 г., въ «Русской Старинѣ», томъ XIV, стр. 587—588. В. И.

послѣ тѣхъ благодѣяній, какими была осыпана семья Каласовъ. Вольтеръ проситъ императрицу даже умѣрить ея доброту, но представить ему воспользоваться ея именемъ.

«Мы просимъ,—пишетъ онъ,—только чести помѣстить ваше августѣйшее имя во главѣ тѣхъ, которые помогаютъ намъ раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными. У меня есть просьба къ вашему величеству о другой милости,—продолжаетъ онъ,—это—дозволить, чтобы я сообщилъ записку, которую вы удостоили мнѣ передать на счетъ ростовскаго епископа, наказаннаго за то, что онъ вообразилъ, что есть двѣ власти. Есть только одна, всемилостивѣйшая государыня, и это та, которая благодѣтельна», — спѣшитъ прибавить фернейскій мудрецъ [1]), такъ умѣвшій соединять философію съ политикою.

Понятно, почему обѣ стороны такъ хлопотали объ оправданіи въ глазахъ общества осужденія «фанатика». Для Екатерины, постоянно проповѣдывавшей о терпимости, важно было дать объясненіе своему поступку; для Вольтера, боровшагося противъ притѣсненій власти и въ то же время опиравшагося на авторитетъ Екатерины, не менѣе важно было найти оправданіе ея приговору въ настоящемъ случаѣ. Но участь Арсенія еще не была рѣшена окончательно. Вскорѣ послѣ обмѣна этихъ мыслей, обѣ стороны должны были снова встрѣтиться.

---

[1]) «Сборн. Русск. Истор. Общ.», X, 93—96. Письмо Вольтера впервые напечатано въ этомъ изданіи. В. И.

IX.

Въ заключеніи Арсеній пользовался бо́льшею свободою, чѣмъ было дозволено. Онъ собиралъ возлѣ себя монаховъ и караульныхъ солдатъ, съ которыми велъ бесѣды о современныхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ враждебнаго ему правительства; онъ нерѣдко касался вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ его собственному положенію. И вотъ, по доносу одного изъ монаховъ (въ сентябрѣ 1767 г.), возникаетъ новое дѣло объ Арсеніѣ [1]). По слѣдствію обнаружилось, что Арсеній продолжалъ оспаривать права Екатерины на престолъ: порицалъ ея намѣреніе вступить въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ; утверждалъ, что Мировичъ не могъ предпринять одинъ освобожденія Ивана Антоновича, «а конечно-де было много и большихъ господъ согласниковъ», почему его слѣдовало пытать, да и бывшихъ у принца на караулѣ офицеровъ, которые его убили, надлежало казнить, «за пролитіе царской крови» [2]). Онъ дѣлалъ намеки по поводу болѣзни великаго князя Павла Петровича, о которомъ выражался: «у насъ-де въ Россіи непостоянны и не берегутъ настоящихъ наслѣд-

---

[1]) Оно производилось въ архангелогородской канцеляріи, при которой содержались теперь виновные: монахъ Арсеній, архимандритъ Антоній, подпрапорщикъ Алексѣевскій, монахи, солдаты, капитанъ Римскій-Корсаковъ, служившій въ архангелогородскомъ гарнизонѣ, но вступившій съ Арсеніемъ въ переписку, когда онъ находился въ Корельскомъ монастырѣ. («Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, 173, и «День» 1862, № 15). Предлагая произвести разслѣдованіе, кн. Вяземскій писалъ архангелогородскому прокурору, что такъ какъ по милосердію ея величества «никакія истязанія терпимы быть не могутъ, то чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями никто истязанъ не былъ».

[2]) По поводу чтенія житія Кирилла Бѣлозерскаго (такъ въ статьѣ г. Чистовича—«День», 1862 г., № 15, и въ подлинномъ предложеніи генералъ-прокурора князя Вяземскаго—архангелогородской губерн. канц., сообщенномъ намъ редакціей «Русской Старины»); въ «запискѣ же о монахѣ Арсеніѣ», въ «Чтен. М. О. ист.» 1862, III, 167,—Кирилла Новоезерскаго,—Арсеній пророчествовалъ, что «будетъ Россіи благополучіе: турка выгонятъ и возьмутъ Грецію, и нынѣде, то время приходитъ и будутъ-де царствовать двое: первый его высочество, а другой—принца Ивана братъ, Петръ, который-де содержится въ Холмогорахъ, и ему уже лѣтъ съ пятнадцать». В. И.

никовъ»; утверждалъ, что Библія напечатана въ Россіи неисправно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ согласна съ жидами, а книжка исповѣданія—съ кальвинами согласна, въ чемъ обвинялъ синодъ, и на допросѣ заявилъ, что готовъ свои слова подтвердить доказательствами. Но особенно подробны были разсужденія Арсенія относительно монастырскихъ имуществъ и его собственнаго положенія. «Нынѣ-де въ монастыряхъ,—говорилъ онъ,—и пива сварить не изъ чего; а первый-де императоръ, хотя и опредѣлилъ отъ монастырей вотчины отнять, но разсудилъ оставить; прежніе-де цари церковь награждали, а нынѣ всю разграбили, а въ его-де епархіи и сосуды обобрали [1]); и такъ-де, что въ Россіи дѣлаютъ, того у турковъ нѣтъ; ибо-де, турки свои мечети награждаютъ, у насъ де, нынѣ Содомъ и Гоморъ. А еслибъ-де, нашихъ духовныхъ предателей, т. е новгородскаго и петербургскаго не было, то бъ монастыри и церкви были въ прежнемъ состояніи. А дворянство-де, не смотря на предковъ своихъ, давно ужъ добиралось, чтобъ деревни отъ монастырей отобрать, и видя-де нынѣ государыню не тверду въ законѣ и россійскихъ поведеній незнающую, удобное къ отнятію деревень время изыскали; ибо-де, ей, государынѣ, какъ доложили и что представили, то и подписала». Въ этомъ показаніи Арсеній признался; остальные пункты стоятъ въ близкой связи съ послѣднимъ. Такъ Арсеній «называлъ Сѣченова супостатомъ, а притомъ говорилъ, что еслибъ Сѣченовъ пропалъ, то-бъ онъ, Арсеній, былъ свободенъ». Арсеній замѣтилъ, что «говорилъ такъ съ сердцовъ и синодскихъ членовъ бранилъ». Онъ сѣтовалъ, что «прежде архіереевъ цари почитали и во всемъ благословенія требовали у нихъ, то-де тогда,—замѣчалъ онъ,—наша братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала; а я-де, какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку

[1]) Сначала Арсеній это показаніе отвергъ, но потомъ «о сосудахъ показалъ, что князь Куракинъ (предсѣд. коллегіи эконом.) обобралъ, а вмѣсто того надѣлалъ оловянныхъ». Екатерина приписала: «о семъ изслѣдовать, гдѣ, когда и кѣмъ». И въ послѣдующей ея запискѣ, по этому дѣлу, прибавлено уже: «Но сіе по изслѣдованіи нашлось зло выдумленное—ложь». «Чтенія Моск. Общ. ист.» 1862, III, стр. 168, 171. В. И.

сослали». Арсеній въ этомъ сознался, оставаясь при своемъ мнѣніи, что «его за правильное доношеніе сослали, и будетъ-де судиться о томъ на страшномъ судѣ.... Златоустъ-де посланъ въ заточеніе отъ царицы, гдѣ и пострадалъ»—разсуждалъ Арсеній. Онъ осуждалъ ссылку архимандрита Геннадія за чтеніе молитвы о гонящихъ церковь и на слѣдствіи заявилъ, что «онъ, Арсеній, думаетъ, что разстригъ архимандрита Сѣченовъ по злобѣ на него, Арсенія, потому что оный архимандритъ былъ имъ посвященъ и опредѣленъ» [1]). Однако Арсеній и самъ совѣтовалъ архимандриту Корельскаго монастыря «читать на проскомидіи молитву о гонящихъ церковь и часть вынимать, что и было, по приказанію архимандрита, исполняемо». Изъ этого видно, что Арсеній пользовался большимъ вліяніемъ въ монастырѣ. Такъ, когда былъ полученъ тамъ указъ о поминовеніи императорской фамиліи, съ подробнымъ реестромъ, то архимандритъ замѣтилъ на это: «Пускай-де, тѣ въ положенныя по реестру числа поминаютъ, кто больше жалованья беретъ, а мы-де будемъ поминать по прежнему» [2]). На это Арсеній далъ такое объясненіе: «Подъ гонящими церковь разумѣлъ онъ предателя Димитрія новгородскаго и Гавріила с.-петербургскаго, и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи старались и въ коммиссіи присутствовали» [3]).

Арсеній слишкомъ вѣрилъ въ силу своихъ мнѣній и доводовъ, которымъ онъ остался вѣренъ до конца. Уже вскорѣ послѣ вторичнаго суда надъ нимъ (22-го октября), онъ обратился въ канцелярію съ просьбою «чтобы она записала его объявленіе и представила императрицѣ; онъ просилъ, чтобы императрица прочла подлинное его доношеніе, за которое онъ осужденъ, и изъ

---

[1]) Екатерина приписала: «О семъ изслѣдовать, имѣлъ-ли сношенія съ Геннадіемъ о читаніи молитвы, и почему то знаетъ Арсеній, бывъ подъ крѣпкимъ карауломъ».

[2]) «Чтенія Московск. Общ. исторіи», 1862, III, смѣсь, дѣло объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, 165—170.

[3]) «День», 1862, № 25, стр. 6. Екатерина сдѣлала замѣчаніе: «Смѣшивая онъ, Арсеній, такимъ образомъ святая вѣра съ монаху непристойную корыстію, совѣтывалъ изъ злобы читать молитвы о гоненіи церкви». «Чтенія» 1862, III, 172. Въ заключеніи у Арсенія были найдены бумаги и молитвы о гонящихъ церковь, выписанныя изъ печатнаго кіевскаго служебника. «День», 1862 г., № 15, стр. 5, статья г. Чистовича. В. И.

котораго, конечно, соизволитъ увидѣть его правость». Въ подтвержденіе этого онъ ссылался на императрицу Елисавету Петровну, которая, находя, что онъ писалъ справедливо, подлиннаго доклада утвердить не согласилась, единственно послушавъ его письма, и сказала, что не подпишетъ: «какъ, де, послѣ смерти моей хотите». Онъ полагалъ, что «докладъ о немъ былъ сдѣланъ въ экстрактѣ и на словахъ; а еслибъ подлинное доношеніе ея величество изволила читать, то конечно онъ такъ наказанъ не былъ бы». И онъ утверждалъ, по-прежнему, что «деревень отъ церквей на основаніи резоновъ, прописанныхъ въ его доношеніи, отбирать не подлежало» [1]).

Но Арсеній горько ошибался въ своемъ разсчетѣ. Екатерина собственноручно отмѣтила обвинительные пункты противъ него, сама составила записку для указа о его винахъ, на основаніи которой указъ былъ написанъ генералъ-прокуроромъ Вяземскимъ, а затѣмъ исправленъ и значительно смягченъ императрицею. Въ новомъ обвинительномъ актѣ на первомъ планѣ стоятъ уже пункты политическаго свойства, а именно, что Арсеній разсѣвалъ о наслѣдникѣ россійскаго престола, великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, что въ немъ къ правленію престола надежды нѣтъ, и, ежели-де скончается, то не за кого больше приняться, какъ за братьевъ принца Іоанна, коихъ почитаетъ онъ за царское колѣно; ложно толковалъ житіе Кирилла, что въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, чѣмъ старался поколебать въ другихъ вѣрность къ самодержицѣ и наслѣднику престола; не устыдился причитать убійство принца Іоанна яко бы данной караульнымъ офицерамъ отъ императрицы Елисаветы инструкціи [2]), чѣмъ не только оказалъ къ ней свою неблагодарность, но и сдѣлался оскорбителемъ; ложно разсѣвалъ,

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 255.

[2]) Арсеній говорилъ, что эта инструкція «была дана для того, что если кто для взятія его приступать будетъ, то бъ его живаго не отдавать, а умертвить, да конечно-де она забыла, а то бы, де, при кончинѣ ту инструкцію отобрала, затѣмъ, что бывшаго государя она не любила и не хотѣла, чтобъ онъ былъ послѣ ея преемникомъ престола, Ивана же Антоныча поближе и привезли для того, чтобъ онъ послѣ ея престолъ принялъ». Арсеній сознался, что онъ толковалъ объ этомъ на основаніи слуховъ. Стр. 166. **В. И.**

что будто бы императрица Елисавета намѣрена была возвести на престолъ, по своей кончинѣ, принца Петра; забывъ не только званіе монашеское, но и самое человѣчество, жаждалъ пролитія крови человѣческой и лишенія жизни людей, совсѣмъ неповинныхъ (по дѣлу Мировича). Вообще, Арсеній являлся теперь въ глазахъ императрицы человѣкомъ, возмущавшимъ «общественное спокойствіе» и «желавшимъ возбудить негодованіе на правительство». Его предсказанія были сочтены суевѣріемъ и святотатствомъ. Только послѣ этихъ обвиненій стоятъ уже пункты объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Наконецъ Арсеній обвинялся въ томъ, что онъ, будучи лишенъ сана, осмѣлился въ монастырѣ сказывать проповѣди.

Поэтому онъ признанъ былъ достойнымъ истязанія и лишенія жизни, но, «по милосердію и человѣколюбію» императрицы приговоренъ къ разстриженію и вѣчному и неисходному содержанію въ Ревелѣ, въ казематѣ, подъ именемъ Андрея Враля (прозваніе, вездѣ прописанное рукою самой Екатерины), причемъ самый караулъ велѣно было опредѣлить изъ состоящихъ тамъ иноземцевъ. Архимандритъ Корельскаго монастыря былъ сосланъ въ архангельскій монастырь подъ надзоръ; караульный офицеръ—лишенъ чиновъ и отправленъ въ дальній сибирскій острогъ на вѣчное житье; лишенъ былъ чиновъ и капитанъ Римскій-Корсаковъ, который, изъ почтенія къ Арсенію, вступилъ съ нимъ въ переписку. Доносчики-монахи награждены по 100 рублей деньгами и переведены въ другіе монастыри, но и оттуда одинъ изъ нихъ продолжалъ писать новые доносы на Арсенія, которымъ однако приказано было болѣе не вѣрить [1]).

Теперь составлены были три инструкціи: двѣ изъ нихъ офицерамъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ везти Арсенія, въ сопровожденіи команды, отъ Архангельска до Вологды, а другой—отъ Вологды

---

[1]) «День», 1861, №15, стр. 6—7. Проектъ указа съ поправками Екатерины II въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист.» 1862, III, 173—180.

Предложеніе ген.-прок. Вяземскаго архангелогород. губерн. канцл., съ подробнымъ изложеніемъ приговора, сообщено намъ редакціей «Русской Старины».

По разсказамъ почитателей Арсенія, виновника новыхъ бѣдъ его (арханг. прокур. В. В. Нарышкина) также постигли кары судьбы. «Чтенія» 1862, III, 137—138. В. И.

до Ревеля, и третья ревельскому коменданту Тизенгаузену. Онѣ были написаны кн. Вяземскимъ, но исправлены Екатериною. Въ инструкціяхъ офицерамъ Арсеній названъ «неизвѣстнымъ колодникомъ», а въ комендантской—«Мужикомъ Андреемъ Вралемъ» и «Бродягинымъ». Соблюденіе строгой тайны—было главнымъ условіемъ этихъ инструкцій; сопровождавшимъ Арсенія воспрещено было говорить съ нимъ, а въ случаѣ они услышатъ отъ него что-либо, то имъ приказывалось никому о томъ не разсказывать, а содержать во всю жизнь секретно, объявивъ одному князю Вяземскому. Въ инструкціи коменданту было прибавлено объ угрозѣ, въ случаѣ разговоровъ Арсенія, положить узнику въ ротъ кляпъ, однако приказывалось отнюдь этого не дѣлать, а «имѣть его въ карманѣ для одного страха, и въ случаѣ иногда его непослушанія, тотъ кляпъ ему и показать». На случай смерти, разрѣшено было похоронить Арсенія при русской церкви и позвать къ нему священника, но взявъ при этомъ съ попа подписку «подъ смертною казнію, что не скажетъ вѣкъ о томъ никому». Вся переписка объ Арсеніѣ должна была идти безъименно: «о секретномъ дѣлѣ» и отсылаться въ руки кн. Вяземскаго, безъ подписки котораго или самой императрицы, колодникъ не могъ быть выданъ никому. Послѣ втораго слѣдствія, образа, бывшіе у Арсенія, велѣно было скрыть; вещи продать, не называя чьи онѣ, а русскія книги отдать ему, но ему запрещено было держать въ казематѣ какой бы то ни было матеріалъ (даже бересту), годный для письма. Однако Екатерина подтвердила, чтобы съ Арсеніемъ обходились безъ грубости и чтобы онъ ни въ чемъ не терпѣлъ нужды.

Арсеній прибылъ въ Ревель 8-го января 1768 г. Когда онъ заболѣлъ, къ нему призвали доктора-нѣмца, но предварительно взяли съ него подписку въ томъ, что «подъ смертною казнію не будетъ спрашивать у больнаго о его имени и состояніи и никому до конца жизни не объявитъ о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками, или какими-нибудь минами». Ежемѣсячно Тизенгаузенъ доносилъ объ Арсеніѣ въ Петербургъ. Въ 1769 г. ему увеличили содержаніе (вмѣсто 10 коп. по 15 коп. въ день), но это обнаружилось только тѣмъ, что ему сдѣлали бѣлье тоньше прежняго. Тѣмъ не менѣе, по смерти Тизенгаузе-

на (въ іюнѣ 1769 г.), императрица сочла нужнымъ сдѣлать новое напоминаніе кн. Вяземскому:

«Какъ Г. П. фонъ Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантъ въ Ревель опредѣленъ,—писала она,—то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобъ, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи, свои какіе ни на есть штуки и чтобы не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты» [1]). Есть указаніе, что въ началѣ своего пребыванія въ Ревелѣ Арсеній искалъ случая, чтобы уйти на купеческомъ кораблѣ въ Англію [2]). Но ему пришлось остаться въ заключеніи до конца жизни. Онъ скончался 28-го февраля 1772 года, причемъ также съ священника и всей команды взяли подписку, что они, подъ смертною казнію, до конца жизни будутъ хранить полное молчаніе о всемъ случившемся [3]).

Таинственность, соблюдавшаяся во время вторичной ссылки Арсенія, была причиною многихъ толковъ и неправильныхъ заключеній о немъ. Самое дѣло объ Арсеніѣ хранилось такъ секретно, что о существованіи его, кромѣ самыхъ близкихъ къ императрицѣ лицъ, никто не зналъ.

Такимъ образомъ вѣроятно возникъ и разсказъ И. В. Лопухина о существовавшемъ будто бы третьемъ дѣлѣ объ Арсеніѣ, вызванномъ нѣкоторыми фактами религіознаго почитанія къ нему, въ производствѣ котораго участвовалъ извѣстный Шешковскій, но которое было уничтожено; о свиданіи въ Москвѣ Арсенія съ Екатериною, въ присутствіи графа Панина и графа Григорія Орлова, причемъ онъ заговорилъ въ такомъ тонѣ, что они должны были уйти, зажавши уши. Благодаря той же таинственности, сложилось мнѣніе, что Арсеній былъ сосланъ не въ Ревель, а въ

---

[1]) Безъ сомнѣнія это письмо то же, которое передается въ разсказѣ И. В. Лопухина другими словами, причемъ слово звѣрокъ замѣнено словомъ: «птичкою». «Чтенія Моск. общ. истор.» 1862, III, 194 и II, 12. Инструкція и переписка объ Арсеніѣ въ «Чтеніяхъ» 1862, III, 181—194, и «День», 1862, № 15.

[2]) Замѣтка Закревскаго, «Чтенія», II, 9.

[3]) «День», 1862, № 15, стр. 6. Арсеній погребенъ при русской Никольской церкви. **В. И.**

Нерчинскъ, откуда переведенъ въ Селенгинскъ и умеръ на пути недалеко отъ Верхнеудинска, гдѣ и была устроена его почитателями часовня [1]). Но по архивнымъ справкамъ оказалось, что около того же времени туда былъ сосланъ іеромонахъ нижегородскаго монастыря Арсеній, не имѣвшій ничего общаго съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ [2]).

Екатерина опасалась, чтобы народъ не смотрѣлъ на Арсенія Мацѣевича, какъ на святаго и мученика, и потому въ своихъ отзывахъ о немъ старалась внушить, что онъ «доказанный клеветникъ, лжецъ и лицемѣръ» [3]); но ей не удалось побороть народной молвы; а въ Сибири самое мѣсто предполагаемой могилы Арсенія считалось священнымъ [4]).

Въ 1771 г. подъ знаменемъ именно Арсенія выступилъ, съ рѣзкимъ протестомъ противъ Екатерины, за отобраніе монастырскихъ имуществъ, преслѣдованіе Арсенія, смерть Іоанна Антоновича, народныя тягости и отступленія отъ христіанскаго образа жизни—нѣкто Смолинъ. Екатерина и его признала фанатикомъ, заточила на пять лѣтъ въ шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ разрѣшила ему принять монашество [5]).

Впрочемъ не одни «фанатики» чтили память Арсенія. И. В. Лопухинъ, извѣстный масонъ и филантропъ, тщательно сибирав-

---

[1]) «Чтенія» 1862, II, 10—14. Говорятъ, что, узнавъ о вторичномъ рѣшеніи по своему дѣлу, Арсеній будто бы въ такомъ тонѣ выразился о жизни императрицы и пророчествовалъ о ея кончинѣ, что трудно передать въ печати; но это безъ сомнѣнія позднѣйшее изобрѣтеніе фантазіи его почитателей. См. Біографію Арсенія, Лейпцигъ, 1863, стр. 13. Одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, именно какъ легенда, напеч. въ «Рус. Стар.» 1874, томъ X, 778. Болѣе подробное изложеніе этого разсказа, съ прибавленіемъ тенденціозныхъ аксессуаровъ, имѣется въ рукописяхъ, принадлежащихъ редакціи «Руской Старины».

Кажется, былъ пущенъ нарочно слухъ о ссылкѣ Арсенія въ Сибирь. «Чтенія моск. общ. ист.», III, 139—140. Въ спискахъ Ю. Толстаго замѣчено: «назначенъ въ ссылку «въ Камчадалы» въ Верхнеудинскій острогъ, но изъ Вологды отвезенъ въ Ревельскую крѣпость» (стр. 10).

[2]) Доказательства этого въ статьѣ Діева, «Чтенія» 1862, II, 3—7; его же, въ «Чтен. моск. общ.» 1864, IV, 11—28. Документы о ссылкѣ іером. Арсенія въ статьѣ Баскина, «Чтенія», 1875, I, смѣсь, стр. 131—143.

[3]) Чтенія 1862, III, 187.

[4]) «Чтенія» 1864, IV, стр. 12.

[5]) Подметное письмо Смолина и документы о немъ въ «Памятникахъ новой рус. исторіи», I, 123—138. В. И.

шій о немъ разсказы и едвали не первый близко познакомившійся съ этимъ дѣломъ, поступокъ Екатерины съ Арсеніемъ ставилъ наравнѣ съ дѣломъ Новикова, хотя многое извиняетъ ей [1]), а въ своемъ орловскомъ имѣніи, селѣ Воскресенскомъ, онъ поставилъ Арсенію памятникъ, подобно тому какъ въ подмосковскомъ имѣніи онъ устроилъ Юнговъ островъ, хижину Руссо и мраморную урну въ честь Фенелона, съ изображеніями госпожи Гюйенъ и Руссо.. Можно думать, что Лопухинъ почиталъ въ Арсеніѣ борца за независимость церкви и религіозныхъ убѣжденій, которой онъ самъ былъ поборникомъ, будучи также противникомъ вмѣшательства церкви въ дѣла государственныя и врагомъ всякаго рода гоненій и притѣсненій, какимъ подвергся Арсеній Мацѣевичъ [2]).

Противъ Арсенія были другіе люди—это были противники независимости духовной власти и преобладающаго значенія монашества въ русской іерархіи. Извѣстный московскій протоіерей, Петръ Алексѣевъ, сообщившій въ письмѣ къ императору Павлу—разсказъ Петра Великаго о патріархѣ Никонѣ, съ тенденціозною цѣлью, вполнѣ одобряетъ дѣйствія свѣтской власти противъ «бывшихъ у насъ замашекъ» и, сказавъ о подобныхъ попыткахъ, заключаетъ такъ: «Не упоминаю здѣсь о Ѳеодосіѣ, нескромномъ архіереѣ новгородскомъ (т. е. Яновскомъ) и Арсеніѣ ростовскомъ, мнимомъ святошѣ, кои, безъ титла патріаршаго, восхотѣли было власть его восхитить: явно противилися самодержцамъ всероссійскимъ, Екатеринѣ I и II, за что осуждены правильно и во изгнаніе сосланы, вмѣсто смертной казни, ими заслуженной по причинѣ важныхъ ихъ винъ, кои обнародованы въ свое время» [3]).

---

[1]) Записки, стр. 56.

[2]) «Памятникъ Арсенію Мацѣевичу», статья М. Лонгинова, «День» 1862, № 19. Мы не считаемъ нужнымъ говорить о тѣхъ, которые, въ оправданіе Арсенія, приводятъ то, что самъ Шешковскій, почувствовавъ жестокость своихъ розысковъ, до самой смерти посылалъ въ Ревель на поминовеніе по Арсеніѣ. «Рус. Достопамят.», 34. Гораздо интереснѣе сообщенное намъ редакціей «Русской Старины» «письмо неизвѣстнаго» о кончинѣ митр. Арсенія, помѣченное 23-мъ марта 1776 г. (!) и очевидно сочиненное въ XVIII-мъ вѣкѣ, но показывающее, какъ трудно было извѣстной партіи примириться съ совершившимся фактомъ. Больное мѣсто этого письма—отобраніе церковныхъ имуществъ. Мы помѣщаемъ его въ приложеніи.

[3]) «Рус. Архивъ», 1863, 101.

В. И.

Нѣтъ сомнѣнія, что приговоръ надъ Арсеніемъ представляется крайне жестокимъ, особенно въ началѣ царствованія Екатерины II, когда она писала Наказъ, созывала Коммисію Уложенія, мечтала съ философами о всеобщемъ человѣческомъ благѣ. Въ этомъ отношеніи недостаточно одного объясненія, что она смотрѣла въ настоящемъ дѣлѣ исключительно съ точки зрѣнія правъ свѣтской власти, въ которой она была вполнѣ солидарна съ Вольтеромъ. Поэтому едвали можно сомнѣваться въ томъ, что мнѣнія, высказанныя Арсеніемъ на-счетъ ея собственныхъ правъ на престолъ—не могли остаться безъ вліянія на участь Арсенія.

Но нельзя также не признать, что Екатерина прекрасно поняла всю важность этой борьбы и указала ея настоящее значеніе. Въ этомъ видѣнъ ея ясный умъ и историческій смыслъ. Оцѣнка этой борьбы была уже сдѣлана въ нашей литературѣ покойнымъ Пекарскимъ, и намъ остается только привести его слова: «По направленію и убѣжденіямъ своимъ, Арсеній является поборникомъ началъ, съ которыми со временъ оставленія Никономъ патріаршаго престола до Екатерины II боролась свѣтская власть въ Россіи. Что бы ни говорили убѣжденные, что у насъ не было и не могло быть клерикаловъ въ русской исторіи конца XVII и XVIII столѣтій,—нельзя не замѣтить стремленія привиллегированнаго сословія—удержать прежнее свое вліяніе, сохранить всѣ средства, которыя были въ рукахъ его по милости невѣжества и неразвитости массъ. Еслибы не было Петра Великаго, у насъ несомнѣнно явились бы клерикалы, и это доказывается Духовнымъ Регламентомъ, гдѣ въ началѣ, послѣ напоминаній изъ византійской исторіи временъ Юстиніана, а изъ западной—папства, сказано: «да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!». Мацѣевичъ былъ послѣднимъ представителемъ защитниковъ старыхъ распорядковъ, которымъ Духовный Регламентъ Петра нанесъ рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельный по своимъ послѣдствіямъ для русскаго просвѣщенія» [1]).

Кіевъ. В. С. Иконниковъ.

---

[1]) Энциклопедич. Словарь, составл. Русскими учеными и литераторами. Спб. 1862, V, 460. В. И.

Примѣчаніе. Во время печатанія нашего очерка объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, мы прочли въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1879 г., № 3-й, замѣтку г. Юсковскаго, подъ заглавіемъ «Сыскъ протопопа», съ приложеніемъ указа 1751 г., относящуюся къ Дмитрію Сѣченову (см. «Русскую Старину», томъ XXV, стр. 33). Изъ послѣдняго видно, что священникъ Лутахинъ былъ заточенъ въ Зеленогорскій монастырь, на основаніи указа синода 1749 г., когда въ Нижнемъ Новгородѣ былъ уже епископомъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, а не Дмитрій Сѣченовъ, уволенный, по болѣзни, отъ епархіи въ 1748 г., и заточенъ былъ за «вины», о которыхъ не упоминается въ жалобѣ его сына. Но если это обстоятельство можетъ, до извѣстной степени, смягчить приговоръ объ отношеніи Дмитрія Сѣченова къ потерпѣвшему и указывать на другія причины его бѣдствія, кромѣ приведенной въ текстѣ (стр. 33), то нельзя не признать также, что ссылка потерпѣвшаго въ 1749 году еще не значитъ, что приговоръ синода состоялся по докладу преемника Дмитрія Сѣченова, а не его самого; тѣмъ болѣе, что въ жалобѣ, поданной императрицѣ Елисаветѣ въ 1755 г., прямо указывается на послѣдняго, какъ на виновника печальной участи Лутахина. Точно также «вины», о которыхъ говорится въ указѣ, не исключаютъ самаго способа отношеній къ нему Дмитрія Сѣченова по другому поводу, о которомъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ, хотя, повторяемъ, эти «вины» могли дѣйствительно существовать. В. И.

Выдуманное письмо о кончинѣ Арсенія Мацѣевича.

Письмо это поддѣльное, любопытно потому, что оно разошлось во многихъ спискахъ, что̀ свидѣтельствуетъ о томъ живомъ интересѣ, который принималъ русской народъ въ судьбѣ Мацѣевича.

«Ваше благородіе, милостивый государь, дражайшій родитель мой. Я нынѣ осмѣлюсь донести вашему благородію послѣдовавшія ужасныя обстоятельства, которыя я съ превеликою ужасностію и страхомъ самоличнымъ всему былъ свидѣтель, которыя новости, рѣдко слыханныя, симъ, на разсужденіе ваше, предлагаю.

«Я отправленъ былъ съ монахомъ Арсеніемъ, который какъ черезъ одну недѣлю, подозвавъ меня къ себѣ, просилъ меня, чтобъ я на прошеніе его склонился, чтобъ его допустить, гдѣ случится, во церкви, для принятія Святыхъ Таинъ, а что мѣсто было весьма степное, почему я отрекся; а онъ объявилъ чрезъ три дни, назначивъ село и часъ, въ который въ него вступимъ, и священника именемъ нарекъ. И какъ пришло самое то время, кое назначено, мы противъ онаго села явились въ самые тѣ часы и минута назначена, и такъ паки просилъ меня, чтобъ позволено было въ церковь идти, объявилъ, что и священникъ уже въ церкви; потому, будучи въ церкви, пѣли тогда «Слава въ вышнихъ Богу», и по отпѣніи просилъ онъ священника, чтобъ начиналъ литургію, и я въ томъ хотя и много препятствовалъ, однако склонился на его прошеніе, и какъ большой выходъ былъ, тогда видно было одѣяніе на немъ архіерейское и сакосъ, а стоялъ онъ въ алтарѣ противъ сѣверныхъ вратъ, а я стоялъ у праваго крылоса, а команда моя у всѣхъ оконъ была разставлена; тогда, видѣвъ необычайное, въ великомъ былъ удивленіи, и какъ время пришло

святаго причастія, тогда священникъ, отдавъ ему поклонъ земной, и просилъ по обыкновенію ихъ прощенія и причастился онъ самъ такъ, какъ архіерею надлежитъ, а по прочтеніи заамвонной молитвы, вышедъ мало изъ алтаря, просилъ меня, чтобъ я шелъ къ священнику на обѣдъ, но я все дѣлалъ на прошеніе его какъ по неволѣ, а противорѣчить не смѣлъ, видя себѣ такое внезапное удивленіе; а священникъ, по окончаніи обѣдни, весьма просилъ меня прилежно; и такъ съ превеликою торопкостію и пошли, а онъ (Арсеній) остался во святомъ алтарѣ, и такъ церковь была заперта, а караулъ вокругъ церкви былъ разставленъ. И весьма скоро по обѣдѣ возвратились для взятія его, однако царскія двери были растворены и онъ стоитъ среди оныхъ вратъ на колѣняхъ въ архіерейскомъ одѣяніи мертвъ. И, разсмотря его, дѣйствительно усмотрѣна въ рукахъ его хартія, чтобъ его во оной церкви погребсти, и просилъ у всѣхъ послѣдняго прощенія и поминовенія, а на концѣ того всѣмъ православнымъ царямъ, архіереямъ и іереямъ и всему православному собранію Божіе благословеніе, однако въ томъ прописалъ странное, аки провидя пророчески о Россіи:

— «Россія, рекъ, съ тобою гнѣвъ Божій не коснитъ и погибель не дремлетъ: вси бо святыя богоизбранныя мѣста то рекутъ: мощи святыхъ презрѣны, церковное имѣніе отъято и вкладчики благовѣрные и христолюбивые, не щадя отчизнъ своихъ, отдавъ все свое недвижимое имѣніе, посвятивъ Богу и церкви святѣй, вопіютъ о отмщеніи своемъ! Видите, какъ благодать Божія умаляетъ! Смотрите себѣ плачевныхъ. Течетъ едино по другомъ бѣдствія и все добро обращается зломъ, и естьли всевидящее око не умплостивится на воздыханіе убогихъ, то отъ своя и своихъ истребленіемъ, другъ друга изгнетая, всѣ погибнутъ, о чемъ царь и пророкъ, вопія къ Вышнему, когда положилъ о созданіи церкви Іерусалимской намѣреніе, вопіялъ ко Господу, обѣщаяся Богу Іаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего или взыду на одръ постели моея, сице дамъ сонъ очима моима и вѣждомъ моима дреманія и покой скраідама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю. Какое усердіе въ то время было! О тріипостасное Божество! влей въ нынѣшнее время въ сердцахъ ихъ раскаяніе о посвященномъ томъ имѣніи Твоему святому имени, вложенномъ о возвращеніи ко храму святому Твоему и отврати праведный свой гнѣвъ, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь».

«Списано 23-го марта 1776 году».

Найдено въ бумагахъ А. П. Петрова, бывшаго учителя ярославскаго духовнаго училища, нынѣ умершаго, отецъ котораго, П. И. Алешковскій, родившійся въ 1767 г. въ Ростовскомъ уѣздѣ, былъ въ Ростовѣ городскимъ священникомъ съ 1792-го по 1814 годъ.

Сообщ. въ 1872 г. **В. И. Лѣствицынъ.**